

НАТАЛЬЯ
МУСНИКОВА

РЫСАВИЦА

Однажды, по воле старой волшебницы, тебя, успешную и уверенную, пожалуй, даже самоуверенную бизнес-леди может зашвырнуть в прошлое. А ещё, по воле всё той же старой волшебницы, ты станешь крысой. Обычной, серой, довольно безобразной на вид крысой. И нужно будет не только выжить в эпоху шпаг и героев, но ещё и вернуть себе свой человеческий облик. Только как это сделать, если в том времени, куда тебя занесло, все носят маски и скрывают свою истинную суть?

Чистенькая, золотистого цвета машина, ловко подрезав на повороте неуклюжий, похожий на танк и залепленный грязью по самые окна внедорожник, грациозно остановилась у светофора. Ну да, у самого светофора, объехав скопление машин, которое провинциалу показалось бы жуткой пробкой, а местному лишь досадным затором. Сидящая в машине кареглазая, с копной разметавшихся по плечам каштановых кудрей девушка с воистину королевской надменностью проигнорировала ругань других автовладельцев и вдавила в пол педаль газа, едва только замигал жёлтый свет. Машина выпустила в сторону неудачников (те, кто сзади, по определению неудачники) бензиновый выхлоп и рванула с места, через пару минут полностью скрывшись из виду.

— Вот крыса, — сплюнул на пол заросший щетиной таксист и повернулся к сидящей на заднем сидении благообразной старушке. — Нет, мать, ну бывают же такие, а?

По бледным, выцветшим от времени губам скользнула тень улыбки, старушка покачала головой, затем руками, сухими, с вылезшими от времени и тяжёлой работы венами, поправила платок на голове и снова повернулась к окну.

— Да ты не переживай, мамаш, — решил подбодрить пассажирку таксист, — у нас далеко не все такие крысы, нормальные девчонки тоже есть.

— Знаю, сынок, — дребезжащим от старости голосом ответила старушка, — моя внучка хорошая. Я к ней в гости еду.

— Гости — это хорошо, — водитель легко вписался в поток машин, продолжая светскую беседу. — У нас вот тоже недавно гости были, из Самары. Сеструха жёнина приезжала с мужем да детьми. Ух, и шепутные же у неё пацаны!

Та же, что стала темой беседы в такси, уже решительно входила в высокое, сплошь из стекла и камня здание. Высокие, сантиметров пятнадцать, не ниже, шпильки тёмно-бордовых туфель гулко стучали по блестящим плитам пола, полы лёгкого красного кардигана развевались за спиной словно крылья, на локотке чуть покачивалась в такт шагам крохотная лакированная сумочка того же цвета, что и туфли.

— Доброе утро, Каталина Сергеевна, — пискнула девушка-администратор за полукруглой стойкой, удивительно похожей на гигантский аквариум, торопливо накрывая папкой любовный роман.

Шатенка наклонилась над стойкой, с презрительной усмешкой вытащила роман и брезгливо, словно дохлую крысу, держа его двумя наманикюренными пальчиками, мельком посмотрела на обложку.

— «Цветок страсти», — протянула Каталина Сергеевна, и уголок её пухлых губ пренебрежительно дёрнулся, — господи, какой только дрянью не забивают пустые головы провинциальных дурочек! Милочка, если вы намерены и дальше работать в нашем офисе, будьте так любезны, выкидывайте мусор, а не тащите его сюда. Это приличное заведение. Вам всё понятно?

— Да, Каталина Сергеевна, — пролепетала бордовая от смущения девушка, виновато втягивая голову в плечи. — Больше подобного не повторится.

— Надеюсь, — Каталина с ласковой улыбкой оторвала у книжки обложку, после чего не глядя швырнула испорченный роман в мусорное ведро. — Скажите Максиму и Марине, чтобы пришли ко мне. Я их жду.

И не удостоив девушку взглядом, Каталина Сергеевна плавно развернулась и направилась к лифту.

— Вот крыса, — прошипела администратор, торопливо наклоняясь к мусорному ведру, чтобы вынуть из него растерзанный роман.

— Ого, Марьяшка, ты чего это по помойке ползаешь? — прозвучал над головой и так-то расстроенной девушки весёлый мужской голос. — Денег что ли не хватает? У нас, мне казалось, зарплаты хорошие.

Марьяна вздрогнула и так резко повернулась, что не удержалась на ногах, буквально упав в объятия симпатичного сероглазого блондина в дорогом костюме, с отнюдь не научным интересом изучавшим свою собеседницу.

— Ух ты, какое у меня сегодня утро доброе, — выдохнул мужчина, не спеша отпустить опять отчаянно покрасневшую девушку. — Да не трепыхайся ты, Марьяшка, я же не волк, не съем. Только покусать могу и то в порыве страсти.

— Вас, Максим Андреевич, самого покусать могут, — пролепетала Марьяна. — Каталина Сергеевна хочет Вас видеть.

— Каталина Сергеевна меня хочет, и не только видеть, — боевым конём заржал Максим и, ущипнув Марьяну за упругую попку, тоже направился к лифту, бросив напоследок. — Кофе мне сообразишь, ага?

По совести и трудовому договору, в обязанности Марьяны не входило приготовление кофе, но отказать, а тем более Максиму Андреевичу, девушка не могла. Мечтательно вздохнув, Марьяна опять наклонилась над ведром и уже даже достала роман, как её опять отвлекли.

— Марьяша, крыса уже пришла?

Девушка охнула и, выронив из рук обрывки романа, отчаянно закивала.

— Зар-раза, — пышногрудая блондинка досадливо хлопнула себя по крутому бедру, — опять говнять начнёт, что я опоздала. Ладно, совру, что у меня машина сломалась. Кофе мне сделай!

Марьяна печально кивнула и вынула роман из ведра, а блондинка заспешила к лифту.

Поднявшись на лифте на второй этаж (лестницей она не пользовалась принципиально, считая это дурным вкусом), Каталина Сергеевна, которую почти все знакомые за глаза называли Крысой, прошла по коридору, по пути метко пнув ведро с водой.

— Да что ж ты делаешь-то, изверг?! — вскинулась уборщица тётя Люся, которая только-только успела навести порядок в коридоре. — Ить только всё намыла, а ты, гляди-ко, воду разлила. Мне же опять затирать придётся, а я ить не молоденькая.

Каталина вздёрнула тонкую, тщательно выщипанную бровь, смерила уборщицу холодным взглядом сверху вниз и отчеканила:

— Насколько я помню, вас и наняли специально для того, чтобы вы за нами грязь подтирали. А если сил нет, так увольняйтесь, на ваше место уже через час желающих толпа набегит!

Тётя Люся приглушённо всхлипнула, хотела что-то сказать, но только махнула беспомощно рукой и отвернулась, а Каталина продолжила шествие по коридору, моментально выбросив из головы стычку с уборщицей. В самом деле, не забивать же себе голову всякой ерундой!

Стоило только Каталине Сергеевне скрыться за дверью своего кабинета, как створки

лифта бесшумно распахнулись, выпуская довольного всем и всеми Максима. Зоркие глаза парня моментально заметили одинокую слезинку на щеке уборщицы, и Максим решительно шагнул к пожилой женщине:

— Тётя Люся, чего случилось? Катька опять нахамила?

Женщина шмыгнула носом, пожевала губами, скорбно покачивая головой с редкими, мышиноного цвета волосами, убранными в куцый хвост:

— Вот ведь до чего я дожила, Максимка. Знаешь, она мне чаво сказала? Если сил нет так убирайся. Другие, мол, через час уже набегут.

— Да не слушай ты её, — Максим обнял женщину, прижал к груди, словно обиженного ребёнка. — А то ты Катьку не знаешь.

— В том-то и дело, что знаю, — горько усмехнулась тётя Люся. — Я же её, паршивку, этими самыми руками вынянчила, пока мать на работе была, с ней сидела, сказки ей рассказывала, колыбельные ей пела. Сам знаешь, не садичная она была!

— Да плюнь ты на неё, — Максим резко махнул рукой. — На дур не обижаются.

— Дак ведь она не дура, Максимка, — вздохнула тётя Люся. — Гляди, какой офис отгрохала, какое дело подняла. Самой настоящей бизнес-леди стала.

— Крысой она стала самой настоящей, — пробурчал Максим. — За делами своими людей видеть перестала.

Тётя Люся насупилась и явно хотела сказать что-то в защиту Каталины Сергеевны, но створки лифта в очередной раз распахнулись, выпуская в коридор пышногрудую блондинку.

— Максим? — удивилась девица, выпрямляясь и буквально тараня парня своим бюстом. — А ты чего это с уборщицей обнимаешься? Можно подумать, других девушек нет!

— Таких как тётя Люся нет, — отрезал Максим и решительно повернулся к блондинке спиной. — Пошли, Каталина Сергеевна нас уже заждалась.

Каталине действительно пришлось ждать, что не могло не сказаться на настроении этой весьма своенравной особы. Стоило только Максиму войти в кабинет, как он понял: будет гроза. Способ избежать жёсткой выволочки был, причём многократно проверенный, но сейчас за спиной Максима стояла Марина, не соблазнять же грозного босса при ней!

— Надеюсь, у вас была веская причина для опоздания, — Каталина Сергеевна метко швырнула в ведро скомканную бумажную салфетку, которой старательно протирала руки.

— Ой, Каталина Сергеевна, у меня машина сломалась, кучу времени убила, пока этих мастеров дождалась, — защебетала Марина. — Зато я договорилась об интервью с Барановой, она расскажет о своей новой коллекции.

— У Барановой нет вкуса, — брезгливо поморщилась Каталина, — и не было никогда. В этом номере будет интервью с Ягодниковым, он в новом фильме снялся.

— А как же Баранова? — пролепетала, бледнея, Марина, — я еле уговорила её. Пришлось эксклюзивную фотосессию обещать.

— Ваши проблемы. Мне нужно интервью с Ягодниковым, а не линялые тряпки на потасканных вешалках, — отчеканила Каталина, поворачиваясь спиной к незадачливой помощнице. — Максим, когда снимки принесёшь?

— У меня с собой, — Максим похлопал себя по карману, — на флэшке.

Каталина Сергеевна выразительно втянула носом воздух и ледяным тоном процедила:

— Я говорила, что никогда не смотрю фотографии с компьютера, мне нужны только распечатанные снимки.

Максим знал, что ему следует промолчать, а ещё лучше извиниться и клятвенно

пообещать исправиться, но обида за тётю Люсю, ту самую тётю Люсю, которая была для Максима второй мамой, давала о себе знать.

— А я говорил, что не собираюсь по сто раз распечатывать одно и то же, — парень поднялся, навис над столом, зло сверкая глазами.

— Пойду, пожалуй, агенту Ягодникова позвоню, — почувяв, что в воздухе отчётливо запахло палёным, пролепетала Марина и так поспешно выскочила из-за стола, что с грохотом уронила стул.

— Надо же, как тебя разнесло, уже за столом не помещаешься, — фыркнула Каталина Сергеевна, не сводя пылающих гневом глаз с Максима.

Блондинка отчаянно покраснела и выскочила из кабинета с такой скоростью, словно от голодного тигра улепётывала. В коридоре же, надёжно защитившись от грозной начальницы дверью, Марина в сердцах плюнула на пол и одними губами яростно прошептала:

— Вот крыса! Да чтоб ты провалилась, проклятая!

Разумеется, проваливаться Каталина Сергеевна не собиралась. Наоборот, покрепче расставила стройные ноги, сверкнула глазами и окинула Максима таким взглядом, что он почувствовал себя жалким червём. Червём? Нет, ещё хуже, куском грязи, каплей помоев.

— Ты, кажется, слишком много о себе возомнил? — усмехнулась Каталина Сергеевна, проводя наманикюренным ноготком по щеке Максима. — Мальчик мой, то, что я с тобой сплю, не делает тебя особенным. Даже твои фотографии, весьма неплохие, признаю, тоже не делают тебя особенным. Особенным тебя делаю я. Без меня ты даже не ноль, минус. Именно я вытащила тебя из вонючего подвала, в котором ты делал моментальные снимки на паспорт и прочие документы. Именно я пригласила тебя фотографом в этот журнал. Именно я допустила тебя до своего тела. Не забывайся, мальчик, всё, что я тебе дала, я легко могу отобрать. И ты снова станешь минусом.

— Ну и стерва же ты, Катька, — со смесью восхищения и презрения заметил Максим. — В кого только? Родители же были нормальные люди.

— Эти, как ты выразился, нормальные люди не достигли в жизни ни-че-го, — Каталина прошлась по кабинету, звучно цокая каблуками. — Мамаша всю жизнь чужим деткам носы подтирала, папаша на заводе вкалывал, пока не выгнали, потом пил так, что чертей видел. Мерзкие людишки!

Каталина брезгливо передёрнула плечами.

— Эти мерзкие людишки пользовались любовью друзей и уважением соседей, — голос Максима зазвенел, подобно боевой трубе, призывающей на бой. — И отец твой запил не на пустом месте, а потому, что...

— В один год потерял и жену, и работу, — одним уголком губ усмехнулась Каталина, — я помню. У этого бесхребетника не хватило мужества начать жизнь с чистого листа!

— А не поздновато, в пятьдесят семь лет жизнь с чистого листа начинать?! — окончательно вызверился Максим. — Катька, кончай, а то ей-же-ей ударю!

— Ударь, — Каталина решительно подошла к парню, почти прижалась к нему, — ну, что же ты медлишь? Давай, бей! Докажи свою мужественность!

Максим стиснул кулаки так, что побелели костяшки пальцев, а потом схватил Каталину и... нет, не ударил, конечно. Впился в губы яростным, на грани боли поцелуем. Отпустил только когда закончился воздух в груди, отстранился, тяжело дыша, смаргивая плывущий перед глазами тяжёлый багряный туман.

— И это всё, на что ты способен? — Каталина с пренебрежительной усмешкой полезла

в стол за зеркальцем и помадой. — Хотя должна признать, с каждым разом ты целуешься всё лучше. Мальчик мой, поздравляю, ты обучаем!

— Зачем ты так, Катька, — прошептал Максим, без сил опускаясь на стул.

— Но не до конца, — продолжила, пропустив реплику парня мимо ушей, Каталина Сергеевна. — Я тысячу раз говорила, что меня зовут Каталина.

— Тебя зовут Катерина, — повысил голос Максим, — Катерина Сергеевна Лобанова. Я знаю тебя с детства, уж передо мной-то ты могла бы и не выпендриваться.

Каталина Сергеевна, чеканя шаг, подошла к парню, взяла его за широкие плечи, склонилась к самому уху и шепнула бархатистым, волнующим до самых глубин голосом:

— Меня зовут Каталина. И если будешь хорошим мальчиком и не станешь спорить, в обеденный перерыв двери моего кабинета будут для тебя открыты.

Максим хотел гордо отказаться, сказать что-нибудь и уйти не оглядываясь, но узкая прохладная ладошка скользнула в расстёгнутый ворот шёлковой рубашки, а другая и вовсе легла на бедро, в опасной близости от паха. От этих почти невинных прикосновений испугнутыми воробьями разлетелись все слова в голове, остались только инстинкты: хватательный, на колени сажательный и страстно целовательный.

— Так как? — прошептала Каталина, поглаживая грудь Максима. — Ты придёшь?

Парень отчаянно закивал головой, судорожно облизывая сухие губы.

— Вот и умница, — Каталина ловко отпрянула в сторону, поправила чуть задрвшую юбку и сухим деловым тоном закончила. — Жду тебя в обед с распечатанными фотографиями, — после чего села за свой рабочий стол и открыла электронную почту. Спокойно, деловито и отрешённо, словно ничего и не произошло.

«А может, для неё наши отношения действительно ничего не значат? — уныло думал Максим, выходя из кабинета. — Она мной пользуется, а я, как идиот, только слюни пускаю, позволяя ей из себя верёвки вить. Нет, так дело дальше не пойдёт. Хватит, надоело! Что она, единственная женщина в мире? Да я дюжину таких найду! Хотя нет, дюжины мне не надо, одной хватит. Единственной, чтобы на всю жизнь, в болезни и здравии и так далее, по тексту».

— Ваш кофе, Максим Андреевич, — вырвал парня из мрачных мыслей нежный девичий голосок.

Максим поднял глаза и пару секунд незряче смотрел на попеременно краснеющую и бледнеющую Марьяну, в руках которой всё сильнее дрожал поднос с чашечкой ароматного кофе и парой пирожных со сгущёнкой, так нежно любимых Максимом.

— Ваш кофе, — повторила Марьяна, — пожалуйста.

Максим машинально взял поднос, не сводя с девушки внимательного взгляда профессионального фотографа.

«А она ничего, — молнией проносилось в голове парня, — симпатичная. И фигурка почти модельная, без лишнего жирка, но при этом и костями не гремит. И нежная, настоящая женщина, а не то что некоторые, крысы в юбке. Заботливая опять же, причём безвозмездно, своей добротой точно попрекать не станет. Интересно, а в постели она какова? Вот сейчас и проверим».

Максим поставил поднос на стол, благо тот недалеко стоял, а потом нежно погладил Марьяну по щеке, одновременно заправляя за ушко выбившуюся прядку. От такой неожиданной ласки девушка вздрогнула и залилась краской до скромного декольте на практичном сером платье, единственным украшением которого служил узкий белый пояс да

манжеты на рукавах ему в тон.

«Э-эх, скромняшка, — чуть заметно поморщился Максим, — хорошо, если я у неё вторым окажусь. А с другой стороны, всему её научу, настрою как гитару, на себя да под себя, разве плохо? И Катьке нос утру, а то думает, у меня кроме неё и быть никого не может! А я вот возьму и женюсь на Марьяшке, то-то Катька взвоят. А что, идея недурна, из Марьяшки жена хорошая получится, и родителям моим она понравится. А захочется чего-то ещё, Катька никуда не денется. Ну, подуется пару недель, а потом соскучится и сама первая меня позовёт, сколько раз так было».

Ободрённый своими мыслями Максим так лучезарно улыбнулся Марьяне, что девушка испуганно отпрянула, как щитом закрываясь подхваченной со стола папкой.

«Тихо, не гони коней, а то всё испортишь, — приказал себе Максим. — Она не Катька, с ней по-другому надо, мягче, нежнее».

— Марьяш, а ты чем вечером занимаешься? — весенним голубем проворковал Максим, заинтересованно подаваясь к девушке.

Марьяна отчаянно покраснела, уронила папку и наклонилась, поспешно собирая выпавшие листы. Максим проворно наклонился и стал помогать девушке, время от времени чисто случайно касаясь её пальцев своими.

— Так чем ты вечером занимаешься? — повторил Максим, когда все бумаги были собраны, а влажная от волнения ладошка Марьяны оказалась в его руке.

— С собакой гуляю, — робко ответила Марьяна, делая слабые попытки освободить свою руку.

— Ух ты, у тебя собака есть? И какой породы?

— Ну... У Рекса папа овчарка, а мама... немного не совсем овчарка. Но это же неважно, я Рекса не за породу люблю.

Воспоминания о домашнем питомце вызвали на губах Марьяны лёгкую улыбку, успокоили и помогли услышать тихий, еле слышный голосок надежды: а вдруг именно сейчас и случится чудо? То самое, о котором так здорово пишут в книгах? А вдруг именно так и рождается любовь?

— У меня тоже собака была, — вздохнул Максим. — Давно, ещё в детстве. Её потом машина сбила, я так плакал, у меня даже температура подскочила, пришлось «скорую» вызывать. Мама после этого сказала, что нам больше не надо домашних животных, слишком больно, когда они уходят.

— А у меня бабушка говорит, что каждый миг рядом с любимым существом бесценен, — поделилась Марьяна и, бросив быстрый взгляд на часы, всплеснула руками и заполошно воскликнула. — О боже, бабушка!

— Что случилось? — нахмурился Максим.

— У меня бабушка сегодня приезжает, я хотела у Каталины Сергеевны отпроситься, а после того, как она роман выкинула, я не посмела, — хлюпая носом призналась Марьяна.

— Давай я тебя отвезу, — с готовностью пионера-героя отозвался Максим, — я на машине.

— Да ты что?! — от изумления Марьяна даже на панибратское обращение перешла. — Если я с работы без спроса уйду, меня же сразу Каталина Сергеевна выгонит!

Максим прикусил губу. Что верно, то верно, миндальничать с девчонкой Катька тоже не станет. А терять малышку жаль, она милая, с той же Катькой не сравнить.

— Когда у тебя бабушка приезжает? — Максим оттянул рукав пиджака, посмотрел на

часы.

— Уже едет, — хлопнула носом Марьяна. — А у неё даже ключей от квартиры нет...

— Жди меня здесь, никуда не уходи, — Максим наставительно поднял указательный палец, моментально вспомнив, как жестоко высмеивала этот жест Каталина, поморщился и опустил руку, — самое большее через полчаса я добуду для тебя выходной до конца дня. Кстати, у тебя фотографии можно распечатать?

— Да, конечно, — пролепетала Марьяна, глядя на Максима как на архангела, покинувшего небеса ради похода в кондитерскую за фруктовой корзиночкой. — Вон, там принтер стоит.

Максим быстро подошёл к выдавшему виды принтеру (по состоянию техники каждый легко мог понять, какое место в служебной иерархии занимает тот или иной сотрудник), скептически покачал головой, но всё же запустил печать. Принтер судорожно вздрогнул, едва не спрыгнув со стола, старчески закричал, пару минут подумал, но всё-таки стал печатать. Правда, каждая третья фотография оказалась с полосой, но это уже ерунда, для Максима фотографии были всего лишь поводом.

— Жди меня, и я вернусь, — процитировал своего любимого классика Максим и поспешно шагнул в лифт, истово молясь всем святым, чтобы Каталина была в кабинете одна.

Звёзды явно покровительствовали фотографу, грозная начальница была в кабинете одна. Едва Максим вышел в коридор, как Каталина с шумом отложила мобильный телефон в сторону, с трудом удерживая себя от того, чтобы запустить им в стену.

— Не ходил бы ты, Максимка, — шёпотом предупредила парня тётя Люся, — она опять с Коноплёвым по телефону ругалась.

— Она всегда ругается, — отмахнулся Максим и, торопливо стукнув костяшками пальцев по двери и даже не дождавшись ответа, шагнул в кабинет.

Тётя Люся мелко перекрестила дверь кабинета, после чего торопливо посеменила прочь по коридору. Крики будут раздаваться из логова грозной начальницы или стоны сладострастные, в любом случае, свидетели будут лишними.

Каталина сидела за столом, обхватив длинными тонкими пальцами голову, и даже головы не подняла на незваного гостя, коротко приказав:

— Пошёл вон!

— Я фотографии принёс, — Максим скользнул ближе к столу, положил ещё тёплые после принтера листки и предусмотрительно шагнул за спину Каталины.

— Я сказала, пошёл вон!!! — рывкнула Каталина, запуская бумагами в стену.

— Я соскучился, моя сладкая, — шепнул Максим, осторожно целуя Каталину в шею.

— Иди отсюда, не до тебя, — отмахнулась Каталина Сергеевна, но уже без прежней злости.

— Хочешь, чтобы я ушёл? — рука Максима ловко скользнула в вырез светло-кремового платья, пробралась в чашечку бюстгалтера, чуть сжав грудь. — Уверена?

Каталина замерла, а потом резко шлёпнула парня по руке. От неожиданности Максим дёрнулся, Каталина Сергеевна резко поднялась и сделала пару шагов к стоящей в углу кофеварке:

— Если ты забыл, я могу и напомнить, хотя вообще это не в моих правилах. Я жду тебя в обед. Сейчас ни ты, ни твои фотографии мне не нужны. Пошёл вон.

— А если я не приду в обед? — сердито сверкнул глазами Максим. — Если я вообще уйду, что тогда?!

— Найду замену, это не сложно, — так уверенно ответила Каталина, что Максим ни на миг не усомнился: его замена — вопрос времени.

— Я на пленэр, возьму Марьяшку с собой, — рыкнул раздосадованный фотограф, направляясь к двери.

— Ну-ну, — усмехнулась Каталина, — когда будешь с малышкой кувыркаться, не забудь: в обед я тебя жду. Если опоздаешь или не придёшь, можешь вообще не возвращаться.

Максим вылетел из кабинета пунцовый от ярости, звучно шарахнув дверь, а Каталина Сергеевна покачала головой, сделала себе чёрный кофе без сахара и сливок и вернулась за рабочий стол. С отвращением посмотрела на чёрную жижу в чашке и с лёгким стоном откинулась в кресле.

Каталина

Господи, как же я устала от этих бесхребетных хлюпиков, которые ничего толком сделать не могут! Ненавидят, плюются ядом за спиной, а в глаза улыбаются, лебезят. Им самим-то не противно? Так и вспомнишь анекдот: «Девочки, как же хочется, чтобы прискакал, схватил, увёз... А у него то дождь, то выходной, то конь сдох, то спину прихватило...» Где они, настоящие мужчины, неужели вымерли все ещё до динозавров?! Я отхлебнула кофе и скривилась от его пронзительной горечи. Паршивая погода, паршивый день, неудивительно, что настроение ему под стать, тоже паршивое. Я сделала ещё один глоток кофе и включила компьютер. Сегодня, активно поддерживая общую паршивость дня, загружался мой единственный верный друг на целых полторы минуты дольше, а потом и вовсе, вместо того чтобы привычно открыть для меня электронную почту, развернул неизвестно откуда выгащенную картинку: лихой всадник на горячем вороном чертит в воздухе огненную букву Z. Этот-то идиотизм у меня откуда? Неужели вирус какой пробрался сквозь мощную систему защиты? Я нажала команду: «Полное сканирование», а потом не глядя щёлкнула кнопку селекторной связи. Моя личная секретарша, дама без определённого возраста, определённых увлечений и весьма размытой системой личных ценностей откликнулась моментально:

— Слушаю Вас, Каталина Сергеевна.

Ну, слушай-слушай. Это единственное, что ты нормально умеешь делать.

— Специалиста службы IT ко мне в кабинет. Срочно.

Я отключилась раньше, чем секретарша успела ещё хоть что-то сказать. Ей только дай волю, неделю языком будет молоть, а порученное дело так и не сдвинется с мёртвой точки. Пустая бабёнка, надо менять её. Вот годовой контракт закончится, и пинком под зад. Я допила кофе и, нахмурившись, уставилась на отчёт о результатах сканирования. Компьютер утверждал, что вирусов, вредоносных программ или ещё чего-то такого же вредоносного он не обнаружил. А это тогда что? Я свернула окошечко антивирусной защиты и недовольно посмотрела на картинку. Исчезать после проверки она не собиралась, и конь, и всадник выглядели до омерзения довольными жизнью. Я побарабанила пальцами по столу. И что это, если не вирус? Чья-то дурацкая шутка? Узнаю чья, выгоню к чёртовой матери с такой характеристикой, что даже в тюрьму заключённым не возьмут! И вообще, где этот чёртов айтишник?!

Словно прочитав мои мысли, в дверь робко постучали, заставив меня раздражённо закатить глаза. Ну неужели среди пяти, подчёркиваю, пяти специалистов не нашлось никого кроме этого тюфяка Лёнечки, чтобы прийти ко мне?! Я этого слизняка по стуку определяю:

тихому, неуверенному, если занята чем-то, даже не услышишь, а этот рохля так и будет под дверью торчать, ждать приглашения войти. Я посмотрела на всадника на картинке. Да уж, этот-то герой вообще не стучится, с ноги дверь открывает, а то и окном заходит. Интересно, какой из него любовник? Я фыркнула, прогоняя абсурдные мысли, и громко крикнула:

— Входи, Леонид!

— Вызывали, Каталина Сергеевна? — проблеял белобрысый голубоглазый парнишка, которого язык не поворачивался назвать не только мужчиной, но даже парнем.

Я раздражённо поджала губы: нет, блин, не вызывала, пошутила!

— У меня вирус, который система не определяет, — я резким взмахом руки указала на картинку на мониторе. — Или это чья-то шутка, тогда мне нужно знать, кто, когда и зачем подключался к моей сети. Выполняй!

Я отошла к кофемашине, пытаясь хоть немного успокоиться. Меня окружают сплошные идиоты. Нет, идиоты, завистливые змеи и бабники. С ними и ангел озверевает!

— Каталина Сергеевна, — робко проблеял за моей спиной Лёнечка.

От неожиданности (надо же, посмел меня от размышлений оторвать!) я вздрогнула и пролила кофе на платье. На груди моментально появилось большое пятно, цветом напоминающее экскременты. Вот чёрт, это было моё любимое платье!

— Чего тебе?! — рявкнула я, резко поворачиваясь к Лёнечке.

От испуга этот слизняк смертельно побледнел и пошатнулся, схватившись за угол стола. Чёрт, ещё не хватало, чтобы он в обморок рухнул!

— Чего тебе, Леонид? — уже мягче спросила я, запахивая на груди кардиган.

— К-каталина С-сергеевна, — проблеял Лёнечка, тщетно пытаясь отвести взгляд от пятна на моей груди, — я в-всё проверил, у вас нет вирусов.

— Да кто бы сомневался, что я здорова, — насмешливо фыркнула я.

Мда, природа-магушка явно забыла наделить Лёнечку чувством юмора, а впрочем, не только им. Блондинчик сник, сжался и, что самое неприятное, замолчал. Я скрипнула зубами, мысленно разбивая о голову этого слизняка весь кофейный набор. А что, всё равно это подаренное коллегами страхолюдье ни на что больше не годится!

— Вирусов ты не нашёл, — сама поражаясь своему терпению, повторила я. — А откуда тогда эта пакость? — я кивнула на картинку.

Лёнечка так отчаянно покраснел, что я стала лихорадочно вспоминать, куда запихала после очередной перепланировки кабинета аптечку. Если этого болезного инсульт шарахнет, «скорая» же доехать не успеет, и куда я труп дену? Мне вот только покойников для полного счастья не хватает!

— Ка-каталина Сер-сергеевна, — сдавленно проблеял Лёнечка, — это... это... Вам подарок... Шутка... Сюрприз...

Ну, я, собственно говоря, так и думала. Пошутить решил гадюшничек мой ненаглядный. Забыли, кто в доме хозяин? Ничего, напомним!

— И кто такой остроумный? — сладкоголосой сиреной пропела я.

Лёнечка судорожно сглотнул и молча ткнул трясущейся рукой в монитор. Ага-ага, я прям с того места, где стою, всё так чудесно увидела! А что, у меня же зрение, как у орла горного! Я же кондор, блин!

— Видишь ли, Лёнечка, — всё так же нежно напомнила я, — я бинокль не взяла. А потому, друг милый, придётся тебе шутничка этого вслух назвать. Причём чётко и ясно, чтобы я не разбирала твой детский лепет, ясно?! — под конец я сорвалась на рычание.

Трусливый идиот, как же он меня бесит!

— Ма-мама-максим Андреевич, — прошелестел Лёничка и сделал ещё одну героическую попытку свалиться в обморок.

Я взмахом руки выгнала вон этого малохольного и открыла окно. Придурок бесцветный, даже духи у него какие-то бабские, сладкие, от которых противно ноет висок и в горле першит от сладости. Значит, Максимка пошутил? Забылся, друг детства?! Ну ничего, я ему тоже пошучу. Так пошучу, себя забудет. Что же сделать? Я в задумчивости заходила по коридору. Выгнать с волчьим билетом? Тогда я больше ему ничего не сделаю, да и жаль терять хорошего фотографа. Лишить секса недельки на три? С Максом хоть поговорить можно, а Вадик на разговоры не способен, у него уровень развития кухонной табуретки. Лёха тот, наоборот, только треплется, а как любовник полное ничтожество. Да и Максим не шибко расстроится, если я его от тела отлучу. Быстро утешится в объятиях очередной романтической курицы вроде этой Марьяшки. Марьяшка... Романтическая курица, верящая в любовь с первого взгляда и до последнего вздоха... Я задумчиво побарабанила пальцами по столу, взяла перекидной календарь, в котором педантично отметила Дни рождения всех сотрудников своего офиса. Та-ак, что тут у нас? Ага, прекрасно, у этой курицы через три дня день рождения. Максима она пригласит наверняка, не удивлюсь, если к её днюхе она уже не только его любовницей станет, но даже надоесть успеет. А я, хе-хе, сладкой парочке подарочек подготовлю. Они меня надолго запомнят, придурки романтические.

Коротко приказав секретарше ни с кем меня не соединять, я позвонила в охранную фирму, с которой уже давно и плодотворно сотрудничаю, и заказала установку скрытой камеры. Приехавший молчаливый откровенно бандитского вида мужик быстро и чётко всё установил, скупно, буквально в трёх словах: «Сюда нажимать надо», объяснил принцип работы камеры и отбыл в неизвестном направлении. Наверное, вернулся к себе в берлогу. Или нору. В самом лучшем случае, камеру предварительного заключения.

Я переделалась, благо у себя в кабинете всегда на всякий случай держу и строгий деловой костюм, и фривольное платье, проверила работу камеры и бросила взгляд на часы. До обеда оставалось ещё полчаса. Прекрасно, успею даже немного поработать!

Максим успел не только довести Марьяну до дома, но даже встретиться с бабушкой и плотно пообедать в компании почтенной старушки и её весело щебечущей, словно птичка по весне, внучки. Парень всё чаще ловил себя на мысли, что не отказался бы и чаще бывать в столь приятной компании. А променял бы он Катьку, такую строгую, холодную, временами откровенную крысу, на эту милую Марьянку? Максим со вздохом покачал головой. Нет, отказаться от Катьки он не готов. Пока, по крайней мере. Есть в этой высокомерной стервозине что-то такое, что манит и не отпускает, словно сеть запутавшуюся в ней рыбу. И рад бы вырваться, да не можешь, потому что, по большому счёту, не сильно и хочешь. Извращение какое-то, честное слово! Или наваждение? А может, Катька ведьма?

— О чём задумался, Максим? — с лёгкой полуулыбкой, которая так часто заметна у стариков и воспринимается теми, кто на них смотрит, как символ старческого слабоумия или безграничной мудрости, спросила Александра Ярославовна, бабушка Марьяны.

Максим сначала хотел отмахнуться, отшутиться, и вообще пора возвращаться к Катьке, а то если опоздаешь, точно с волчьим билетом на улицу выставит, но потом ещё раз посмотрел в эти поблёкшие от времени, когда-то (ещё в юности первого царя династии Романовых, не иначе) голубые глаза и решил:

— Александра Ярославна, а колдуньи бывают?

Марьяна, решив, что это шутка, с готовностью хихикнула в кулачок, но Максим оставался серьёзным. Александра Ярославна тоже не смеялась, покачала головой задумчиво, поправила искривлёнными многолетней работой сухими пальцами платок и ответила нараспев, словно былинку рассказывала:

— Многое простому человеку не ведомо, потому как и знать ему о том нет надобности.

— Значит, бывают? — напирал Максим.

Старушка неожиданно зорко посмотрела на парня, спросила строго:

— А ты почто спрашиваешь?

— Максим, наверное, начальницу нашу вспомнил, — махнула рукой Марьяша, — та ещё крыса, между нами говоря.

— Крыса, говоришь, — задумчиво повторила Александра Ярославна, — да полно, ничего такого худого она, поди, и не сделала. Спрашивает строго, не более.

Марьяна возмущённо ахнула, а потом зачастила со скоростью пулемёта, с такой яростью и ненавистью описывая Каталину Сергеевну, что Максим даже опешил. Это надо же, на вид такая милая девчонка, а сколько в ней лютой злобы таится!

— Ладно, пойду я, мне на работу надо, — пробурчал Максим, неловко поднимаясь из-за стола и бочком продвигаясь в прихожую.

Марьяна мигом перестала источать яд, смущённо улыбнулась и, отчаянно покраснев, прошептала:

— Так обед же сейчас.

— Каталина Сергеевна сказала, что если в рабочее время отлучаюсь, в обед отработать надо, — вдохновенно выпалил Максим и почти не солгал.

— У моей внучки через три дня день рождения, — неожиданно подала голос сидящая с прикрытыми глазами (Максим вообще подозревал, что она задремала, а что, годочков-то, чай, немало!) Александра Ярославна. — Приходи, мы тебя ждать будем.

— И правда, приходи...те Максим Андреевич, — пролепетала пунцовая от смущения Марьяна, робко касаясь рукава парня.

— Обязательно приду, — клятвенно пообещал Максим и поспешно вышел.

Уже за дверью бросил короткий взгляд на часы и зло выругался: чтобы успеть вовремя, придётся рискнуть и гнать на всех светофорах. Лишь бы гайцы не тормознули, а то потеряешь не только права, но и работу, а вместе с ней и репутацию.

К искреннему облегчению Максима он всё-таки успел, хотя гнать приходилось с изрядным превышением скорости. Офис встретил его привычной пустотой, все сотрудники ушли восполнять потраченные за первую половину рабочего дня калории, никто не остался на рабочем месте. Каталина Сергеевна требовала, чтобы все чётко соблюдали режим работы и не торчали в офисе в обеденное время. Максим быстро добрался до кабинета Каталины и у самой двери замер, выравнивая дыхание и на всякий случай отряхивая одежду. А то мало ли, найдёт волос женский, потом пакостить начнёт, кому нужны лишние проблемы? Максим коротко стукнул костяшками пальцев в дверь, дождался разрешения войти и шагнул внутрь. На пороге Максим замер, глядя широко распахнутыми глазами на чудное видение, забросившее умопомрачительно длинные ноги на стол грозной начальницы. У чудного видения были пышные каштановые кудри, прихотливо разметавшиеся по плечам, и стройная фигурка, которую тёмно-вишнёвое платье, облегающее и до неприличия короткое, выгодно подчёркивало.

— Максим, — мурлыкнуло чудное видение, и только по голосу парень понял, что перед ним не ожившая картинка из мужского журнала, а самая настоящая, знакомая ещё с детства до последней родинки на коже Катька. Каталина Сергеевна, его грозная начальница и, по взаимному согласию сторон, любовница.

— Максим, — ещё раз повторила Каталина медленно, с грацией хищной кошки, снимая одну ножку со стола.

Максим сдавленно откашлялся, как оказалось, под тёмно-вишнёвым платьем не было трусиков.

— Я тебя ждала, — томно прошептала Каталина, внутренне демонически хохоча над своим опешившим любовником. — Иди же ко мне.

Медленно, словно сомнамбула, Максим сделал пару шагов к Каталине и опять замер, глядя на любовницу восторженными щенячьими глазами.

«Идиот, шевелись быстрее! — ругнулась про себя Каталина, сохраняя на лице обольстительную улыбку. — Обеденный перерыв кончится, я же не успею ничего толком!»

— Катька, — восторженно выдохнул Максим, едва ли не молитвенно простирая руки к Каталине. — Какая же ты...

Каталина мысленно выругалась, чуть слышно скрипнула зубами, а потом невесомой грацией скользнула к Максиму, страстно прижалась к нему, одновременно мягко, но непреклонно толкая к столу.

— Я скучала, — страстно прошептала Каталина, одновременно ловко раздевая своего любовника, — иди ко мне.

Максим с пылом моряка, вернувшегося домой после трёхлетнего плавания, стиснул Каталину в объятиях и без лишних слов опрокинул её на стол.

«Оказывается, чтобы парень начал соображать, с него достаточно стянуть пиджак, — холодно отметила для себя Каталина Сергеевна, не забывая сладострастно стонать и извиваться на столе, поощряя любовника к ещё более активным действиям, — а для того, чтобы он зашевелился — рубашку. Теперь я понимаю, почему те, кто ходит в костюмах, да ещё и с галстуками, ни черта не делают!»

Максим был фотографом и очень любил красоту во всех её проявлениях. Его мог умилить чуть не до слёз симпатичный котёнок или забавный щенок, закат или рассвет вызывал в нём почти детский восторг, а красивый торт или прекрасная женщина, если они были по-настоящему красивы, вызывали скорее благоговейный восторг, чем желание обладать.

«Вот чёрт, — ругнулась Каталина, плавно изгибаясь и выразительно приподнимая бёдра, — долго этот юродивый будет тупо таращиться на меня?! Единственное, что он сделал за эти почти полчаса, — стащил с меня платье»

— Какая же ты красавица, Катя, — восторженно прошептал Максим, чуть касаясь обнаженного тела руками. — Я люблю тебя.

«Так, это уже неплохо, — отметила Каталина. — От слов Макс как правило переходит к делу».

— Ты меня любишь? — томно выдохнула Каталина, чувствуя себя героиней дешёвого бульварного романчика.

— Больше жизни!

— Так докажи это, — Каталина призывно улыбнулась, в очередной раз соблазнительно изгибаясь на вообще-то не приспособленном для любовных утех столе. — Люби меня!

«Ну, наконец-то, дозрел, — устало выдохнула Каталина, когда Максим перешёл к активным, пусть и начисто лишённым фантазии действиям. — С охами-вздохами покончили, переходим, хо-хо, к съёмкам порно!»

Каталина Сергеевна ещё раз посмотрела на своего любовника, который чуть ли не из кожи вон лез, пытаясь доставить ей удовольствие, и сделала мысленную поправочку:

«Да, порно нам не светит. Ладно, качественной эротики».

Ровно за пять минут до завершения обеда Каталина мягко выдворила за дверь своего кабинета Максима, благосклонно кивая на его пылкие объяснения в любви. Оказавшись в коридоре, Максим грязно выругался и с силой шарахнул кулаком по стене. В этот раз врождённое чувство прекрасного сыграло с ним злую шутку: не дало в полной мере насладиться происходящим. Каталина была для него скорее музой, чем живой женщиной из плоти и крови, а теперь, когда восторг и восхищение прошли, кровь буквально кипела, требуя решительных и даже грубых действий. А может, послать всё к чёрту, распахнуть дверь с ноги, повалить Катюку на пол и любить её до тех пор, пока она сама пощады не попросит?

«И вылететь с работы, а то и загреметь в тюрьму как насильнику», — мрачно подумал Максим и побитой собакой поплёлся прочь. И почему в отношениях с Катюкой он вечный номер два? А как же мужик, вожак стаи?! Об этом оставалось только мечтать...

Каталина

Мда, я всегда знала, что Макс тряпка и рохля, но даже не догадывалась, насколько всё запущено. Я еле развела этого телёнка на секс! Хорошо, эта дура Марьяна наверняка даже в своих дурацких романчиках эротические сцены покраснев пролистывает, а потому подвоха не заметит. С торжествующей улыбкой я быстро оделась, затем ловко достала флэшку из видеокамеры и положила её на стол. Вечером посмотрю, сейчас работать надо, а то я кучу времени угрохала. Не на ерунду, но денег мне моя задумка точно не принесёт.

День прошёл в привычной рутине: я довела до слёз пару пигалиц, носящих громкое звание стилистов, в пух и прах разметала осеннюю коллекцию мегаизвестной, с её собственной точки зрения, модельерши Карасёвой и выгнала-таки Варьку из отдела рекламы. Причём без выходного пособия, ещё и штраф вкатила! Дура ещё ерепениться пыталась, кричала, что жаловаться на меня будет, в суд подаст, да ради бога! Пусть выставляет себя на посмешище, что мне, жалко что ли?

Вечером, едва всё успокоилось и старуха-уборщица зашаркала шваброй, имитируя уборку, я проверила запись на флэшке. Камера работала без помех, запись была чёткая, звук тоже вполне различим. Так, с технической точки зрения всё нормально. Теперь сюжетец оценим. Я включила запись ещё раз, оценивая её уже с точки зрения режиссуры. Та-ак, в этом месте я переиграла, здесь поторопилась, а тут вот совершенно затмила Максима, такое впечатление, словно его и нет!

Я раздражённо побарабанила пальцами по столу, досадливо покусала губу и пришла к неутешительному выводу: придётся переснимать. Для первого раза недурно, но лично меня такое видео бы не убедило, за версту видно фальшивку и подставу. Ладно, раз так, переснимем. До праздника ещё два дня, один раз видюшку снять я точно успею. Но надо продумать всё до мелочей, чтобы комар носу не подточил! А значит, меньше красоты и больше страсти. Я подхватила блокнот, по привычке делая в нём пометки. Итак, вместо фривольного платьица деловой костюм, вместо томных охов-вздохов раздражить Максима, разозлить его, чтобы он перестал себя сдерживать, и самой больше страсти и огня. И резче,

резче, я не сопливую романтическую комедию для подростков снимаю!

К моему искреннему раздражению следующий день был совершенно идиотским, словно все вокруг просто цель поставили довести меня до белого каления, которое традиционно заканчивается местечковым апокалипсисом. Уже к обеду я готова была порвать на фантики любого, кто под руку подвернётся, так стоит ли удивляться, что после обеда офис словно вымер! Кто только мог, убежали по интервью, премьерам, показам, совещаниям и прочей мутотени, лишь бы не мелькать у меня перед глазами, а те, у кого работа предполагала пребывание в кабинете (бухгалтерия например), затаились по рабочим местам, не смея даже лишний раз громко на звонок ответить. Мне бы радоваться тому, что в кои-то веки раз журнал будет готов досрочно, но радоваться не получалось. Хотелось выпить и повыть на луну. Или на шабаш слетать. В самом крайнем случае прибить кого-нибудь. ПМС что ли начался? Так вроде рано ещё...

За день до дня рождения слащавой курицы Марьяшки я надавала себе мысленных оплеух и приказала взбодриться. Максим, доведённый потоком моих бесконечных придирок до состояния тихого озверения, смотрел на меня волком. Отлично, это как раз то, что мне нужно! До обеда я парня старательно игнорировала, чтобы не сорвался раньше времени, а за пятнадцать минут до обеда через секретаршу приказала явиться ко мне в кабинет. Судя по тому, как у меня запылали щёки, послали меня по весьма увлекательному маршруту... Или я банально простудилась? Ладно, вечером ванну приму с хвойной солью и чаю с имбирём и лимоном выпью.

— Звали, Каталина Сергеевна? — с тихой ненавистью спросил Максим, без стука появляясь на пороге моего кабинета.

Ой, ты мой сладенький, у котёнка коготочки прорезались? Так мы их сейчас ещё наростим.

— Без стука вломился в мой кабинет? — я презрительно дёрнула уголком губ. — Выйди и зайди как положено!

Максим круто повернулся на каблуках и вылетел с такой скоростью, что я на миг даже забеспокоилась: а вернётся ли он? Хотя куда он денется, мог бы, уже давно высказал в лицо всё, что за моей спиной регулярно озвучивает. Слабак, тряпка, и по этому парню поголовно сходят с ума девки в нашем офисе! Фи, как измельчал род людской.

Специально не сразу откликнувшись на стук, я всё-таки милостиво позволила Максиму зайти, а затем приступила к самой увлекательной, хотя и довольно рискованной части плана: доведению любовника до нужной кондиции. Здесь очень важно не переступить грань, за которой сжимание в объятиях превратится в банальное и пошлое удушение.

Максим кипел походным котелком, играл желваками, стискивал кулаки, так что костяшки пальцев аж синеть начали, но молчал. И что мне делать с этим партизаном-недобитком? Нашёл время выдержку показывать!

— И как мужик ты полное ничтожество! — закончила я хриплым голосом и отвернулась к кофемашине.

Уф, в горле пересохло, надо срочно попить, а то вообще позорно раскашляюсь.

Я даже пары шагов сделать не успела, как меня с такой силой швырнули на стол, что я даже испугалась. Немного, совсем чуть-чуть, но испугалась. Ого, у котёночка не только коготки, но даже львиный рык прорезался!

— Ничтожество, значит? — прошипел окончательно взбешённый Максим и рванул мой пиджак так, что пуговицы новогодним конфетти брызнули в разные стороны. — Это мы

сейчас посмотрим!

Ой, а я случайно не переборщила? Блузку-то тоже теперь только выкидывать... Эй, с бюстгальтером осторожнее, он мне, вообще-то, нравится! А вот юбка нет, её без этого пиджака я точно носить не буду. Так, а запасные капроновые колготки у меня есть? Вроде были... Ладно, в крайнем случае секретутку за ними в ближайший универмаг отправлю. Чёрт, о чём я думаю, мне же страсть изобразить надо! Или испуг? Я украдкой, так, чтобы в камеру видно не было, покосилась на часы. Нет, испуг изображать поздно, раньше надо было. Тогда страсть. А может, в кои-то веки раз не притворяться? Ну не заводит меня Максим, не за-во-дит. Сегодня, по крайней мере. Ага, а Марьяшке я что презентую? Первое видео, которое без ведра крепкого чаю и смотреть невозможно? Эх-х, придётся играть.

Я застонала, выгнулась дугой, прильнула к разгорячённому любовнику, который словно тетерев по весне вообще ничего вокруг не замечал. Интересно, а если я сейчас вывернусь из-под него и уйду, он остановится или будет продолжать? Я прикусила губу, ловко замаскировав насмешливый смешок стоном страсти. Сколько ему ещё времени дать? Я опять стрельнула взглядом на часы. Так, ещё минут двадцать, и пора заканчивать. А пока можно подумать о том, что я хочу увидеть в журнале в следующем месяце. Кого на обложку поместим? Светочку? Хе, не надо путать гламур с борделем! Лидочку? Она была популярна в эпоху динозавров, не раньше. Юлю? Точно, Юлю. Сейчас она на гребне волны, мордашка опять же вполне симпатичная...

— Каталина Сергеевна, пришли пробники косметики... — дверь в кабинет распахнулась без стука, явив искрящуюся трудовым пылом (с чего бы вдруг? Ах, да, я же сказала, что выгоню, если она работать нормально не начнёт) Марьяну. — Куда отнести прикажете...

Последние слова девица лепетала на автомате, явно не понимая не только смысла того, что говорила, но и того, что видела. Точно, не понимала, иначе зачем было задавать совсем уж идиотский вопрос:

— А что вы тут делаете?

Что-что, крючком, блин, фламандские кружева плетём!

Появление девчухи подействовало на Максима как ведро ледяной воды, он испуганно подпрыгнул и шарахнулся от меня прочь с пылом инквизитора, которому ведьма предложила акт совместного самосожжения.

— Максим?! — ахнула Марьяна, прижимая трясущиеся ладошки к пылающим щекам. — Что... Как... Крыса!!! — истерично завизжала окончательно ополоумевшая девица. — Крыса! Дрянь! Стерва! Ненавижу тебя, крыса подзаборная!!! Крыса!!!

Ну вот, хоть кто-то набрался смелости и сказал всю правду мне в лицо.

Я медленно слезла со стола, с наслаждением потянулась и отчеканила:

— Максим, заberi свою истеричку и вон отсюда. Вы оба уволены. За нарушение трудовой дисциплины, выходного пособия не получите.

— Ну и крыса же ты, Катька, — прошипел Максим, — подожди, рога-то тебе ещё обломают!

Крыса с рогами? Сколько у тебя было по биологии, пупсик? Я презрительно передёрнула плечами и стала медленно одеваться. Да, я в курсе, что это заводит сильнее, чем раздевание. Так что, мой сладенький, смотри, чего ты лишился. Можешь волосы повырывать. Хочешь, на своей голове, хочешь, у размазывающей соплю у тебя по груди курицы. У неё, смею заметить, волос-то побольше будет.

— Пошли вон, — ещё раз с нескрываемым удовольствием повторила я. — Вы уволены.

Марьяшка душераздирающе всхлипнула и, схватив голого Максима за руку, буквально вытащила его из кабинета. О-о-о, такого позора наш мачомен этой слюняшке точно не простит! Я довольно потёрла руки, приказала Леночке принести мне апельсиновый чай и с головой погрузилась в работу.

Когда за окном стемнело, я выключила компьютер, с наслаждением потянулась, разминая затёкшие плечи, и поднялась из-за стола. Вдруг у меня в глазах резко потемнело, тело скрутила жуткая боль, и я рухнула на пол не в силах не только закричать, но даже вздохнуть. Что со мной? Что происходит? Меня... отравили?

Прямо передо мной неожиданно возникла какая-то старуха, показавшаяся мне странно знакомой. А это ещё что за развалина? А, вспомнила, Марьяшка как-то раз притаскивала её на новогодний корпоратив, сказала, бабка её. Так это она меня отравила? Я открыла рот, чтобы высказать старухе всё, что думаю по поводу её идиотки-внучки, но из горла не вылетело даже слабого стопа. Я умираю? Чёрт, как не вовремя-то.

— Ты станешь крысой, пока не научишься быть человеком, — пафосно, в духе дешёвого простенького фильма, в котором идёт традиционная борьба идиотизма с зачатками разума, то есть добра со злом, провозгласила старуха и растаяла в воздухе.

«Чтоб ты до конца своих дней на одну бюджетную пенсию жила», — мысленно от всей души пожелала я ненормальной старушенции и потеряла сознание.

Испанская Калифорния, 1820-й год

Корабль легкокрылой птицей взмывал над волнами, чтобы спустя всего несколько мгновений опять зарыться носом в волны. Погода стояла прекрасная, море своей синевой беззлобно спорило с небесами, солнце сияло так уверенно, словно точно знало: никакие тучи никогда не смогут закрыть его живительных лучей.

— Прекрасная погода, сеньор Диего, — почтительно обратился загорелый широколицый капитан, в облике которого проскальзывало что-то неуловимо пиратское, к стоящему на палубе широкоплечему молодому человеку в распахнутой на груди белоснежной рубашке, — если ветер останется попутным, уже завтра утром прибудем в порт.

Собеседник капитана согласно кивнул, сверкнув белозубой улыбкой:

— Отлично, капитан. В таком случае, полагаю, мне стоит спуститься вниз, чтобы проверить, все ли вещи собраны.

Капитан почтительно склонил голову и отошёл к рулевому, а Диего проворно спустился по узким ступенькам вниз, туда, где в чреве корабля, напоминающем чрево огромного морского чудовища, располагалась его каюта.

— Ну как, Бернардо, все вещи собраны? Капитан сказал, утром мы будем в порту.

Склонившийся над большим массивным сундуком гибкий юноша, чьи глянцевито поблескивающие в свете лампы чёрные прямые волосы выдавали в нём индейца, проворно развернулся, низко почтительно поклонившись.

— Брось, Бернардо, — Диего чуть заметно поморщился, — мы одни, не стоит разыгрывать почтительного слугу. Ты мой друг.

По невозмутимому, как это свойственно всем индейцам, лицу Бернардо скользнула улыбка. Слуга прижал обе руки к сердцу и опять поклонился.

Диего рассеянно кивнул, задумчиво пригладил тонкую ниточку усов над верхней губой и спросил:

— Письма отца ты уже убрал?

Бернардо указал рукой на стоящий на столе небольшой деревянный сундучок, искусно украшенный завитками и цветами.

— Отлично. Давай-ка посмотрим последнее его письмо.

Диего открыл сундучок, пошуршал хранящимися там бумагами и вытащил два исписанных крупным резким почерком листа.

— О, а вот и оно! Так, что тут у нас? Ага, «милый мой Диего... не знаю, получишь ли ты это письмо...» Помнишь, Бернардо, в прошлом письме отец жаловался, что далеко не все послания доходят до адресатов? Особенно, если речь в них идёт о новом коменданте и его порядках. «Тебе следует срочно вернуться домой... ситуация слишком серьёзная... не стану писать всего в письме, даже бумаге не стоит поверять всех своих тайн... Ты не узнаешь родного города...» Намёков много, но ничего конкретного. Кстати, Бернардо, — Диего свернул письмо, но продолжал держать его в руке, — я поговорил с капитаном, он довольно резко отзывался о новом коменданте.

Бернардо выразительно покрутил головой и развёл руками.

— Нет, не думаю, — рассмеялся Диего, который прекрасно понимал своего немого

друга без всяких слов, — что коменданта ругают за справедливую строгость.

Бернардо бросил на Диего быстрый выразительный взгляд и предостерегающе поднял ладонь.

— Ты прав, Бернардо, выводы делать рано. Пока нам слишком мало известно.

Диего огорчённо вздохнул и отвернулся к окну, по-прежнему сжимая в руке письмо. Бернардо с тревогой смотрел на друга, готовый выполнить любую его просьбу.

— Знаешь, дружище, пожалуй, стоит уничтожить это письмо, — Диего круто повернулся на каблуках. — И вообще, пусть из Испании вернётся уточнённый щёголь, ценитель старинных книг и изящных искусств, никогда не державший в руках ничего тяжелее пера и книги.

Бернардо скептически приподнял бровь, демонстративно скользя взглядом по широким плечам своего друга.

— Широкие плечи скроет пышный наряд, — сверкнул белозубой улыбкой Диего. — А вот полученные в состязаниях по фехтованию награды придётся выкинуть за борт.

Бернардо страдальчески заломил густые чёрные брови и отчаянно замотал головой.

— Надо, друг мой, — строго повторил Диего. — У изнеженного книгочея их быть не должно.

С тяжкими вздохами, нога за ногу, Бернардо поплёлся выкидывать блестящие кубки в воду. Диего между тем сжёг письмо от отца и вытащил из дорожного сундука роскошный, тяжёлый от золотой вышивки камзол. Подержал наряд в руках, придирчиво рассматривая, потом достал к нему яркое сомбреро и широкий шёлковый пояс.

«Как павлин, — недовольно подумал Диего, — а ведь мама говорила, что мой тотемный зверь — лис. Лис... Чёрный лис... Эль Зорро... Решено! Днём я буду сеньором Диего де Ла Вега, а ночью, если в этом будет необходимость, стану Зорро!» Диего резко захлопнул сундук, торжествующе поблёскивая глазами. Опечаленный Бернардо удивлённо посмотрел на своего друга: чему это он так обрадовался?

— После обеда расскажу, — прошептал Диего и подмигнул Бернардо.

Индеец выразительно закатил глаза и покачал головой, всем сердцем предчувствуя большие неприятности, нет, очень большие неприятности.

Каталина

Пришла в себя я от омерзительного ощущения качки, из-за которой мой желудок то подкатывал к горлу, то прилипал к позвоночнику, то падал куда-то в пятки, то резко сжимался. Я застонала и медленно приоткрыла глаза. Вокруг царила какая-то серая, покачивающаяся в такт с моим многострадальным желудком мгла, из которой время от времени проступали очертания странных, невероятно больших предметов. Где я? Что со мной сделала эта проклятая ведьма?

— Ты как, сестра? — прозвучал над самым моим ухом какой-то омерзительно писклявый голос.

Я, морщась от боли и постанывая, скосила глаза вправо, откуда долетел голос, и замерла, не веря своим глазам. Справа от меня стояла крупная серая крыса и, чуть подёргивая чёрным влажным носиком, принюхивалась ко мне. Сожрать хочет, не иначе! Я моментально вскочила на ноги и завизжала так, что у меня чуть кровь горлом не пошла. А-а-а-а, крыса!!! Заберите меня отсюда!!!

— Что с тобой, сестра? — крыса тревожно приподнялась на задние лапки. — Почему

ты кричишь?

А-а-а-а, говорящая крыса!!! Моя паника достигла апогея. Я заметалась по узкой полутёмной каморке, больно ударяясь о всевозможные гигантские сундуки. Спасите-помогите, люди добрые!!! Кто-нибудь, на помощь!!!

Но никто не спешил меня спасать, только из тёмных углов разом прыгнули несколько крыс поменьше, крепко прижимая меня к грязному, пахнущему вонючей тряпкой и пылью полу.

— Успокойся, сестра, — говорящая крыса подошла ко мне, — тебя никто не обидит.

Стану я советов всяких крыс слушать! Злость немного укротила страх, я гордо вскинула голову, фыркнула:

— Будут меня ещё всякие крысы успокаивать!

— Всякие крысы? — медленно повторила серая ошибка природы. — Милочка, ты имеешь честь говорить с самой Констанцией Большеухой, морской крысой в пятом поколении!

Пф-ф-ф, тоже мне повод для гордости, большие уши да пожизненное бултыхание по грязным лужам на гнилом корыте! Я откашлялась, чтобы ничего не мешало, и чётко и внятно сказала этой крыске, куда ей следует идти, предварительно засунув свои длинные уши коту под хвост. Держащие меня крыски (мутанты, не иначе, человека удержать могут!) испуганно пискнули и отшатнулись в стороны. Я гордо поднялась и стала отряхивать одежду... Интересный у меня какой наряд, серенький, бархатистый, только я серый цвет не люблю... И руки в каких-то позорных чёрных перчатках... Я озадаченно покрутила руки, скосила глаза на излишне выпирающий вперёд кончик носа, ещё раз внимательно осмотрела то, что сначала приняла за платье, и опять закричала. Этого не может быть! Этого просто не может быть!!!

Мощная пощёчина заставила меня заткнуться, а какая-то мразь наступила на хвост (хвост, у меня есть хвост!), заставив подпрыгнуть от боли.

— Мы приняли тебя как сестру, — звенящим от ярости голосом пропищала эта... как её, Большеухая, — а что получили в ответ?! Ты оскорбила нас, пренебрегла нашим радушием и излишним шумом, возможно, привлекла внимание самого лютого нашего врага — человека!

А может, я с ума сошла? Или мне кошмар снится. Пожалуйста, пожалуйста, пусть всё это будет только сном!

— Сеньора Констанца, — пропищала какая-то крыска, яростно принюхивающаяся ко мне, — эта дерзкая крыса пахнет человеком!

Окружающие меня крысы замерли, яростно принюхиваясь и перепискиваясь:

— Человек! Она пахнет человеком! Я тоже чувствую! Эта крыса пахнет человеком! Невероятно, человек в крысином теле!

Ой, девочки, вы не поверите, я сама в шоке.

— Ты не крыса, ты человек, — тоном пророка, изрекающего неоспоримые истины, провозгласила эта, ну, которая тут самая крутая. — Человек в теле крысы. А значит, ты наш враг вдвойне.

У меня как-то нехорошо ёкнуло сердце и сильно зачесалось под хвостом в предчувствии больших, очень больших неприятностей. И предчувствие меня, увы и ах, не обмануло.

— Девочки, — пафосно провозгласила эта большеухая стерва, — выгоним прочь эту подлую мерзкую тварь, пока она не погубила всех нас!

Ну вот, как говорится, что и требовалось доказать. Я попыталась сбежать, не дожидаясь обещанной расправы, и не успела. Крысы бросились на меня со всех сторон, кусались, царапались и пищали так, что уши закладывало. Я отчаянно отбивалась, но их было больше. Сама не знаю, как мне удалось сбросить двух злючек со своей спины и пробиться к дырке в двери, а затем, оставив кончик хвоста в зубах мерзкой большеухой твари, я протиснулась в дырку и что есть духу бросилась прочь. Сердце колючим комком замерло в горле, всё тело горело от боли, лапки подгибались и запинались одна за другую, но я продолжала бежать. Быстрее, ещё быстрее! Только когда от недостатка воздуха занялось дыхание и глаза заволок густой туман, я остановилась, прижавшись к стене и дрожа всем телом. Страшно хотелось пить, ещё больше лечь и не просыпаться до тех пор, пока не развеется этот кошмар, но я прекрасно понимала: этот кошмар реален. Я действительно стала крысой и попала на какое-то занюханное гнилое корыто, какими в нашей стране лет сто минимум как никто не пользуется. И самое страшное, я понятия не имею, что мне теперь делать.

Я досадливо дёрнула носиком и замерла, ожесточённо приплюсываясь. Неужели? Этого просто не может быть! Нет, я не ошибаюсь, действительно пахнет едой. При мысли о еде живот скрутило голодной судорогой, сопровождавшейся громкой и совершенно немusыкальной трелью. Господи, да я сейчас всех крыс готова слопать, такая голодная! Позабыв обо всём на свете, я словно кобра за заклинателем двинулась на запах, сама не заметила, как попала в помещение (судя по кровати и сундуку, в которые я врезалась по дороге, это была каюта), с третьей попытки вскарабкалась на стол, дрожащими лапками схватила с тарелки виноградинку и буквально проглотила её. До чего тут виноград мелкий, просто изюм какой-то! Только после четвёртой ягодки я поняла, что виноград не так уж и мелок, а ещё просто божественно сладок на вкус! Я потянулась к ещё одной ягодке, но в этот момент раздался удивлённый возглас, и меня крепко схватили поперёк моего и так уже изрядно истерзанного тельца.

— Смотри-ка, Бернардо, до чего крысы дерзкие! — в прозвучавшем восклицании насмешка смешалась с удивлением. — И что мне с тобой делать, безрассудное создание?

Я испуганно вытаращила на схватившего меня мужчину, который держал мою скорбную тушку прямо перед своим лицом. Даже перед лицом скорой и лютой (а чего ещё ожидать крысе от человека?) смерти я не могла не заметить, что мужчина очень красив. Черты лица чёткие, но лишённые женственной смазливости, свойственной киношным красавчикам. На золотистом от загара лице ярко блестят большие глаза моего любимого тёмно-карего цвета, а белозубость улыбки выгодно подчёркивает тонкая нитка усов над верхней губой. Хм-м-м, кого-то мне этот парень напоминает, только вот кого? Я задумчиво потянулась к подбородку, есть у меня такая привычка, потирать подбородок, когда что-то вспоминаю, и замерла, заметив, с каким нездоровым вниманием смотрит на меня мужчина. Чёрт, он меня что, сожрать собрался?

— Бернардо, — голос у моего пленителя прозвучал несколько напряжённо, — иди сюда.

Чёрт, чёрт, чёрт!!! Кто-нибудь, может мне сказать, что здесь происходит?! Я испугалась и принялась отчаянно выдираться. Что значит, как? Упёрлась лапками в цепко держащие меня пальцы и попыталась вылезти из этой ловушки, как толстушка из кринолина! Да знаю я, что животные всем телом извиваются, знаю, только в тот момент это бесценное знание у меня начисто из головы вылетело!

— А ну, не вертись, — сурово приказал мне кареглазый парень и для большей

убедительности так крепко сжал мою тушку в руке, что я реально слышала хруст собственных рёбер.

Гад! Гад и сволочь!!!

— Ты разумна, — красавчик не столько спрашивал, сколько утверждал, не сводя с меня тяжёлого изучающего взгляда.

Ой, что-то мне как-то нехорошо, словно в лапы инквизиции угодила. Я повисла безвольной тряпочкой, стараясь придать своему лицу максимально идиотское выражение. Но везение, похоже, не только повернулось ко мне задом, но и вообще вычеркнуло меня из всех своих списков. Мне не поверили.

— Ты разумна, — ещё раз повторил красавчик и задумчиво усмехнулся. — Забавно...

Диего

Отец всегда говорит, что любовь, приключения и неприятности начинаются без видимых внешних причин. Вроде бы всё тихо, спокойно, а потом р-раз, и такая каша заварится, только успевай расхлёбывать. И отец точно знает, о чём говорит, в нашей семье такие каши завариваются регулярно. Мои предки по отцовской линии древнего испанского рода, влиятельные настолько, что даже Святая Инквизиция не смела обращать на них свой строгий взор и повышать против них свой обличающий глас, укрывали от этой самой Инквизиции своих друзей, знакомых, а прадед даже кровному врагу помог спастись, после чего кровная вражда моментально переросла в крепкую дружбу. Именно благодаря этому прадедову кровнику мой дед и перебрался в Калифорнию, где приобрёл себе гасиенду, а потом прибрал к рукам и окружающие её земли. Мой отец после трёхлетней учёбы в Испании вернулся в родной Лос-Анжелес и как раз успел принять участие в укрощении индейского мятежа, в результате которого индейцы были окончательно вытеснены в резервации, старик-губернатор лишился скальпа, а мой отец познакомился с отважной Быстроногой Ланью, которая и стала моей мамой. Далеко не сразу, разумеется, ради права стать супругом Быстроногой Лани, принявшей при крещении имя Марии, отец победил в ритуальном поединке её прежнего жениха, выходил тяжело раненного во время восстания шамана племени, усыновил немого мальчишку-сироту из племени и даже стал губернатором Лос-Анжелеса. Как говорится, на что только не пойдёшь ради любимой женщины!

Мама отвечала отцу искренней любовью и святой убеждённостью, что он самый лучший мужчина на свете, практически земное воплощение господина бога. Через девять месяцев после торжественного венчания, на котором без всяких преувеличений присутствовали все жители города, родился я, оглушительным воплем оповестив о столь замечательном событии всю округу. Усыновлённый отцом Бернардо стал моим другом, наставником, поверенным всех секретов и самым незаменимым после родителей человеком.

Когда мне исполнилось десять, мама провела над нами с Бернардо обряд Посвящения, после которого мы обрели право называться мужчинами, носить оружие и получили защиту от своих тотемных животных. У Бернардо тотемом оказался орёл: мудрый, зоркий, готовый защищать своих птенцов до последней капли крови. Моим же тотемным животным духи называли лиса, да ещё и чёрного, символизирующего хитрость, ловкость и невидимость. Согласитесь, не самый завидный вариант для десятилетнего мальчишки, с кровью отца перенявшего сказания о неустрашимых героях, готовых в одиночку, в честном поединке сражаться с самыми могущественными злодеями! Я готов был обидеться на бестолковость духов, но отец посадил меня к себе на колени и рассказал о прадеде, который без помощи

оружия, исключительно с помощью ловкости и хитрости спасал людей из лап Инквизиции! Я слушал с открытым ртом, а потом спрыгнул с коленей отца и звонким, прерывающимся от волнения голосом поклялся, что буду защищать слабых и несправедно угнетаемых, стану их тотемом, их Зорро, который всегда придёт на помощь в трудную минуту. В знак нерушимости клятвы мама порезала мне ладонь, вытекшая из ранки кровь не дала легковесным словам раствориться в воздухе, связала их своей силой и передала предкам. Долгие годы я не вспоминал об этой клятве, перестал замечать белёсую нитку шрама на ладони. Много за это время изменилось: мы с Бернардо повзрослели и возмужали, отец ушёл с поста губернатора, чтобы было больше времени ухаживать за всё чаще и чаще болеющей мамой. Мамочка ни на что не жаловалась, только с каждым днём всё больше таяла, сохла, пока в один несчастный день не легла в обед подремать и больше не просыпалась. Мы похоронили маму по двум обычаям: канонам католической церкви, с торжественной заупокойной службой, траурной процессией и морем цветов, и индейскому, выпустив из плетеной клетки десяток маленьких певчих птиц.

Через год после похорон мамы я отправился в Испанию, в университет. Верный Бернардо, который и слышать не хотел о том, чтобы остаться дома, поехал вместе со мной. Испания мне не понравилась. На фоне цветущего великолепия садов особенно бросались в глаза фальшь и высокомерие грандов, которые привыкли судить о человеке не по его поступкам, а по длине родословной и тяжести кошелька. Маска напускного благочестия скрывала самый гнусный разврат, а милосердие чаще встречалось в словах, чем в делах. Поэтому, когда спустя три года отец в письме попросил меня вернуться домой, я без всякой жалости покинул Испанию. В тот момент, когда я смотрел на удаляющийся испанский берег, я даже и не предполагал, что судьба сведёт меня с самым настоящим оборотнем, в существовании которых ни капли не сомневались мои предки, как со стороны отца, так и со стороны матери.

Мы с Бернардо вышли попрощаться с командой корабля, бравыми моряками, ставшими за время путешествия нашими друзьями, а когда вернулись в каюту, я сразу заметил тощую потрёпанную крысу, сидящую на столе и пожирающую виноград. Мой любимый, между прочим! Сделав знак Бернардо не шуметь, я скользнул вперёд и крепко схватил крысу поперёк тела.

— Смотри-ка, Бернардо, до чего крысы дерзкие! — я покрепче ухватил мерзавку, поднял её повыше к своему лицу. — И что мне с тобой делать, безрассудное создание?

Крыса испуганно вытаращилась на меня, даже не пытаясь вырваться. Хм, а не слишком ли разумное поведение для простого вредителя? Мои подозрения окрепли ещё больше, когда крыска потянулась к мордочке, словно человек, в задумчивости потирающий подбородок. Та-а-ак, это уже интересно.

— Бернардо, — голос у меня прозвучал напряжённо, как-то я оказался не готов к встрече с чудом, — иди сюда.

Мой друг прекрасно знает повадки животных, он с первого взгляда отличит настоящую крысу от оборотня. И тут моя пленница совершила ещё одну промашку: она упёрлась лапками в мои пальцы и попыталась вылезти! Да-да, именно вылезти, словно застрявший в узком тоннеле человек!

— А ну, не вертись, — сурово приказал я своей пленнице и для большего послушания стиснул её так, что даже услышал хруст крысиных рёбер. Позволить сбежать столь интересной пленнице в мои планы не входило. Это же надо, человек в облике крысы!

Интересно, за что его превратили?

— Ты разумна, — я не столько спрашивал, сколько утверждал, не сводя с тяжело дышащей крысы тяжёлого изучающего взгляда. Таким взглядом на меня отец смотрел, когда узнавал об очередной шалости.

Крыса повисла безвольной тряпочкой, стараясь придать своей морде максимально идиотское выражение. Вот честное слово, если бы меня по-другому воспитывали, подумал бы, что мне всё примерещилось и это обычный вредитель!

— Ты разумна, — ещё раз повторил я, убеждая и себя, и свою пленницу, в том, что я раскусил её нелепый маскарад, и не сдержал довольной усмешки. — Забавно...

Крыса продолжала висеть в моей руке грязной тряпкой, даже дыша через раз и то с большой неохотой. Что, милая, думаешь, я тобой хвастаться начну или сожгу, как дьявольское отродье? Не бойся, я тебя не обижу. Всё ещё не выпуская крысу из рук, я чуть повернул голову к Бернардо и попросил:

— Будь добр, принеси горячей воды. Надеюсь, наша гостья не откажется от купания.

Бернардо коротко кивнул и вышел, а я опять посмотрел на свою дивную гостью:

— Ну что, малышка, обещаешь не сбегать, если отпущу?

Каталина

Вот правильно говорят: не всех дураков война убила, многие родились позже! Или раньше, чёрт его разберёт, в какое время я попала. Одно точно знаю: попала я крупно, хотела бы сильнее вляпаться и то, наверное, не смогла бы. Красавчик оказался придурком редкостным: легко смирился с тем, что у него в каюте самый настоящий оборотень (так, кажется, называют тех, кто из человека в животное превратился?) и так свободно держит себя, словно всю жизнь с крысами общался. Чует моё сердце, крыша у этого симпатяги не то что едет, а вообще капитально обвалилась. Причём давно. И что мне делать? С одной стороны, бежать надо, пока цела, а с другой — куда мне бежать-то? Вернуться в грязный трюм к озверевшим крысам на растерзание?! Фигушки, я, пусть и в крысиной шкуре, а жить хочу! У психа этого остаться? А где гарантия, что он меня не сожрёт, сожжёт или ещё как-нибудь покалечит? Сейчас-то он добрый да ласковый, а потом, р-раз, помутнение накатит или наоборот, в ум войдёт, и поминай как звали бедную крыску.

Я усиленно зашевелила носиком, жадно впитывая окружающие меня запахи. Будучи человеком, я даже и не подозревала, что мир вокруг меня такой ароматный. Свежие бодрящие запахи моря просачивались через неплотно прикрытую дверь, старым деревом пахла обшивка стен каюты, пол, наоборот, чуть смердел старой тряпкой, которой по нему регулярно елозили, называя это действие влажной уборкой. Но вкуснее и ярче всего пах держащий меня в руке парень. К острому запаху моря (красавчик явно не привык дни напролёт в каюте сидеть) примешивался густой запах кофе и чуть терпкий аромат сигар (курит, паразит, кто бы мог подумать!). Я прикрыла глазки, выпуская на волю свою звериную сущность и за этими внешними, легко различимыми и понятными человеческим разумом запахами обнаружила резковатую, оставляющую горечь на языке, нотку скрытой тревоги, густую, тёплую, словно горячий шоколад, волну спокойствия и уверенности в себе и пряный, кружащий голову, коричный аромат искателя приключений. М-м-м, пупсик, какой же ты вкусный, так бы и съела! Я невольно облизнулась, вызвав у красавчика улыбку и буквально окрылившие меня слова:

— Сначала помоешься, а потом поешь.

Ты будешь меня кормить? Хм, пупсик, я тут подумала, а останусь-ка я у тебя. На время, пока опять человеком не стану.

Глава 2

Бернардо был твёрдо убеждён, что природа лишила его способности удивляться. Спокойный и невозмутимый от природы, после тяжёлой болезни лишившийся речи, Бернардо предпочитал оставаться в тени, благо яркости и живости Диего с лихвой хватало на двоих и ещё оставалось. Неожиданное появление в каюте ободранной полудохлой крысы оставило индейца невозмутимым, а вот утверждение друга, что эта крыса — человек, заставило пошатнуться привычную невозмутимость. Конечно, Диего — фантазёр, каких ещё поискать, природа дала ему сердце воина и душу поэта, но крыса и правда вела себя необычно. Не так, как другие представители хвостатого племени. И пахла она по-другому, в этом Бернардо был абсолютно уверен. Индеец задумчиво покачал головой, стараясь не расплескать миску с горячей водой, которую ему без всяких вопросов выдали на камбузе. Если предположить, что крыса действительно заколдованный человек, то к добру или худу её появление? Да ещё и в тот самый момент, когда Диего возвращается домой. Не подсыл ли это от губернатора? Бернардо досадливо прикусил губу, неловко дёрнул рукой, и вода выплеснулась из миски ему на руку, но он этого даже не почувствовал, погружённый в невесёлые раздумья. Может, стоит выкинуть крысу за борт? А если эта крыса — суженая Диего, дарованная ему богами? Бернардо брезгливо поджал губы. Да ну, глупости, такому видному сеньору, как Диего, нет нужды искать невесту среди облезлых крыс. Ему любая сеньорита рада будет. А если и не ему самому, то его деньгам и положению в обществе. Вот в этом-то и главная проблема единственного наследника рода де Ла Вега. Сам по себе Диего мало кому интересен. Отец хочет видеть в нём наследника и продолжателя своих начинаний, почтенные донны — покорного их капризам зятя, юные сеньориты... У этих ярких, словно оперение райских птиц, девушек требований к своему потенциальному супругу больше, чем букв в священных книгах, которые так любит читать брат Антонио. А Диего подобен ветру, океану, облаку на горизонте, его нельзя загонять в рамки, условности и обычаи, иначе он угаснет, зачахнет, скукожится, словно неправильно хранимая упряжь.

Индеец тяжело вздохнул и осторожно открыл дверь в каюту.

— О, а вот и вода для ванны! — воскликнул Диего и кивнул на освобождённый по случаю грандиозного купания стол. — Ставь сюда.

Бернардо осторожно поставил на стол большую миску с водой и вопросительно посмотрел на Диего. Что теперь?

— Спасибо за помощь, дальше я сам, — Диего озорно улыбнулся и повернулся к сидящей на столе и даже не пытающейся убежать крысе:

— Ванна подана, сеньорита!

Крыса продолжала сидеть с таким видом, словно сказанное её никак не касалось и вообще, она обычная крыса, которая не понимает человеческой речи. Диего насмешливо фыркнул, насыпал в воду цветочных лепестков, а потом подхватил крысу и бережно опустил её в воду. Крыса блаженно зажмурилась, несколько раз шлёпнула лапками по воде, а потом опять неподвижно застыла, буравя Диего маленькими чёрными глазками.

— Что-то не так? — удивлённо приподнял брови Диего.

Крыса выразительно помахала лапками перед собой, намекая, что было бы просто чудесно, если бы её вымыли. Но Диего, всегда прекрасно понимающий Бернардо, в этот раз проявил просто удивительную недогадливость.

— Да, малышка, — бодро кивнул де Ла Вега, — это твоя ванна. Можешь мыться.

Крыса выразительно шлёпнула лапкой по лбу и помотала головой.

— Если робеешь, мы можем отвернуться, — в глазах Диего отплясывали сарабанду тысячи чертенят, но голос оставался серьёзным.

Крыса в ярости забила лапками по воде, щедро залив всё вокруг.

— Если тебе что-то нужно, просто попроси, — с усмешкой заметил Диего.

Крыса презрительно фыркнула и гордо отвернулась, сцепив лапки на груди.

— Как хочешь, — Диего пожал плечами и, жестом позвав Бернардо, отошёл с ним к окну, перестав обращать на крысу внимание.

Диего

Кажется, я понимаю, за что эта сеньорита была превращена в крыску. Нрав у моей неожиданной гостьи оказался о-го-го какой, словно у молодой необъезженной кобылицы. Убедившись в том, что никто не собирается её обижать, крыска стала вести себя как сошедшая на землю богиня, уверенная в том, что все смертные обязаны целовать следы ног её уже за одно то, что богиня покинула небо и спустилась на землю. Что ж, придётся нашей гостье напомнить, кто в доме хозяин, а кто всего лишь плохо воспитанный домашний питомец.

Ванне крыска обрадовалась, но поблагодарить Бернардо за то, что он принёс ей воды, даже не подумала. Сама в воду не полезла, подождала, пока я добавлю ароматических лепестков и на руках отнесу ЕЁ Крысочество в воду. И мыться сама не стала, замахала лапками, не прося, требуя, чтобы её намыли! Не знает малышка, что я приказов с детства не терплю. Ну да ничего, если не дурочка, быстро всё поймёт.

— Да, малышка, — бодро кивнул я в ответ на активные лапкомахания, — это твоя ванна. Можешь мыться.

Крыса выразительно шлёпнула лапкой по лбу и помотала головой. Ха, можно подумать, я тебя с первого раза не понял! А вот ты меня точно не понимаешь, продолжаем забавляться.

— Если робеешь, мы можем отвернуться, — я с трудом, но сдержал улыбку, хотя при виде медленно закипающей от ярости крысы чуть не расхохотался в голос.

Крыса в ярости забила лапками по воде, щедро залив всё вокруг. Какая она хорошенькая, когда сердится!

— Если тебе что-то нужно, просто попроси, — я всё-таки не сдержался, улыбнулся.

Что, малышка, не привыкла просить? А зря, полезный навык, существенно облегчает жизнь.

Крыса презрительно фыркнула и гордо отвернулась, сцепив лапки на груди.

— Как хочешь, — я пожал плечами и, жестом позвав Бернардо, отошёл с ним к окну, перестав обращать на крысу внимание.

Если не совсем глупышка, попросит о помощи или справится сама. В любом случае это будет хорошим уроком и отличной проверкой. А то вдруг я ошибаюсь, и это просто дрессированная зверюшка? Хотя нет, даже очень умные и дрессированные звери так себя не ведут. Это явно девушка. Капризная, избалованная, упрямая девчонка. Будь она в человеческом теле, я бы мог в неё даже влюбиться, благовоспитанные примерные сеньориты, не смеющие даже рта раскрыть в присутствии мужчины, меня никогда не привлекали.

Каталина

Гад! Гад и сволочь!!! Иного определение этот наглый красавчик и не заслуживает! А как всё красиво начиналось: он по первому взмаху моих ресничек приказал подать мне горячей воды, лепесточков розовых в воду бросил, на руках меня в ванну отнёс. Я прям растаяла, вот она романтика! Ага, как бы не так! На этом лимит благородства и романтизма у этого типчика закончился, зато активно прорезалась присущая всем без исключения козлиная сущность. Я ждала, что красавчик меня намочит, согласитесь, короткими крысиными лапками мыться неудобно, и вообще, какая женщина откажет себе в удовольствии понежиться в руках сильного красивого мужчины! Так нет, этот придурок сделал вид, что перестал меня понимать! Или этот идиот просто перестал притворяться?

— Да, малышка, — бодро кивнул этот смазливый придурок в ответ на мои активные взмахи лапками, означающие, что он должен, подчёркиваю, должен, меня намочить, — это твоя ванна. Можешь мыться.

А то я не поняла! Кретин малахольный! Я выразительно шлёпнула себя лапкой по лбу, аж в голове загудело и лапка заныла, и помотала головой. Тупица. Как таких только земля носит. Но красавчик не заткнулся, продолжал противно нудеть:

— Если робеешь, мы можем отвернуться.

И вот тут-то я отчётливо услышала в голосе красавчика смех. Так, я не поняла, этот козёл что, смеётся надо мной?! Я попыталась поймать взгляд слабоумного насмешника, но тот смотрел куда угодно, кроме меня. Этот придурок меня ещё и игнорирует!!! Я в бешенстве забила лапками по воде, жалея, что не могу свернуть шею этому козлу или утопить его в этой дурацкой миске.

— Если тебе что-то нужно, просто попроси, — красавчик расплылся в сладкой улыбке, вызвавшей у меня страстное желание откусить ему губы и язык.

Ага, счас, разбежалась я унижаться перед всякими козлами! Да я скорее сдохну, чем опущусь до просьбы!!! Я презрительно фыркнула и гордо отвернулась, попытавшись сложить лапки на груди. Не получилось, тельце оказалось слишком толстым, только лапки кое-как сцепила, краем глаза косясь в сторону охамевшего красавчика.

— Как хочешь, — этот гадёныш безразлично пожал плечами и, жестом позвав слугу, отошёл с ним к окну, перестав обращать на меня внимание.

Время шло, вода стыла, я постепенно замерзала, но мыть меня никто так и не собирался. Красавчик, наболтавшись вволю со слугой (фи, нашёл с кем говорить!), завалился на кровать с книгой, зашуршал страницами. Надо же, грамотный, буквы знает! Я тихонечко, чтобы не заметили, присмотрелась к книге, да так и села в холодную воду. Книга была на испанском, если быть точнее, старо-испанском. Чёрт, чёрт, чёрт, куда же меня занесло?! Так, нужно срочно выбираться из этой холодной лужи! Я полезла из глиняной миски, которую ванной можно было назвать только издалека и в кромешной тьме, но стоящий у стола слуга ловко опрокинул меня обратно в воду. Не поняла, это ещё что такое?! Я опять полезла из миски, и меня опять швырнули обратно.

— Пока не помоешься, из ванны не выйдешь, — спокойно, не отрываясь от книги, произнёс козёл с кровати.

Ну всё, красавчик, ты нарвался. Это война.

Я быстро кое-как ополоснулась холодной водой и вопросительно посмотрела на приставленного ко мне надзирателя. Проклятый индеец (вот не зря их истребляли, совсем не зря!) с издевательской ухмылкой приглашающе взмахнул рукой. Я так понимаю, доставать

меня никто не будет, самой надо выбираться? Ладно, пупсики, вы сами напросились.

Сопя и пыхтя от напряжения, я выкарабкалась из проклятой миски, мстительно перевернув её. Грязная вода хлынула на стол, но никого не обрызгала и не замочила: индеец успел отойти, а до кровати вообще ни капельки не долетело.

— Ужин на столе, — красавчик по-прежнему не отрывался от книги. — Ты его только что залила грязной водой, но это же ерунда, крысы — существа не брезгливые.

Я посмотрела на печально тающий в воде воздушный бисквит, торчащие, словно айсберги в океане, виноградинки и сдавленно зарычала. Я это есть не стану. Сами жрите подобную дрянь.

— Не голодна? — красавчик отложил-таки книгу, с наслаждением потянулся. — Ну и хорошо, тогда пошли спать.

Индеец проворно вытер воду со стола. Я бы позлорадствовала, что мальчишка убирает устроенный мной бардак, но проклятый индеец так размахивал тряпкой, что смахнул меня на пол. Блин, больно, между прочим! Ну ничего, пупсики, я вам ещё устрою Варфоломеевскую ночь, вы у меня ещё попляшете...

Я едва дождалась, когда стемнеет и два мерзопакостных паразита, к которым меня забросила проклятая старуха, угомонятся. Но вот наконец-то в каюте воцарилась тишина, разбавляемая лишь вздохами моря и равномерным, почти бесшумным дыханием спящих. Хе-хе, уснули, голубчики? Я потёрла лапки и приступила к воплощению своей Страшной Мести.

Для начала я скользнула со стола, на котором лежала издыхающей тушкой, на пол и, преодолев врождённую брезгливость, впилась зубами в сапог красавчика. Ум-м-м, как упоительно пахнет настоящая кожа! И не сравнить с тем дерьмантином, что нам впаривают ушлые продавцы. Острые зубки быстро превратили сапог в оригинальный дуршлаг. Я подошла к процессу вредительства не только с душой, но и фантазией, не просто прогрызая дырки, а делая их на месте пальцев. Закончив с одним сапогом, я, чтобы не повторяться, другой грызть не стала, «всего лишь» разодрал его когтями. Конечно, коготки у меня не кошачьи, поменьше будут, но я очень старалась. После сапог пришёл черёд одежды. Я откусила пуговицы на камзоле, прогрызла дырки в районе сосков и под мышками на рубаше, а на штанах сделала симпатичные дыры сзади и распустила нитки спереди. На первый взгляд незаметно, но стоит только надеть штаны, как откроется просто дивный вид. Или жалкий, не знаю, есть ли у пупсика повод гордиться собой, не видела пока.

«Облагородив» наряд господина, я не могла оставить без внимания и костюма слуги. Красавчик так трепетно относится к этому мальчишке-индейцу, я же не могу его разочаровать! Но желания как-то особо изощряться в мести слуге, слепому орудию господской воли, у меня не было. Зубки устали и ныли от непривычной работы, лапки подрагивали от напряжения, глазки слипались от усталости. Поэтому я быстро порвала-покусала одежду слуги и без сил рухнула спать. Что значит, куда?! Естественно, на подушку красавчика, почти прижав когтистые лапки к его смазливому личику. Ум-м-м, как же всё-таки упоительно пахнет этот смазливый козлик. Эх, малыш, была бы я человеком, совсем бы по-другому мы с тобой ночь провели...

Утро на корабле, прибывающем в порт, начинается задолго до того, как на небе появится нежно-розовая полоска зари. Пожалуй, правильнее будет сказать, что на таком корабле за день до прибытия пропадает ночь с её тишиной и всеобъемлющим покоем: матросы торопливо перекалывают грузы, готовя их к таможенному досмотру, вперёдсмотрящие напряжённо всматриваются в окружающую их ночную тьму. Прибрежные воды коварны и часто прячут смертельно опасные для кораблей мели, рифы, а то и обломки незадачливых кораблей, чьи команды оказались недостаточно бдительными и осторожными.

Капитан последнюю ночь перед прибытием в порт тоже предпочитает провести на ногах, старинная морская примета гласит, что моряк, заснувший перед заходом в порт, гневит морских богов и рискует проснуться на дне морском. Или вообще не проснуться, став морской пеной, с печальным шелестом набегающей на берег и тающей на прибрежном песке.

— Капитан, ветер попутный, часа через три прибудем в порт, — рулевой оскалился в зверской гримасе, которая означала у него добродушную ухмылку и могла довести до сердечного приступа впечатлительного пассажира. Но робкие и изнеженные сеньоры и сеньориты редко ступали на борт «Попрыгуньи», предпочитая более комфортабельные, пусть и менее быстроходные суда. — Не пора ли будить сеньора де Ла Вега?

Капитан задумчиво посмотрел на горизонт, на котором нежно розовела красавица заря, легкокрылая и кокетливая предвестница солнца. Если будут милостивы морские божества, денёк будет добрым.

— Ты прав, Родриго, — капитан поправил фуражку и одёрнул китель, — пойду, сообщу сеньору Диего, что мы скоро прибудем в порт.

Рулевой опять оскалился, но под строгим, почти свирепым взглядом капитана поджал губы и сосредоточенно нахмурился. Смеяться над пассажирами на «Попрыгунье» было не принято.

Капитан окинул орлиным взглядом палубу корабля, ещё раз поправил фуражку и, спустившись вниз, негромко, но настойчиво постучал в дверь каюты. Дверь открыл взлохмаченный со сна индеец Бернардо, слуга Диего. Капитан коротко кивнул (любезничать со слугой он считал ниже своего достоинства) и сухо сообщил:

— Часа через три корабль прибудет в порт.

Бернардо кивнул и захлопнул дверь перед самым носом капитана. Индеец тоже считал, что не стоит любезничать с человеком, который воспринимает тебя чем-то средним между безгласной скотиной и элементом мебели.

— Что случилось, Бернардо? — хриловатым со сна голосом спросил Диего и размашисто потянулся, нечаянно (или нарочно?) смахнув на пол пригревшуюся на груди крысу.

Упавшая на пол взлохмаченная крыса мрачно посмотрела на Диего, выразительно повернувшись к нему хвостом.

— Не сердись, малышка, — Диего подхватил крысу на руки, шутливо подул в мордочку, — я правда не хотел.

Крыса выразительно фыркнула, намекая, что извинений ей недостаточно.

— Ладно, убедила, можешь продолжать обижаться, если тебе нравится, — пожал

плечами Диего, легко смахивая крыску на кровать. — Так ты говоришь, Бернардо, корабль часа через три прибудет в порт? Отлично, как раз успеем подготовиться к нашему триумфальному спуску на берег.

Диего белозубо усмехнулся, Бернардо тоже улыбнулся и потянулся за небрежно брошенной на спинке стула одежде Диего. Странно, индеец был уверен, что вечером всё складывал аккуратно, чтобы не измять тонкую ткань, но, может, он только пособирался сложить? Или Диего вставал ночью... хотя нет, Диего спит крепко. Особенно, когда волнуется.

Бернардо взял в руки одежду и замер, не в силах поверить в увиденное.

— Ты чего? — Диего одним плавным кошачьим движением поднялся с кровати и подошёл к другу, начисто позабыв как о своей давней привычке спать обнажённым, унаследованной от индейцев, так и о том, что они с Бернардо в каюте не одни.

— Что случилось, Бернардо?

Индеец молча пихнул в руки другу художественно изгрызенную одежду. Диего нахмурившись посмотрел на лоскуты, а потом расхохотался так, что на столе задрезжала крышечкой чернильница.

— У нашей маленькой крыски на редкость изощрённое чувство юмора, — Диего засунул руку в дырку на штанах и снова расхохотался. — Ну что ж, каков привет, таким и ответ будет. Бернардо?

На губах индейца появилась очень выразительная, не обещающая ничего хорошего улыбка. Заметившая эту улыбку крыса попыталась сбежать, но Диего ловко схватил её поперёк тельца, сдавил, лишив возможности отбиваться, и прошептал в бархатистое оттопыренное ушко:

— Умела напакостить, умей и отвечать.

Крыса замерла, мелко дрожа всем телом, а Диего ловко поместил пленницу в уже подготовленную Бернардо изящную птичью клетку, самое настоящее произведение искусства, в котором крыса смотрелась замарашкой в богатой карете.

Диего

Отец любит повторять, что как день начнётся, так он и пройдёт. Что ж, сегодня мне выпал шанс проверить правдивость слов отца на собственном опыте. Крыска, оставленная вчера вечером без присмотра, изгрызла мою одежду, но не в лоскуты, как сделало бы обычное животное, а с фантазией, присущей лишь человеку. Забавная малышка, целиком и полностью зависит от моей доброй воли и при этом не упускает возможности мне напакостить! Что ж, придётся ещё раз напомнить сеньорите, кто в доме хозяин, тем более что Бернардо прекрасно понял мой замысел и достал из сундука красивую небольшую клетку, которую я купил в подарок сеньорите Лусии, дочери нашего соседа дона Эрнандо.

Крыска, почувствовав, что над её головой сгущаются тучи, попыталась сбежать, но я успел её перехватить и, чуть сжав в руке, чтобы отбить желание сопротивляться, прошептал в бархатистое, отливающее розовым на свету круглое ушко:

— Умела напакостить, умей и отвечать.

Так всегда говорила мама, когда заставляла меня у растерзанного розового куста или перевёрнутой шкатулки с рукоделием, или у пролитой в кабинете отца прямо на важные бумаги чернильницы.

Крыска замерла, мелко задрожав всем телом, наконец-то осознав всю серьёзность моих

намерений и неизбежность расплаты за мелкую, такую девчачью, пакость, а я воспользовался замешательством жертвы и ловко запихнул её в подготовленную Бернардо клетку. Главное, не проболтаться сеньорите Лусии и её матушке, донне Бьянке о том, кто был первым обитателем их прелестной клеточки.

Крыса пыталась испепелить меня взглядом через прутья клетки. Напрасно стараешься, малышка, я огнеупорный. И да, моя месть только началась. Конечно, благородный кабальеро не должен опускаться до мести женщине, это неприлично и недостойно звания мужчины, но, во-первых, я наказываю крысу, во-вторых, она сама виновата, в-третьих, лучше сразу показать малышке её место, чем потом жалеть об упущенных возможностях. И нет, мне ни капельки не стыдно.

Я подёргал дверцу клетки, проверяя, надёжно ли она закрыта, и присоединился к Бернардо, который уже начал сшивать разномастные лоскуты моего испорченного камзола. Теперь главное — успеть до прибытия в порт. В две пары рук работа закипела быстрее, и уже через двадцать минут всё было готово. Мы с Бернардо с одинаковым сомнением смотрели на перекошенное нечто, в котором даже при очень богатой фантазии разглядеть платье для крыски было весьма проблематично.

— Ладно, для первого раза очень даже неплохо, — бодро заявил я, старательно избегая взгляда маленьких чёрных крысиных глаз.

Прости, малышка, но ты сама напросилась. Не надо было портить мою одежду.

Едва я протянул руку к клетке, как крыса вцепилась в прутья всеми лапками и даже зубами, категорически отказываясь вылезать наружу и примерять сшитый для неё наряд. Вот зараза неблагодарная, я все пальцы исколол, пока шил, а она ещё кочевряжится!

— Так, — я внушительно потрянул клеткой, — если не вылезешь, то мы с Бернардо сойдём в порту, а тебя оставим здесь. Прямо в клетке, ясно?

Крыса отчаянно задёргала носиком, но я оставался суров и непреклонен и уловить в моих словах хоть нотку нерешительности или фальши малышка не смогла. Ха, если бы меня можно было так легко поймать, меня бы из университета в Испании давным-давно бы исключили!

— Считаю до трёх, — поторопил я крыску.

Давай, шевелись, малышка, я всё равно не отстану, а таможня на суше ждать не будет, пока ты соблаговолишь из клетки выбраться.

Крыска опять дёрнула носиком, а потом медленно, словно обречённый на казнь, вышла из клетки. Вид у неё при этом был такой уморительный, что я не сдержал улыбки:

— Выше голову, мне казалось, девчонки любят наряды.

Крыса одарила меня таким взглядом, что мне следовало бы осыпаться мелким пеплом, но как я уже говорил, я плохо обугливаюсь от взглядов. Я подхватил крыску на руки, а Бернардо ловко нацепил на малышку наше творение. На пару секунд в каюте повисла напряжённая тишина, мы с недоверием смотрели на нелепую, топорщащуюся во все стороны разноцветными лоскутками, неровно обрезанными нитями и кривыми стежками тряпку, в которой крыска полностью исчезла. Чёрт, велико! А перешивать и не хочется, да и некогда, времени в обрез осталось.

Я задумчиво покусал губу, потом решительно выпутал крысу из тряпки, поднёс к лицу и строго спросил:

— Урок усвоен или повторить?

Судя по откровенно обалдевшей морде, крыса меня вообще не поняла. Или это

последствия культурного шока, вызванного созданным нами одеянием? Я тряхнул крыску, сосредотачивая её внимание на себе, и пояснил:

— Ты испортила мою одежду, за это мы с Бернардо сшили тебе вот это, — я взмахнул рукой в сторону пёстрой тряпки, так и не сумев подобрать точного названия получившемуся «шедевр». — Если продолжишь пакостить, будешь носить его постоянно. Вопросы есть?

Крыса яростно забила хвостом по моей руке. Судя по всему, малышка урок усвоила, и вопросов у неё нет, а вот пожеланий предостаточно, вон, даже запищала что-то, сильно подозреваю, отнюдь не благодарное. Так, теперь закрепим успех, и до очередной пакости можно жить спокойно.

Я посильнее сжал крысу и, пристально глядя в её яростно сверкающие глазки, внушительно произнёс:

— Я тебя предупредил. Ты меня поняла?

Крыса замерла, усиленно делая вид, что её тут вообще нет, и она понятия не имеет, с кем я тут общаюсь. Вот зараза упрямая!

Я дёрнул пленницу за хвост:

— Ты меня поняла?

Крыса пискнула, скорее отправляя меня в заманчивое, хоть и неприличное путешествие, чем выражая согласие, но я решил удовольствоваться и этим. Главное, меня услышали и выводы сделали, а большего мне пока и не надо.

Я запихнул крысу в клетку и небрежно бросил:

— Будешь хорошей девочкой, помогу тебе снять заклятие.

Крыса опять приникла к прутьям клетки, словно обречённый узник, которому внезапно пообещали помилование, но я решительно отвернулся. Малышка, спору нет, хороша, но совсем скоро мы прибудем в порт, а я ещё даже не одет.

Каталина

Скажу прямо: красавчик, к которому меня закинула коварная старая ведьма (вот не зря их в Средние века на костре сжигали, правильно делали!), совершенно не похож на парней из моего времени. Во-первых, у него есть чувство юмора. У моих знакомых чувство юмора не поднимается выше пояса, если вообще есть, а этот красавчик умеет посмеяться и над собой, что делает ему честь. Во-вторых, этот паршивец не прощает обид и издевательств, но не таит обиду, делая вид, что всё нормально, а отыгрывается сразу, причём так, что реально задумаешься, стоит ли пакостить дальше. Как он ловко за испорченную одежду отомстил! Блин, даже зауважала, честное слово, хотя то, что он меня за хвост дёрнул, не прощу, при случае тоже за что-нибудь дёрну, хе-хе. Или укушу, якобы случайно.

— Будешь хорошей девочкой, помогу тебе снять заклятие.

Небрежно брошенная фраза подействовала на меня как пресловутое ведро холодной воды. Что ты сказал, красавчик?! Я подпрыгнула на месте и опять приникла к прутьям клетки, но от меня решительно отвернулись. Эй, а ну, иди сюда, живо, мы не договорили! Я вцепилась в прутья, намереваясь, если надо будет, разобрать клетку по прутикам, и тут же замерла, позабыв не только о словах красавчика, но и вообще обо всём на свете. Как оказалось, красавчик привык спать обнажённым. Понятное дело, я должна было это заметить раньше, когда он с кровати вскочил, но мне, честно говоря, не до того было. Сначала я усиленно изображала оскорблённую в лучших чувствах невинность, потом на меня цепляли эту жуткую тряпку, а сейчас, когда страсти поутихли, я наконец-то заметила наготу

красавчика. Бли-и-ин, какого чёрта я в крысином обличье, когда тут такой секси под боком оказался?! Я часто задышала, чувствуя, как низ живота скручивает горячая волна желания. Правду говорила сушёная вобла, какой-то там специалист по сексологии, которую мы приглашали в наш журнал три выпуска назад, одевающийся мужчина возбуждает сильнее, чем раздевающийся. Я тогда только посмеялась, не этой вобле очкастой о сексе рассуждать, а она права оказалась!

Я скрипнула зубами и поёрзала, пытаюсь хоть немного расслабиться. Ага, с тем же успехом я бы могла раскалённую сковороду остужать горячим паром. Чёрт, чёрт, чёрт!!! Секси, если ты немедленно не прекратишь надо мной издеваться, то первое, что я сделаю, став человеком, — изнасилую тебя! Во всех возможных позах, благо у меня дома «Камасутра» есть.

Словно услышав мои мысли, красавчик обернулся, мудрёным узлом повязывая шейный платок, и задорно мне подмигнул:

— Ну что, готова сойти на берег, малышка?

Да я уже давно готова, прям изнемогаю вся!

Сильно подозреваю, видок у меня был тот ещё, красавчик озабоченно нахмурился и шагнул ко мне:

— Что с тобой, малышка? Ты взъерошенная вся и дышишь тяжело... Заболела?

Что я там говорила по поводу того, что этот дятел отличается от парней из моего времени? Беру слова обратно, такой же тупица, как и все остальные! Ни черта не понимает в женщинах!!!

Я постаралась изобразить на неприспособленной для человеческих эмоций крысиной мордочке всё, что я думаю по поводу разумности красавчика, а для наглядности ещё и кулачком по голове постучала. Секси удивлённо приподнял брови, а потом в его блестящих карих глазах мелькнула искорка догадки и, вот не сойти мне с места, если вру, загорелые щёки потемнели от смущения!

— Прости, малышка, — красавчик смущённо усмехнулся, — я забыл, что ты девушка... пусть и в крысином обличье.

Ну, между нами говоря, не такая уж и девушка, но понял ты меня правильно, молодец. Может тогда и на ручки возьмёшь, раз уж такой догадливый? Как оказалось, я опять переоценила умственные способности красавчика.

— Прости, больше подобного не повторится.

Что?! Эй, красавчик, ты хочешь лишить меня зрелища, способного сделать моё утро добрым?! Не смей, слышишь, я против! Я вцепилась в прутья клетки и отчаянно запищала, пытаюсь объяснить, что я не против, а наоборот, очень даже за, но красавчик сурово нахмурился:

— Всё. Обсуждать тут больше нечего.

Вот ведь козёл безрогий, а?! Гад гадский! Свин свинский! Ух, будь я человеком, я бы ему всё высказала!!! И бабке этой, колдовке недобитой, мать её так растак и разэдак!

Красавчик, игнорируя мой яростный зубовой скрежет, подхватил клетку и, насвистывая что-то легкомысленно-весёлое, вышел из каюты. Я оживлённо закрутила головой по сторонам, спеша обогатиться новыми наблюдениями. Как говорится, кто владеет знаниями, тот владеет миром. На данный конкретный момент мир мне был нафиг не нужен, а вот любая информация могла оказаться очень полезной.

— Добро пожаловать в Лос-Анжелес, дон Диего, — с широкой улыбкой произнёс

продубевший на солнце мужик откровенно пиратского вида.

Поскольку шедший рядом с красавчиком индеец на дона не походил даже со спины в темноте и на о-очень большом расстоянии, нетрудно догадаться, к кому обращался пират. Значит, Диего? Я задумчиво посмотрела на красавчика, примеряя к нему услышанное имя. А что, подходит...

— Благодарю, капитан, — краса... пардон, Диего, широко улыбнулся пирату.

Мать моя, и этот головорез капитан?! Хотя чему я удивляюсь, корабль-то тоже корыто редкостное. Я быстро осмотрела палубу посуды, на которой мы всё ещё торчали, презрительно фыркнула и жадно впилась глазами в грязноватый и бедноватый, с моей точки зрения, порт. Мда, это вам не Ницца. И даже не Марсель. На приколе у дощатого настила, сколоченного из местами прогнивших досок, стояли разнокалиберные корабли, самый приличный из которых выглядел младшим братом «Летучего голландца», а самый отстойный — ровесником Ноева ковчега. Кучка грязных, потрёпанных домишек, словно высыпанные из коробки детские кубики, то тут, то там выглядывали из роскошной зелени, словно сами стеснялись своего убожества. А что за люди торчали на берегу, мамочка милая, я таких даже на стенде «Их разыскивает полиция» не встречала! Ну и рожи, явные головорезы с садистическими наклонностями. Как их только в армию взяли! Или они просто-напросто сняли мундиры с трупов убитых солдат? А что, такие могли...

— Сеньор Диего!!! — раненым слоном затрубил один из вояк и с такой скоростью бросился в нашу сторону, что я красочно представила себе, как мы с Диего по красивой ровной дуге летим прямо в воду. — Как я рад Вас видеть!!!

— Педро Гарсия? — приятно удивился Диего. — Вот уже не ожидал тебя здесь увидеть!

И ни капельки не лукавил, своим крысиным чутьём я отчётливо ощутила пряный, словно имбирный пряник, запах радостного удивления, исходящего от Диего. Напомните, я говорила, что красавчик вообще приятно пахнет? Так вот, повторяюсь.

— Я стал военным, сеньор, — вояка выпятил грудь, демонстрируя свой военный мундир. — Сержант Гарсия к Вашим услугам.

Какая-то мыслишка вспугнутой птицей скользнула в моей голове, но ухватить её я так и не успела. Где-то я уже слышала это имя. И имя Диего, кстати, тоже.

— Гарсия!

От резкого, словно выстрел окрика вздрогнули все: Диего, улыбка на лице которого сменилась маской вежливого интереса, за которой скрывалась прохладная настороженность, сержант, виновато втянувший голову в плечи и как-то сразу поблёкший и поглупевший. Я так и вообще подпрыгнула на месте, пискнув от неожиданности.

— Какая у Вас крыска миленькая, — пролепетал сержант, умильно улыбаясь, но его окончательно втоптал в грязь очередной сердитый оклик:

— Гарсия! Гарсия, где тебя носит, чёрт бы тебя побрал?!

— Я здесь, господин комендант! — оглушительно заорал сержант в сторону относительно белого домика, на пороге которого стоял какой-то военный.

— Комендант? — вопросительно приподнял брови Диего.

— Год назад к нам нового коменданта прислали, капитана Родриго Гонсалеса, — шёпотом зачастил сержант, испуганно озираясь по сторонам. — Прошлый-то, упокой господь его душу, помер...

— С чего бы вдруг?! — искренне изумился Диего.

У меня даже на языке защипало от его удивления. Хотя нет, не совсем удивления, ещё

тревоги. Да, точно, так солёно пахнет тревога.

— Его укусила змея, — стоявший у домишки военный, так и не дождавшись своего подчинённого, сам подошёл к нам, ещё и в разговор вмешался, нахал. — Сержант Гарсия, почему вы не пришли ко мне? Перестали меня слышать?!

— О, прошу прощения, комендант, — Диего так сладко улыбнулся, что у меня прямо зубы занули, — это я отвлёл сержанта Гарсию.

Военный бросил на Диего внимательный колючий взгляд, а я судорожно сглотнула, впервые увидев такие пронзительно-синие глаза на смуглом от загара лице. Чёрт, тут мужики один другого краше, а я, как дура, в облике крысы!

— С кем имею честь? — процедил военный таким тоном, словно общение с нами было для него неприятной обязанностью.

— Дон Диего де Ла Вега к Вашим услугам, — Диего склонился в изящном непринуждённом поклоне, хотя лично я прекрасно ощутила горечь насмешки в его словах.

— Дон Диего де Ла Вега, — задумчиво повторил комендант, а я еле сдержалась, чтобы не взвыть в голос и не побиться головой о прутья клетки.

Чёрт, какая же я всё-таки дура! Как же я сразу не сообразила! Смуглый усатый красавчик Диего, придурковатый сержант Гарсия, злобный комендант — это же из фильмов про Зорро! Бли-и-ин блинский, неужели проклятая ведьма закинула меня в эпоху Зорро?! И этот Диего, к которому я попала, тот самый, который Зорро и есть! Так, ладно, оставили панику, она сейчас бесполезна, лучше решим вот какой вопрос: чем мне могут быть полезны полученные сведения?

Я задумчиво пробежалась по клетке. Раз. Другой. Третий. Угомонилась только на четвёртом круге, услышав полный нескрываемого презрения вопрос коменданта:

— У Вашей крысы бешенство?

Что?! Да это ещё спорный вопрос, у кого из нас в скором времени бешенство начнётся, ты, козёл мундирный!

— Она просто беспокоится, — мягко ответил Диего, успокаивающе поглаживая прутья клетки, — мы только что сошли на берег.

— И откуда же Вы прибыли? — резко заинтересовался комендант.

— Из Испании. Я там три года учился в университете.

— И почему вернулись?

Судя по гаденькой усмешке, которую комендант даже не попытался скрыть, он уже составил определённое представление об умственных способностях Диего.

— Увы, — Диего с тяжёлым вздохом развёл руками, — в университете слишком много времени уделяли физическим упражнениям.

Вот это я понимаю, врать и не краснеть. Да ладно, краснеть, даже не пахнуть смущением! И вообще, Диего так хорошо вошёл в образ слащавого малахольного книжного червя, что у него даже запах изменился. Ей богу, не вру! Не сильно, но лично для меня ощутимо. Обалдеть, я даже не думала, что такое возможно.

Комендант растянул губы в вежливой улыбке, а потом махнул рукой в сторону уже замеченного нами ранее домика:

— Я вынужден отнять у Вас ещё пару минут Вашего бесценного времени. Вам нужно зарегистрироваться.

Блин, ну всё как у нас! Не успеешь ногу на перрон поставить, уже прописку и регистрацию требуют!

— Как пожелаете, господин комендант, — вежливо раскланялся Диего.

— Этот индеец с Вами? — резко, на грани приличий спросил комендант, махнув рукой в сторону стоящего истуканом слуги.

— Это мой слуга, Бернардо, — с готовностью ответил Диего и, понизив голос, добавил. — Бедняга глухонемой от рождения и слаб на голову, но зато очень предупредителен.

— Да у вас просто храмовый приют какой-то, — процедил комендант, — в слугах калека, а в питомцах крыса.

— Что Вы имеете против моего питомца?! — вскинулся Диего.

— Ничего, — комендант лениво вскинул ладони вверх, — прошу прощения, не хотел Вас обидеть. А сейчас, если Вы будете столь любезны, мы продолжим нашу беседу в более уютном месте.

— Да, Вы правы, солнце так печёт, — простонал Диего, вытаскивая белоснежный платок и вытирая лицо, — а эта пыль... Ужасно, просто ужасно!

Комендант презрительно усмехнулся и первым направился к домику. Зря ты так, пупсик, врага, даже потенциального, недооценивать нельзя. Это первый шаг на пути к поражению. Да и верить людям, тем более первый раз в жизни увиденным, форменная глупость. Хотя покажите мне хоть одного умного военного!

Я хихикнула, вспомнив свою подружку, с которой мы вместе учились в школе, а потом и в институте, я на журфаке, а она на историческом. Ленка обожала историю с детства, причём так пылко и искренне, что заражала своей любовью и окружающих. Благодаря ей я неплохо знала историю своей страны и могла отличить Александра Невского от Александра Суворова, а Романовых и вовсе всех без запинки перечислить. Знания, конечно, бесполезные, но создать впечатление образованной и, что немаловажно, патриотичной особы они помогали. Так вот Ленка искренне считала военных умными мужчинами. Но она вообще наивна, сколько лет историю в занюханной провинциальной школе преподаёт, мда...

Беседа с комендантом в здании таможни, сквозь маленькие пропылённые окошечки которой с трудом пробивался солнечный свет, была недолгой. Комендант ещё раз спросил, почему Диего вернулся домой, не завершив обучение, и через двадцать минут, когда смогла вставить слово в многословный поток жалоб сеньора де Ла Вега, со скорбной миной сообщил, что вынужден завершить беседу, так как звание коменданта обязывает... Требуется... Заставляет...

Диего сочувственно кивал, а потом с милой улыбкой предложил подвезти коменданта до города, чтобы в дороге продолжить так замечательно начавшееся знакомство. Коменданта отчётливо перекосило, но, преодолев себя, он, пусть и скрипя зубами, процедил вежливый отказ, привычно отговорившись делами.

— Да, Бернардо, капитан Гонсалес тёмная лошадка, — Диего задумчиво покачал головой. — И на честного человека мало похож.

Бернардо скривился и так отчаянно замотал головой, что чуть не свалился с козел лёгкого экипажа.

— Хочешь сказать, совсем не похож на честного человека? — Диего рассеянно провёл пальцами по прутья стоящей на коленях клетки. — Выводы, конечно, делать рано, но...

Крыса, которой надоело торчать в клетке, раздражённо пискнула и попыталась ухватить Диего за палец.

— Прости, малышка, мы совсем о тебе забыли, — Диего поспешно открыл дверцу клетки. — Пить хочешь?

Крыса проворно юркнула из клетки, с наслаждением потянулась, вскинув вверх сначала голову, а потом и попку. Длинный хвост мазнул по лицу Диего, и тот отодвинул его с коротким смешком:

— Осторожней, красавица, а то откушу. Будешь первой бесхвостой крысой в наших краях.

Крыса фыркнула, протёрла лапками мордочку и вопросительно уставилась на Диего.

— Пить хочешь?

Крыса отрицательно мотнула головой.

— Проголодалась?

Крыса немного подумала, поскребла лапкой ухо и опять отрицательно покачала головой.

— А-а-а, хочешь знать, когда мы приедем? — догадался Диего, даря крыске чуть насмешливую улыбку.

Крыса довольно запищала и подпрыгнула на месте в знак согласия.

Диего приподнялся на сиденье, окинул взглядом пыльную дорогу, по которой они ехали, да так и замер, напряжённо всматриваясь в группу всадников, появившихся на дороге и резвым галопом скачущих к массивным воротам крепости. К слову сказать, ворота были гораздо внушительнее самого здания, которое не смогло бы выдержать не только многодневной осады, но и простой атаки. Даже очень малочисленный и плохо вооружённый индейский отряд, вздумай он напасть на Лос-Анхелес, без труда смог бы захватить крепость, в которой с самого момента основания города располагалась комендатура с небольшим военным гарнизоном и тюрьмой.

— Бернардо, — негромко окликнул друга Диего, — смотри, уж не дона ли Рамиреса везут солдаты?

Индеец коротко кивнул, его обычно бесстрастное лицо омрачилось.

— Почему они забрали старика Рамиреса? — прошептал Диего, не отводя взгляда от приближающихся стражников.

Бернардо пожал плечами, крыса фыркнула и сладко зевнула, намекая, что для ареста не нужен законный повод. Достаточно желания арестовать. И вообще, сколько можно торчать на солнцепёке, пора ехать дальше! Но Диего накрыл крысу ладонью и окликнул всадников, стараясь придать своему голосу приветливое удивление:

— Доброго дня, сеньоры! Доброго дня, дон Рамирес! Странно видеть Вас со столь необычным сопровождением!

— Ох, дон Диего, много странного увидите Вы в Лос-Анхелесе, — покачал головой изборождённый морщинами старик, чьё лицо помимо его воли исказила гримаса боли. — С тех пор, как умер старый комендант, закон покинул наши земли...

— Молчать! — рявкнул ехавший рядом со стариком солдат и угрожающе прорычал Диего. — С арестованным запрещено разговаривать!

— Арестованным? — удивлённо округлил глаза Диего, словно до этого не замечал связанных рук старика. — Помилуй бог, но в чём Вы обвиняете дона Рамиреса?

— В государственной измене, — рявкнул солдат и шлёпнул ладонью по боку коня, на котором сидел старик. — Шевелись!

Всадники один за другим скрылись в воротах крепости, подняв на дороге густое облако пыли.

— В государственной измене, — прошептал Диего, — да быть такого не может! Старик Рамирес истово предан короне и народу.

Бернардо кивнул, не поднимая взгляда от зажатых в руке поводьев.

— Ладно, поехали, — Диего откинулся на спинку сиденья. — Дома разберёмся, что к чему.

Крыса, которую де Ла Вега по-прежнему накрывал ладонью, отчаянно завозилась и гневно запищала, требуя, чтобы ей вернули свободу.

— Прости, малышка, — Диего криво улыбнулся, незряче глядя на крыску, — сама понимаешь, не до тебя было.

А вот этого говорить точно не стоило. И так-то пребывающая в паршивом состоянии духа крыса окончательно взбеленилась и, что-то яростно пища и даже шипя, прыгнула в клетку звучно хлопнув дверцей. Крыска думала, что её немедленно начнут утешать и успокаивать, но Диего каяться и посыпать себе голову пеплом не собирался. Ему сейчас было совсем не до крысиных причуд.

Диего

Возвращаясь домой из Испании я думал, что меня ждёт привычная сонная тишина родного городка. Жалобы на нового коменданта я всерьёз не воспринимал, на власть всегда жалуются, это традиция такая. Прошлого коменданта тоже обвиняли в том, что он суров и излишне въедлив, а как ворчали на отца, пока он был губернатором Лос-Анхелеса! Наблюдения за солдатами в порту поколебали мою веру в то, что всё не так уж плохо. При покойном коменданте солдат редко можно было увидеть вне стен крепости, делами таможни руководила светская власть во главе с губернатором. Сейчас же солдаты вели себя

как захватчики на совсем недавно покорённой территории: задирали мужчин, обменивались сальными репликами в присутствии женщин, а иногда не ограничивались и словами, пуская в ход кулаки. Комендант своих солдат не останавливал, хотя прекрасно видел, как они себя ведут. Сначала я решил, что капитану Гонсалесу просто безразлично, как себя держат солдаты, но после беседы с ним понял, что всё это не результат небрежности и попустительства, а тонкий расчёт. Капитан сознательно запугивал жителей Лос-Анхелеса, подминая власть под себя. Дон Рамирес, видимо, попытался протестовать, вот его и арестовали.

При воспоминании о старом соседе меня накрыла волна дикого первобытного гнева. Я резко втянул воздух через плотно стиснутые зубы, пытаюсь совладать с собой. Сидящая у меня на коленях крыска тревожно пискнула и приподнялась на задние лапки, заглядывая мне в лицо.

— Не переживай, малышка, — я погладил шелковистую шёрстку, даже улыбку попытался изобразить, — всё хорошо.

Крыса выразительно фыркнула и, проворно вскарабкавшись мне на плечо, защекотала усами ухо. Видимо, я совсем мрачный сижу, раз крыса меня успокаивать стала. А выдавать своих чувств нельзя, я же праздный щёголь, для которого нет большей печали, чем вышедший из моды камзол. Я глубоко вздохнул, прикрыл глаза, мысленно набрасывая лассо на вышедшие из-под контроля чувства.

— Не волнуйся, малышка, — я легонько похлопал крыску по тёплой спинке, — я в порядке.

Крыса недоверчиво покосилась на меня круглыми чёрными глазками. Вот ведь упрямое создание! Да ни одна благовоспитанная сеньорита не станет спорить с мужчиной, даже если точно знает, что он её обманывает.

Бернардо повернулся ко мне, выразительно кивая в сторону появившейся справа знакомой до последнего камня гасиенды. Дом, милый дом, как же я рад снова тебя видеть!

— Да, Бернардо, — мой голос дрогнул от едва сдерживаемых чувств, по лицу растеклась счастливая широкая улыбка, — мы приехали.

Крыска тревожно пискнула и сама юркнула в клетку, даже дверцу за собой прикрыла. Не бойся, малышка, какие бы тучи ни сгустились над Лос-Анхелесом, в нашем доме тебя никто не обидит.

Стоило только нашему экипажу подъехать к гасиенде, как ворота стремительно распахнулись, и на дорогу высыпала шумная, пёстрая, галдящая толпа слуг.

— Сеньор Диего приехал! — завопили слуги, бросаясь вперёд и обступая экипаж. — Сеньор Диего приехал! С возвращением, сеньор Диего! Ваша комната готова, сеньор Диего!

По обычно невозмутимому лицу Бернардо скользнула улыбка, я тоже не скрывал своей радости.

— Мери, как ты похорошела, — я подмигнул зардевшейся от моих слов стройной красавице, которую помнил нескладной тощей девчушкой с двумя вечно лохматыми косичками. — Бернардо будет непросто завоевать твоё сердце.

— Нет, сеньор, — робко возразила девушка, бросая на моего друга огненные взоры из-под длинных пушистых ресниц, — Бернардо не придётся завоёвывать моё сердце, оно и так принадлежит ему.

— Сеньор Диего, — затеребил меня за рукав пухлощёкий Рэмми, — а я научился плевать сквозь зубы, смотрите!

Мальчуган сделал глубокий вдох, но тут ему на плечо легла мягкая ладонь нашей поварахи, а по большому счёту и домоправительницы, Розамунды:

— Рэмми, напомни-ка, кого я на кухне оставила за жарким присматривать?

— Так ведь сеньор Диего приехал, — обиженно протянул мальчуган.

— И что? — уткнула пухлые руки в бока повараха. — В честь этого счастливого события мы оставим его и дона Алехандро голодными? Смотри, паршивец, если жаркое подгорит, я тебя сама зажарю!

Рэмми печально поплёлся в дом, но я придержал его за плечо и заговорщически шепнул:

— Вечером покажешь, как далеко ты научился плевать.

— Далек! Очень далек! Даже дальше Тоби, — закричал мальчуган и быстрее стрелы бросился в дом, чуть не сбив с ног моего отца, который как раз выходил на крыльцо.

Отец... Я внимательно смотрел на отца, перед которым, словно волны перед пророком Моисеем, расступались слуги. Как же сильно он поседел, голова совсем белой стала! И на лбу новые морщины появились... Но держится прямо, и тёмные глаза блестят по-прежнему, а в их глубине прячутся знакомые огоньки, которые могут сверкнуть смешинками или превратиться в грозное пламя, способное испепелить на месте любого.

— Диего, — отец положил мне руки на плечи, окинул горделиво-любящим взглядом с головы до ног, — как ты вырос. Я отправлял в Испанию юношу, а вернулся молодой и полный сил мужчина!

Я смущённо кашлянул, вспомнив, в каких переделках набирался порой сил и мужества.

— Идём в дом, — отец хлопнул меня по плечу, — Розамунда нам не простит, если еда успеет остыть прежде, чем мы сядем за стол.

— Как приятно, что ничего не изменилось, и Розамунда по-прежнему правит в нашем доме, — мысленно напомнив себе, что нужно придерживаться образа щёголя даже дома, заметил я.

В глазах отца мелькнула горькая усмешка, кончик седой бороды дрогнул, как бывало всегда, когда он пытался совладать с эмоциями.

— Идём, сынок. У нас будет время поговорить о переменах... и тех, кто их вызвал.

За столом беседа текла мирно и неспешно. Я рассказывал об Испании, передавал приветы и поклоны от многочисленных родственников и друзей, вскользь упомянул, что сеньорита Дульчия вышла-таки замуж за дона Хорхе, а сеньор Эстабан признал Мигеля своим сыном. Ещё бы он этого не сделал, Мигель точная его копия!

Слушая меня, отец улыбался, что-то уточнял, благосклонно кивал или, наоборот, хмурился, но я чувствовал, что его мысли витают далеко от Испании и всего, что я говорю. Несколько раз я готов был прямо спросить у отца, что его тревожит, но каждый раз останавливался, вспоминая, что не стоит демонстрировать излишнюю наблюдательность. Легкомысленным щёголям она не свойственна. Мадонна, как же тяжело притворяться перед отцом! Но иначе никак, по крайней мере, первое время, пока комендант не перестанет ко мне присматриваться. А он присматривается, в этом я даже не сомневаюсь. Новый человек всегда вызывает повышенное внимание к себе.

Только когда подали кофе, и мы с отцом перешли в кабинет, уставленный потемневшей от времени массивной мебелью, отец медленно стал рассказывать об изменениях, произошедших в Лос-Анхелесе после появления в городе капитана Гонсалеса. Во-первых, практически сразу повысили налоги. Комендант объяснил это нуждами короны, но отец, да

и я сам, даже на миг не усомнился в том, что корона получает в лучшем случае половину собранных денег, а остальные оседают в карманах коменданта и его приспешников. Вторых, те, кто не в состоянии платить налоги, подвергаются арестам, а то и публичным наказаниям плетью на городской площади! У несчастных конфискуют всё их имущество, а если, с точки зрения коменданта, это не покрывает долгов, то бедолаг отправляют на рудник, который с момента основания нашего города называли не иначе, как Рудник Смерти. И самое мерзкое, что комендант, похоже, полностью контролирует все дороги из города, ни один гонец, отправленный с сообщением о творимом в Лос-Анхелесе произволе, так и не вернулся назад.

— Мы не можем больше молча терпеть! — отец вопросительно посмотрел на меня, в его тёмных глазах пылал мрачный огонь.

Прости, отец, но мне придётся тебя разочаровать.

Я задумчиво погладил корпус висящей на стене гитары:

— Гитару нельзя держать на свету, от этого она портится.

— Я говорю тебе о творящихся в городе беззакониях, а тебя больше занимает какая-то гитара?! — загремел отец, с силой ударяя кулаком по столу.

— Отец, — я прижал руки к груди, старательно отводя взгляд, — разумеется, ты прав. Мы должны немедленно написать в Испанию!

— Написать? — усмехнулся отец, откидываясь на спинку кресла. — Наш сосед, дон Рамирес, пытался написать. И что? Он арестован и обвинён в государственной измене. Нет, сынок, время бумаг закончилось, пришёл час решительных действий!

Полностью согласен, но говорить об этом я не стану. Как ты правильно заметил, отец, пришёл час решительных действий.

— Отец, — я всплеснул руками, изображая страх напололам со смущением (не переиграть бы, отец очень чувствителен к обману), — ты говоришь страшные вещи!

— Я говорю правду, — отец устало опустил руки, его плечи поникли. — И я не понимаю, как ты, мой сын, можешь быть таким... нерешительным.

Всё просто, отец, я всего лишь отвлекаю от себя внимание коменданта. Как говорится, если не можешь быть львом, стань лисою.

— Ладно, Диего, — отец тяжело поднялся из кресла, хлопнул меня по плечу, — отдыхай. Путь был долгим, ты, наверное, устал.

Ад и адово пламя! Я смотрел вслед уходящему отцу и кусал губы, изо всех сил сдерживая желание броситься к нему и сказать... А что сказать? И, главное, зачем? Слова мне точно не помогут. Пришёл черёд решительных действий.

Каталина

А-а-а-а!!! Бунтовщики! Смутьяны! Мятежники! Гады гадские! Сами в петлю голову пихают, а обо мне даже не думают! А как всё хорошо начиналось: нас высыпала встречать огромная толпа слуг, причём нам действительно были рады, моё крысиное чутьё не обманешь. Я, дура наивная, расслабилась, думала, буду сейчас в роскоши купаться. Ага, сейчас! Этот благообразный старичелло, папаша красавчика Диего оказался самым настоящим бунтовщиком и мятежником. Главное, сам же рассказывал, что с недовольными комендант делает, и тут же призывает сына, родного сына, к бунту! Он нормальный вообще? Или с возрастом в мозгах что-то перегорает и разжижается, делая стариков совершенно невменяемыми? Взять хоть этого старичелло или ту бабку полоумную, которая меня сюда

запишала. Да чёрт с ними, с этими ходячими мумиями, мне-то сейчас что делать?

Я отчаянно запишала, привлекая к себе внимание погружённого в раздумья (ох, как мне эти думы не нравятся!) Диего. Эй, красавчик, много знания, много скорби, хорошо думать, мозги слипнутся, обрати на меня внимание! Ага, с тем же успехом я могла Бернардо звать. Или к стене обращаться.

Диего, ау! Твоя малышка сейчас сгинет от голода и жажды!!!

Ноль внимания, фунт презрения. Я заскрежетала зубами. Ладно, красавчик, ты сам напросился. Задвижка на клетке была простой, но отодвинуть её крысиной лапкой оказалось не так-то просто. Я пыхтела, сопела, кряхтела, а проклятый засов даже не дёрнулся ни разу! Ну же, давай, ещё чуть-чуть! Есть! Я победно пискнула и, изрядно уставшая и вспотевшая, вывалилась из клетки. Диего на меня по-прежнему внимания не обращал, Бернардо вообще спиной стоял, разбирая дорожный сундук Диего. Хм, ничего такой сундучок, в нём запросто пару трупов спрятать можно. А ещё говорят, что мужчины путешествуют налегке!

Я протёрла мордочку лапками и подбежала к Диего. Сейчас я тебя, красавчик, быстро в чувства приведу. Мужчины вообще не в состоянии долго думать, а в обществе сексуальной девушки не способны думать в принципе. Сейчас я, конечно, не в самой лучшей форме, но сексуальность — это же не только смазливая мордашка и точёная фигурка. Это обаяние, жесты и мимика, запах... Да много всего! Я поставила лапки на ногу Диего и пискнула, в очередной раз пытаюсь привлечь к себе внимание. Меня опять проигнорировали, а вот сама я не заметить исходящий от Диего аромат не смогла. Ум-м, как же восхитительно красавчик пахнет! К аромату сильного, уверенного в себе и своих силах мужчины примешивалась острая нотка сдерживаемого гнева, солоноватый аромат печали и прохлада стальной решимости. Побрейте меня налысо и назовите ёжиком, этот симпатяга уже всё для себя решил! Эй, красавчик, опомнись! Не смей, слышишь меня, не смей делать глупостей! Или хотя бы сначала расколдуй меня, а потом рискуй собой, сколько душе угодно!

— Бернардо, — Диего легко смахнул меня в сторону и встал, как я ни пыталась его удержать, — эту рубашку не убирай. И плащ тоже.

Чёрт! Чёрт-чёрт-чёрт!!! Я не сдержала горестного писка при виде чёрной шёлковой рубашки и такого же непроницаемого чёрного плаща, вынутых индейцем из сундука. Так, без паники, мне нужно срочно придумать, как остановить этого ненормального. Может, хе-хе, внести свои оригинальные дополнения в костюмчик героя?

То ли меня выдал блеск глаз, то ли кто-то в дополнение к смазливой физиономии обладал зачатками телепатии или просто не в меру умным оказался, но меня подхватили на руки, поднесли к лицу и прошептали прямо в ушко:

— А ты бы стала терпеть такой произвол военных?

Я?! Терпеть?! Пупсик, ты меня с матерью Терезой не перепутал случаем? Да попробовал бы хоть один козёл говорить со мной таким тоном, как с тобой губернатор, быстро бы зубы в платочек собрал!

— Вот и я не хочу, — Диего вздохнул, жёстко усмехнулся. — Только выступать открыто против коменданта пока рано, горожане боятся военных. Надо сначала ослабить их власть, пошатнуть авторитет, выставить дураками, а вот тогда-то и можно будет сражаться с открытым забралом.

Диего, ты первый в моей жизни красавчик, наделённый не только смазливой рожой и великолепным телом, но ещё и мозгами. Обычно человеку даётся или красота, или ум. А мужикам вообще ничего не даётся кроме грубой силы.

— Я стану Зорро. Лисицей, уводящей солдат по ложному следу. А пока они гоняются за мной... — по губам Диего скользнула озорная мальчишеская улыбка.

О, кажется, мальчик уверен в том, что кроме его самого и его древнего папеньки есть ещё готовые не просто возмущаться по углам беззаконием коменданта, но и противостоять ему. Увы, кажется, я слишком переоценила ум красавчика. Я же говорила, человеку даётся или ум, или красота.

— Не сопи, у нас всё получится, — Диего шутливо потянул меня за хвост.

Я вздрогнула и засопела ещё громче, даже не пытаюсь скрыть собственного скепсиса.

— А завтра поедем к падре Антонио, он обязательно подскажет, как тебя расколдовать. Падре Антонио очень мудрый, он самый уважаемый человек в нашем городе, а может быть, даже во всей Калифорнии, — Диего подул мне в мордочку и негромко рассмеялся, когда я сморщила нос и звонко чихнула.

Хм, новость о мудром человеке, способном меня расколдовать, порадовала. Только как Диего назвал этого мудреца? Падре? Он что, священник? Так, а теперь включаем логику. Диего де Ла Вега испанец, значит, католик, соответственно и падре у нас священник католический. А что я, как любой среднестатистический человек, помню о католических священниках? Правильно, Инквизиция, несчастная, загубленная похотливым святошей, а точнее, собственной дуростью, Эсмеральда, обет безбрачия, нарушаемый чаще, чем все остальные обеты со времён сотворения мира, Крестовые походы, интриги, заговоры и золото тамплиеров. Кхм, что-то меня как-то совсем не тянет знакомиться с представителем церкви. Я и в своём-то времени к ним не тянулась. Только вот спрашивать меня, похоже, никто не собирается. Диего вообще не склонен что-либо с кем-либо обсуждать, как сказала бы моя давнишняя подружка Ленка, мужчина мечты. Только вот я о таком не мечтала! Или мечтала? Я отчаянно поскребла лапкой за ухом, но умные мысли категорически отказывались посещать мою голову. Ну и чёрт с ними, буду решать проблемы по мере их поступления. А самое главное для меня сейчас что? Правильно, вернуть себе человеческий облик. И что мне для этого нужно? Дон Диего де Ла Вега, точнее, его желание мне помочь, потому что если красавчик упрётся и откажется, я окажусь в безвыходном положении. Кроме Диего о том, что я человек, знает только Бернардо, а он всего-навсего слуга, что-то среднее между элементом мебели и домашним питомцем. И какой из всего этого вывод? Мне придётся быть милой и ласковой с Диего, по крайней мере до тех пор, пока он не расколдует меня. А уж потом... О, как только я опять стану человеком, я смогу поставить непокорного красавчика на колени! Я заставлю его пылать от страсти и желания, это проверенный и лучший способ подчинить себе любого мужчину. Эх, мне бы хоть на одну ноченьку чары снять, уж я бы тогда не оплошала!

— Судя по довольной мордашке, ты уже составила план действий, — чуть насмешливый голос Диего вернул меня с небес на землю. — Даже страшусь представить, что меня ждёт, когда ты станешь человеком!

О, поверь, пупсик, ничего особенно страшного тебя не ждёт. Я всего лишь напомню тебе, кто именно является в доме хозяином. Точнее, хозяйкой. Но выдавать свои планы красавчику Диего я не собиралась, а потому сладко улыбнулась, села столбиком, умильно сложив передние лапки на груди, и зашевелила носиком, намекая, что соловья баснями не кормят. Диего, как всегда, понял меня сразу.

— Проголодалась?

Я согласно кивнула и опять замерла, всем своим видом демонстрируя кротость и

послушание. Диего, стоит всё-таки признать его ум, на мою покладистость не купился, рассмеялся негромко, хорошо хоть без еды не оставил. Положил на блестящее, аж просвечивающее на свету блюдечко виноград, несколько микроскопичных бутербродов и ещё что-то тёмно-коричневое и скукоженное. Не поняла, это ещё что такое? Я опасливо принялась, но скукоженное упоительно пахло копчёным мясом.

— Это вяленое мясо, — в голосе Диего по-прежнему отчётливо слышалась улыбка, — попробуй, тебе понравится.

Я осторожно лизнула лежащий ближе всего ко мне кусочек. М-м-м, вкуснятина! Разум отдал бразды правления желудку, следующие несколько минут совершенно выпали из моей памяти. Я ела! Всё подряд, лапками хватая еду, пачкая мордочку и усы, причмокивая и даже попискивая от удовольствия. Мамочка, как же хорошо поесть! И почему я раньше не ценила наслаждения едой?

— Первый раз по-настоящему голодала? — понимающе усмехнулся Диего, а потом сказал нечто такое, отчего у меня надкушенная виноградинка из рук выпала, а в уши словно с размаху затычки забили. — Когда мне было десять, нас с Бернардо отправили на неделю в лес. Вдвоём. Мы должны были обрести свои тотемы, только после этого мы могли называться мужчинами.

Обалдеть! Десятилетних детей на неделю в лес сбагрить! У нас бы таким родителям уже давно срок припаяли за жестокое обращение, а тут ничего, даже пальцем строго не пригрозили.

— Знаешь, самым сложным было не тотемы обрести, а банально выжить, — Диего без всяких церемоний опустил прямо на пол, обхватил колени руками. — Я же до этого на всём готовом жил, отец меня баловал со страшной силой.

Ещё бы! Первенец, наследник, у мужчин это особый бзик, даже если наследовать кроме пары драных башмаков да десятка пустых бутылок и нечего. Ну, может, ещё несколько поколений полудохлых тараканов, обитающих в углу занюханной коммуналки.

— Я когда впервые до нормальной еды дорвался, тоже уплетал всё подряд, даже вкуса не чувствовал, — Диего усмехнулся, провёл рукой по волосам, — зато научился ценить простые вещи: крышу над головой, еду, тепло очага, хотя теперь и умею обходиться без этого. Мы часто не ценим того, что имеем. Просто потому, что оно есть, и нам кажется, что так будет всегда.

Я задумчиво смотрела на сидящего передо мной загорелого кареглазого красавца и впервые видела в нём не просто смазливую паренюшку, с которым было бы приятно покувыркаться в постели или посетить какой-нибудь приём, чтобы увидеть, как желтеют от зависти проклятые конкурентки, а сильного мужчину. Причём сильного, может быть, и не телом, вряд ли Диего способен свернуть трубочкой серебряную тарелку или сломать стальную вилку, сколько духом. Наверное, именно такие парни и прокладывали дорогу в богом и людьми занюханной глуши, возводили города, а при необходимости шли одни против полчищ врагов. Чёрт, что-то я начала рассуждать как Ленка, та часами могла говорить о скромном Герое с соседней улицы. Хотя лично я никаких героев на соседней, да и своей собственной улице не встречала, обычные алкаши и неудачники, ничего в жизни не добившиеся. Или я чего-то не понимала?

— Мыться будешь, малышка?

Диего явно не относился к людям, готовым часами предаваться мечтам или воспоминаниям. Посидел, поностальгировал, а потом словно хлопнул шкатулку с

воспоминаниями, вернувшись к энергичному ритму жизни. Уважаю, в моём мире на такое не многие способны.

Я доела виноградинку и только после этого, я же приличная девушка, а приличные девушки во время еды не разговаривают, кивнула.

— Сама справишься или помочь?

А ещё у Диего хорошая память и острый язык. Вот зараза, не упустил возможности поддеть меня моим первым купанием!

Я обиженно фыркнула и по привычке попыталась скрестить руки на груди, опять забыв, что в крысином облике это действие физиологически невозможно. Чёрт, да что же я такая забывчивая!

— Помощь понадобится, попросишь, — Диего поставил передо мной большую глиняную посуду, похожую на игрушечную ванночку для кукол. Не поняла, Диего играл в куклы?

— Это чаша для полоскания рук после еды, — пояснил Диего, заметив мой любопытный взгляд. — Старая, ей ещё при маме пользовались.

Так-с, делаем вывод, что матери у Диего нет давно. А отца кончина супруги не сломала, выглядит он довольно бодро и не спился, в отличие от моего папаши. Может, не так сильно и любил супругу? Я передёрнула плечиками и попыталась забраться в ванночку. Угу, с тем же успехом я могла бы без специального снаряжения штурмовать Эверест. Края чаши казались шероховатыми и низкими только на первый небрежный взгляд. Я банально не дотягивалась до бортика своей будущей купальни. Гр-р-р, мало того, что я в человеческом обличье ростом не вышла, так меня ещё и превратили в маленького зверька! Хотя, с другой стороны, вряд ли Диего смог бы проникнуться состраданием к огромной массивной зверюге, невесть как оказавшейся в его каюте. Крыса, конечно, тоже не самый привлекательный зверь, но менее опасна, чем одичавшая собака или огромный ягуар.

Я вздохнула, недовольно дёрнула хвостиком и ещё раз попыталась вскарабкаться на стенку этой проклятой чаши. У меня даже получилось уцепиться за её край, но слабые нетренированные пальчики не удержались, и я бесславно скатилась вниз.

— Помочь?

Голос Диего прозвучал так неожиданно, что я подпрыгнула, истошно пискнув.

— Прости, малышка, не хотел тебя пугать, — Диего успокаивающе погладил меня по спинке. — Тебе помочь или сама справишься?

Положа руку на сердце, которое, как считают все мои теперь уже бывшие коллеги, у меня напрочь отсутствует, я не люблю просить о помощи. И не потому, что вся из себя такая гордая, вовсе нет. Просто люди не умеют помогать бескорыстно. Один раз помогут, а потом всю жизнь попрекают тебя своим добрым делом. Проще стиснуть зубы и сделать всё самой. Да, получится медленнее и не так хорошо, зато ты никому и ничем не будешь обязан. Вот такая философия человека двадцать первого века.

Как оказалось, философия человека девятнадцатого века (или в каком там времени сеньор Диего обитать изволит?) существенно отличалась от моей. Не дождавшись ответа, Диего ловко подцепил меня ладонью и плюхнул в воду. От неожиданности я булькнула в ванну головой вниз и глотнула воды,пряно пахнувшей какими-то восточными благовониями. Причём действительно благо, а не просто вониями.

— Осторожнее, сеньорита, — Диего приподнял меня над водой, подождал, пока я закончу чихать и фыркать, после чего аккуратно погрузил в воду.

Я всем тельцем навалилась на стенку чаши, так что над водой только нос торчал, и блаженно запищала. Боже, я в раю. Или, по крайней мере, где-то очень близко.

— Позвольте? — Диего с лёгкой усмешкой смотрел на меня, одновременно закатывая рукава.

На ум мне почему-то пришла песнь о легендарном Стеньке Разине, та самая, в которой он княжну за борт кидает. А ещё вспомнились многочисленные детективы, в которых маньяк с садистской улыбкой топит жертву в ванне. Ой, чувствует моё сердце, пора мне заканчивать водные процедуры.

Однако сбежать я не успела, меня ловко перехватили и... нет, не притопили, а стали мыть, бережно разминая каждую мышцу. Сеньор Диего де Ла Вега, потомок древнего рода, богач и аристократ собственными благородными руками мыл крысу! Вы вообще эту картинку представляете? Я — нет, хоть и была той самой крысой, которую мыли.

— Вот и молодец, — приговаривал Диего, бережно массируя мне спинку, — вот и умница. Сейчас я девочку намою, она будет чистенькая и красивая.

Я откровенно балдела под этими сильными и при этом удивительно чуткими и нежными пальцами. Дома я регулярно посещала массажистку, пару раз мне даже эротический массаж делали, но движения профессионала были чего-то лишены, какой-то человечности, что ли. Чёткие, размеренные, уверенные прикосновения, словно тебя не человек массирует, а киборг какой-то. Диего не был профессиональным массажистом, зато под его пальцами я вспомнила, что я женщина. Молодая, привлекательная и, что было для меня даже ново, слабая. Я и слабая? Ха, да это как горячий снег или солнечная ночь, в принципе невозможно! Только вот в этой чаше, ставшей ванной, под чуткими пальцами сеньора Диего мне было глубоко наплевать на собственные принципы. Потом, всё потом, когда я стану человеком и вернусь назад, а пока пусть всё будет так, как есть. Лично меня всё устраивает, а если кого-то что-то не устраивает, то это не мои проблемы.

Я уже дремала, когда Диего достал меня из ванны, вытер мягким полотенцем с густым ворсом, а потом положил на чистую, хрустящую от крахмала наволочку и бережно накрыл платком, который при моих размерах вполне сошёл за покрывало. Я пошевелила усиками в знак благодарности, после чего провалилась в крепкий и здоровый сон.

Дон Алехандро в задумчивости ходил по кабинету, каждый раз спотыкаясь об одну и ту же ножку стоящего у камина кресла. В голове почтенного сеньора упорно билась лишь одна вечная как жизнь мысль: что делать? Сегодня вечером придут те, кто готов бросить вызов произволу коменданта, те, кому не безразлично происходящее в Лос-Анхелесе. И в глазах у каждого будет читаться вопрос: «Ну что Диего? Он согласен?», а именно на этот вопрос у дона Алехандро ответа не было. Не скажешь же, что Диего глубоко безразлично всё, что происходит в родном городе! Да и не был уверен убелённый сединами отец, что его решительный, отважный мальчуган за три года мог стать легкомысленным щёголем, не интересующимся ничем, кроме красоты собственного костюма и книг по средневековой архитектуре. Не верило отцовское сердце в такое преобразование сына, кричало, не хотело мириться, а разум желчно возражал, что всё именно так. Испания испортила многих, так почему Диего должен был устоять перед соблазном?

«Потому что он мой сын! — надрывалось сердце. — Мой и Марии!»

«И что? — возражал разум. — У дона Рамиреса тоже был чудесный сын, но где он? Почему не откликнулся на зов отца? Почему не приехал, чтобы спасти его? Почему допустил арест?»

«Потому что не смог!» — упрямо твердило сердце.

«Или не захотел, — желчно рассмеялся разум. — Комендант не последний человек в городе, с ним враждовать опасно».

Дон Алехандро схватил стоящий на столе бокал и что было сил запустил его в стену. Стекло с печальным звоном разлетелось в стороны, вино выплеснулось на стену, украсив её кроваво-красными потёками, словно брызгами крови.

— Даже если Диего не станет нам помогать, мы сами справимся, — прорычал дон Алехандро, стискивая пылающую голову ледяными от волнения пальцами. — Я справлюсь!

В дверь коротко, негромко стукнули, заставив дона Алехандро встрепенуться и поспешно опуститься за массивный рабочий стол, придвинуть к себе стопку бумаг и бронзовую чернильницу. Только взяв в руку перо, почтенный сеньор громко крикнул:

— Да-да, войдите!

Дверь осторожно приоткрылась, в кабинет просочился, не вошёл, не проскользнул, а именно просочился среднего роста нескладный мужчина, на покрытом рябинами лице которого отдельными клочками топорщилась серебристо-седая борода.

— Сеньор Алехандро, — мужчина так низко поклонился, что едва не коснулся пола лицом, — мой господин, дон Михаэль желает Вам доброго дня и крепкого здоровья и интересуется, приехал ли Ваш сын, дон Диего?

«Вот оно, началось», — мелькнуло в голове дона Алехандро.

Почтенный сеньор медленно поднялся из-за стола, подошёл к слуге и, пристально глядя ему в глаза, произнёс:

— Передай дону Михаэлю, что я шлю ему свои самые наилучшие пожелания и приглашаю вечером в гости отведать прекрасного вина из наших фамильных погребов.

Слуга опять низко поклонился и так бесшумно покинул кабинет, словно был призраком и обладал даром ходить сквозь стены. А впрочем, ведь не даром в своей прошлой жизни, в которой было и индейское племя, и участие в лихих операциях банды хромого Мигеля, и

рудник, и грудная болезнь, и побег, этого незаметного бесшумного мужчину звали Вечерний Туман! Дон Михаэль подобрал умирающего от ран и голода беглого каторжника, выходил его и укрыл от солдат, чем и приобрёл безграничную преданность бывшего Вечернего Тумана, ставшего в своей новой жизни пастухом Хуаном.

Дон Алехандро вздохнул, покачал седой головой и вернулся за стол. Какие бы тучи ни сгустились над Лос-Анхелесом, делами гасиенды пренебрегать не стоило.

До самого вечера почтенный сеньор подписывал документы, беседовал с арендаторами и пастухами, слушал отчёты управляющего и других доверенных лиц. Дел было много, хорошо хоть Диего сказал, что к падре Антонио сам съездит! Дон Алехандро вздохнул, потёр уставшие глаза и с наслаждением потянулся. За работой время промелькнуло незаметно, за окном сгустились сумерки, а значит, пришла пора готовиться к визиту гостей. Официально это будет простая встреча почтенных сеньоров, за бокалом отличного вина беседующих о старых добрых временах, соглядатаи коменданта, которые кишмя кишат по всему Лос-Анхелесу, не смогут ни к чему придраться.

Дон Алехандро не смог сдержать озорной мальчишеской усмешки, сверкнувшей в глазах и промелькнувшей по губам. Рано, ох, рано сеньор комендант записал его и других почтенных сеньоров города в безобидные старики, годные лишь на то, чтобы греть свои старые кости на жарком солнышке да вспоминать давно прошедшие времена! Ну да ладно, пусть капитан Гонсалес думает, что хочет, время всё расставит по своим местам. Продолжая чуть заметно улыбаться в широкую короткую бороду, дон Алехандро поспешил навстречу своим гостям.

— Дон Алехандро! — восторженно прогудел дон Михаэль, с таким пылом пожимая руку своему другу, словно не виделся с ним уже несколько лет. — Как я рад Вас видеть! Я слышал, Ваш сын вернулся из Испании?

— Да, Диего приехал домой, — дон Алехандро мягко похлопал друга по руке, — идёмте в гостиную, друг мой, я приказал принести вина, а Розамунда испекла чудесные пирожные!

Дон Михаэль нахмурился, ему не понравилось, как Алехандро сменил тему. Что произошло? Алехандро всегда с гордостью вспоминал о своём сыне, а сейчас словно стыдится его...

— Алехандро, что случилось? — прогудел дон Михаэль, с тревогой глядя на друга.

Тот только рукой махнул:

— Потом, всё потом.

Когда гости, а их было шесть человек, все представители самых знатных и богатых фамилий, цвет города, собрались в гостиной, дон Алехандро распорядился подать вина, после чего плотно закрыл дверь кабинета. Незаметный и незаменимый Хуан расположился за дверью, зорко следя за тем, чтобы никто не помешал беседе знатных господ и, самое главное, не смог её подслушать.

— Так что случилось, Алехандро? — дон Михаэль никогда не любил ждать, как говорили записные острословы, он и родился раньше срока. — Что Диего?

Алехандро тяжело вздохнул, на миг опустил седую голову:

— Его с нами не будет.

— Почему?! — ахнули почтенные сеньоры, а самый старший, дон Эстебан, крикнул, провёл ссохшейся рукой по длинной белой бороде и неодобрительно проскрипел:

— Мельчает молодёжь. Даже самые смелые из них уже не способны на настоящие мужские поступки. А вот в наше время...

— Дон Эстебан, да кому интересно, что было во времена незабвенной королевы Изабеллы, — отмахнулся дон Михаэль. — Что будем делать, сеньоры?!

— А что делать, — пожал плечами дон Фердинандо, сохранивший резвость движений и яркую рыжину шевелюры, — за всех не скажу, но лично я, почтенные сеньоры, больше терпеть не намерен.

— Мы тоже не намерены, — дон Алехандро гордо вскинул голову. — Коменданту давно пора показать, что в Лос-Анхелесе ещё остались люди, для которых честь не пустой звук!

— Славно сказано, — прозвучал из тёмного угла кабинета молодой насмешливый голос, — жаль только, что эти слова можно трактовать как измену.

Собравшие в гостиной почтенные сеньоры вскочили на ноги так резво, словно были пятнадцатилетними юнцами, застигнутыми строгим родителем за чем-то предосудительным.

— Кто Вы, сеньор? — воскликнул дон Михаэль, хватаясь за стоящий рядом с ним бронзовый подсвечник. — Как посмели Вы явиться в этот дом без приглашения?!

— Прошу прощения, сеньоры, — рассмеялся незнакомец, выходя из тёмного угла на свет, — я забыл представиться. Сеньор Зорро к Вашим услугам.

Мужчина, чьё лицо было закрыто чёрной маской, а на плечи наброшен широкий чёрный плащ, снял с головы шляпу и насмешливо поклонился. Под тонкой ниткой чёрных усов на миг сверкнула улыбка.

— Зорро? — удивлённо проскрипел дон Эстебан, устало опускаясь в мягкое кресло.

— Зорро? — нахмурился дон Михаэль, не спеша выпускать из рук подсвечник. — Никогда о Вас не слышал.

Зорро равнодушно пожал плечами.

— Зорро, — дон Алехандро внимательно смотрел на незнакомца, словно вместе с темнотой просочившегося в комнату. — Зорро значит лиса...

— Совершенно верно, сеньор, — Зорро коротко кивнул дону Алехандро и, словно невзначай, повернулся спиной к почтенному хозяину дома.

— Во времена моей юности, — проскрипел дон Эстебан, — ходили легенды о всаднике в чёрном, неуловимом и беспощадном. Он боролся со злом... Нет, наверное, просто разбойничал, ведь я очень хорошо помню, как его потом повесили.

— Надеюсь, до этого не дойдёт, — озорно улыбнулся Зорро, сверкнув белозубой улыбкой. — Сеньоры, я слышал, Вам нужна помощь.

— Хотите проводить нас до эшафота? — мрачно прогудел дон Михаэль.

— Я готов помочь Вам бороться с комендантом.

Собравшиеся в гостиной сеньоры замолчали, внимательно глядя на Зорро.

— То, что Вы предлагаете, — протянул дон Алехандро, пытливо глядя на Зорро, — называется государственной изменой.

— То, что Вы здесь обсуждали, тоже.

— Сеньоры, — дон Михаэль хлопнул ладонью по колену, — я не мастак в словесных распрях, терпеть не могу все эти расшаркивания и витиеватости, а потому скажу так: если этот Зорро готов нам помочь, то пусть освободит дона Рамиреса. Мадонна свидетель, этому почтенному сеньору совсем не место в тюрьме!

— А если это ловушка? — проскрипел дон Эстебан. — Что если это происки коменданта?

— Не думаю, — дон Алехандро покачал головой. — Сеньоры, мне кажется, дон

Михаэль прав. Сеньор Зорро, Вы сможете освободить дона Рамиреса из тюрьмы?

Зорро помолчал, чуть склонив голову к плечу, после чего согласно кивнул:

— Полагаю, да. Солдаты привыкли к безнаказанности и не ждут отпора.

— Чем мы можем Вам помочь?

— Вам нужно будет найти такое убежище для дона Рамиреса, чтобы комендант не смог его обнаружить.

Теперь замолчал дон Алехандро, задумчиво глядя на мерцающий огонёк свечей.

— Есть такое место, — продребезжал дон Эстебан, потирая руки. — Я сам отвезу туда дона Рамиреса.

— Стоит ли Вам так рисковать, дон... — начал дон Михаэль, но старик властным взмахом руки заставил его замолчать.

— Я буду ждать Вас с доном Рамиресом на развилке, там, где кривое дерево, разбитое молнией. Знаете, где это, сеньор Зорро?

— Я родился в этих местах, — коротко ответил Зорро и ещё раз поклонился. — Прошу меня простить, почтенные сеньоры, мне пора ехать. До встречи на развилке, сеньор!

Взмахнув плащом, Зорро скрылся в тёмном углу гостиной. Стоящий неподалёку дон Алехандро успел заметить, как часть стены, скрывающая потайной ход, бесшумно отодвинулась, а потом закрылась.

«Шустрый малый, — усмехнулся дон Алехандро и устало покачал головой, — не случилось бы с ним беды».

— Кто-нибудь может мне объяснить, что это было? — подал голос дон Михаэль, свирепо глядя на всех присутствующих.

Почтенные сеньоры разводили руками, удивлённо глядя друг на друга.

— Хотите сказать, не поторопились ли мы довериться этому незнакомцу в маске? — усмехнулся дон Алехандро.

— Вот именно! — дон Михаэль сердито отодвинул бокал, несколько капель вина пролилось на стол, словно брызги крови.

— А мы ему и не доверялись, — продребезжал дон Эстебан. — Всем известно, что я страдаю бессонницей, врачи прописали мне прогулки на свежем воздухе. А та развилка как раз ведёт от моего дома к дому моей дочери.

— А мы понаблюдаем, чтобы Вашей прогулке никто не помешал, — усмехнулся дон Михаэль.

— Благодарю Вас, сеньоры, — дон Эстебан поклонился. — Сеньор Алехандро, признаюсь, я бы не отказался от чашечки крепкого душистого кофе.

Диего

Весь день я был словно натянутая струна. Мысль о том, что я не оправдал ожиданий отца, жгла меня, словно позорное клеймо каторжника. Я старался держаться в соответствии с образом беспечного бездельника: негромко напевал себе под нос, листал книги, ворошил старые нотные тетради, шутил с хорошенькими горничными и при этом старательно избегал встреч с отцом. Ни к чему нам лишний раз пересекаться, это ещё больше огорчит его и взвинтит меня, а для того, что я задумал, мне нужна ясная голова. Только в своей комнате, в компании верного Бернардо и крыски я мог позволить себе стать самим собой. Да и то лишь отчасти, я точно знал, что крыса против того, чтобы я становился Зорро. И дело не в том, что она переживает за меня, вовсе нет, сеньорита бархатная шубка больше всего боится, что если

со мной что-то случится, она не сможет стать человеком! Ох уж эти женщины, они никогда не способны думать широко и по-государственному! Все их интересы начинаются ими самими и заканчиваются их близким окружением. Одно слово, женщины!

Чтобы хоть чем-то занять себя, накормил и выкупал крыску. Разумеется, хвостатая сеньорита и в этот раз не просила о помощи, но хотя бы вредничала меньше. А во время купания и вовсе разомлела, такая нежная стала, ласковая... А как сладко заснула потом! Мадонна, какая же она всё-таки миленькая... когда сладко спит. А вообще характер у крыски боевой, моим знакомым сеньоритам до неё далеко. Я ещё немного полюбовался на хвостатое чудо, а потом решительно шагнул к шкафу, в который убрал костюм Зорро. Оставляя одежду на виду и в свободном доступе для острых зубов вредной малышки я больше не собирался. Одного раза более чем достаточно!

Я усмехнулся, а потом решительно выбросил из головы всё, что не относилось к сегодняшнему вечеру. Итак, чего я хочу? Вытащить дону Рамиреса из тюрьмы, щёлкнуть по носу коменданта и растревожить свитое им в Лос-Анхелесе осиное гнездо. Как этого достичь? В крепости я бывал неоднократно, покойный комендант, мир его праху, был близким другом нашей семьи. Загон под жалким навесом, с трёх сторон огороженный глиняными стенами, а с четвёртой ржавой, но всё ещё крепкой решёткой, носящей гордое название тюрьма, найду без труда. Открыть засов и замок тоже труда не составит, на это уйдёт пара минут от силы. Ладно, будем надеяться на лучшее, а готовиться к худшему, замок могли и поменять. Да и тюрьму перенести... Хотя нет, это невозможно. За стены крепости её вынести не могли, а в крепости для тюрьмы другого места нет. Значит, на замок мне нужно выделить максимум пять минут. Справлюсь я за это время? Я положил в карман связку железных отмычек, подаренных мне перед отъездом неким сеньором Ганго, которого я спас от ножа наёмного убийцы. Мда, не знает отец, какими знакомствами я обзавёлся в Испании. Да и слава богу, что не знает!

Так, теперь солдаты. При прежнем коменданте гарнизон был небольшим. Новый комендант в Лос-Анхелесе всего год, Педро Гарсия не говорил, что гарнизон увеличили. Забыл, не сказал или гарнизон остался прежним? Распорядок в гарнизоне, скорее всего, сохранился прежний, слишком мало времени новый комендант у власти, чтобы успеть внести кардинальные изменения. Да и причин для серьёзных перемен нет, городок у нас спокойный... был до сегодняшнего вечера. Значит, часов в девять вечера трубач играет сигнал «отбой», после которого всем солдатам, за исключением двух часовых, полагается быть в казарме и не высовываться из неё до команды «подъём» в шесть утра или сигнала тревоги. Дверь в казарму нужно будет попытаться закрыть, это даст нам с сеньором Рамиресом несколько минут форы.

Мог ли новый комендант увеличить количество часовых? Мог, но зачем ему это? Те солдаты, что я видел, не похожи на людей, ожидающих нападения, уж больно дерзко себя ведут. Ладно, в самом худшем случае, в крепости будет не два часовых, а четыре, больше там быть не может, часовые сами себе мешать начнут. Как их обезвредить? От двух часовых легко ускользнуть, ночь обещает быть тёмной, она и укроет. А если часовых будет четверо? Тогда есть риск, что меня заметят. Значит, сначала проведу небольшую разведку, постараюсь обезвредить хотя бы одного часового, а потом освобожу дону Рамиреса.

Ещё было бы просто чудесно заручиться поддержкой надёжных людей, но... Я вздохнул. Да, верные люди мне бы совсем не помешали, но доверие должно быть взаимным, а я даже перед отцом не готов пока раскрыться. Может быть, со временем, а пока никто не должен

связать светского щёголя дона Диего с Зорро, это слишком опасно. И так, скорее всего, комендант завтра нагрянет в наш дом с негласной проверкой, на круглого идиота, не способного сложить два и два, он не похож.

Я так увлёкся составлением плана действий, что не сразу почувствовал, как Бернардо тянет меня за рукав. Другу пришлось даже пару раз весьма чувствительно хлопнуть меня по плечу, чтобы обратить на себя внимание. Мадонна, что ещё могло произойти?!

— Чего тебе? — прошипел я не очень любезно и виновато добавил. — Прости, но мне нужно как следует подготовиться.

Бернардо согласно кивнул, а потом принялся так яростно жестикулировать, что я невольно отшатнулся. Если я правильно понял то, что пытался передать мне Бернардо, в дом к отцу съезжаются гости. На первый взгляд в этом нет ничего необычного, но, во-первых, время уже позднее, во-вторых, собираются исключительно мужчины, а, в-третьих, вместе с доном Михаэлем прибыл и его слуга, тот самый, которого мама звала Вечерний Туман! А этот сеньор просто так нигде не появляется.

— Что задумал отец? — я, не скрывая тревоги, посмотрел на Бернардо. Отец слишком отважен и горяч, он всегда идёт напрямик, это его сила, но это же и его слабость! Если комендант заподозрит отца...

Я поспешно натянул маску, негромко ругнулся сквозь зубы и поправил маску так, чтобы не мешала смотреть. Быстрее, нельзя терять ни минуты! Бернардо уже протягивал мне плащ. Я коротко кивнул и, нажав на камине два лепестка причудливого лепного украшения (отец утверждал, что это листья, мама называла их цветами, а лично мне они всегда казались непонятными завитушками), скользнул в открывшийся потайной ход. Перед тем, как тайник закрылся, Бернардо успел сунуть мне в руку подсвечник, стоявший на ночном столике. Огоньку свечи я искренне обрадовался, тьма вокруг меня царила непроглядная и жутко пыльная. Стараясь не только передвигаться, но даже дышать как можно тише, я скользил вниз по выщербленным от времени ступеням и чутко прислушивался. Если я правильно помню, то этот тайный ход опоясывает весь дом, а значит, через него я смогу попасть в кабинет отца. Я нахмурился и остановился на месте, поглаживая пальцами подсвечник. А зачем мне в кабинет отца? Для того, чтобы встреча почтенных сеньоров не вызывала подозрений, её нужно проводить не в кабинете, а в гостиной! И если я правильно помню... Я вытянул руку и осторожно скользнул вправо. Моя рука, затянута в тонкую чёрную перчатку (на левой руке у меня с детства довольно приметный шрам, да и оружие в перчатке не скользит), нашарила на стене небольшой рычаг, а рядом с ним умело замаскированную дверь. Ву а ля, как говорят французы, вот и гостиная! Я прижался ухом к двери, решительно наплевав на то, что подслушивать неприлично. Законы тоже нарушать неприлично, а кого это хоть раз останавливало? И вообще, как говорила моя мама, в любви и на войне все средства хороши, а уж она знала толк в этих вещах!

Из-за двери доносилось только невнятное бормотание, заставившее меня тихим словом помянуть того, кто сделала такие прочные стены в доме. Не слышно же ничего! И что делать? Пытаться подслушивать дальше или рискнуть и зайти в гости без приглашения? Тем более что мне, как хозяину, приглашения и не надо. Я озорно улыбнулся и плавно нажал на рычаг. Часть стены бесшумно отъехала в сторону, открыв гостиную. Почтенные сеньоры, собравшиеся в ней, были так увлечены разговором, что даже не заметили моего появления. Чудно, у меня появился прекрасный шанс узнать больше об этом неожиданном собрании, на которое меня отец даже не пригласил. Интересно, почему?

Уже после первых услышанных мною слов я понял, почему отец не сказал мне о вечерней встрече. Это была не просто встреча почтенных сеньоров за бокалом вина и партией в шахматы, это было собрание заговорщиков! Одна фраза дона Фердинандо, что он не намерен больше терпеть, чего стоила! А отец-то каков, вместо того, чтобы успокоить разбушевавшегося гостя, поддержал его! Выходит, не я один в нашей семье занимаюсь лицедейством?

— Коменданту давно пора показать, что в Лос-Анхелесе ещё остались люди, для которых честь не пустой звук!

Отец произнёс эту фразу с таким пылом, что я не смог больше оставаться незримым наблюдателем.

— Славно сказано, — я чуть заметно улыбнулся, не скрывая гордости за отца, — жаль только, что эти слова можно трактовать как измену.

Никогда бы не подумал, что эти почтенные сеньоры способны с такой прытью скакать! Да они любого десятилетнего мальчишку за пояс заткнут!

— Кто Вы, сеньор? — воскликнул дон Михаэль, хватаясь за стоящий рядом с ним бронзовый подсвечник в явном намерении швырнуть его мне в голову. — Как посмели Вы явиться в этот дом без приглашения?!

Кхм, вообще-то, это мой дом, но говорить об этом пока рано. Ладно, тогда представимся по-другому.

— Прошу прощения, сеньоры, — я чувствовал себя проказливой мальчишкой, в отцовском костюме пробравшемся на праздник только для взрослых, — я забыл представиться. Сеньор Зорро к Вашим услугам.

Я вышел из тёмного угла на свет и чуть насмешливо раскланялся с присутствующими. Вот интересно, они меня не узнают?

— Зорро? — удивлённо проскрипел дон Эстебан, про которого смерть забыла, не иначе. Я был уверен, что старик уже давно помер, а он не только жив, но ещё и заговорщиком стал! О времена, о нравы, как кричали древние латиняне.

— Зорро? — нахмурился дон Михаэль, предусмотрительно не спеша выпускать из рук подсвечник. — Никогда о Вас не слышал.

Да неужели? А ведь именно Вы, сосед, были категорически против любого маминого обряда, утверждая, что сыну знатного кабальеро не пристало забивать голову всякой индейской чепухой. Спорить с доном Михаэлем я не стал, только равнодушно пожал плечами.

— Зорро, — отец внимательно, слишком внимательно, смотрел на меня, буквально глаз не сводил. — Зорро значит лиса...

Вот чёрт! И что делать? Отпираться глупо, отступать поздно, значит, полный вперёд!

— Совершенно верно, сеньор, — я коротко кивнул отцу и, словно невзначай, повернулся к нему спиной. Да, не очень вежливо, зато безопасно.

— Во времена моей юности, — проскрипел дон Эстебан, — ходили легенды о всаднике в чёрном, неуловимом и беспощадном. Он боролся со злом... Нет, наверное, просто разбойничал, ведь я очень хорошо помню, как его потом повесили.

А напомнить, благодаря кому его нашли и повесили? Или этот унижительный эпизод Ваша память предпочла предать забвению, дон Эстебан?

— Надеюсь, до этого не дойдёт, — я понял, что меня не узнают, и сверкнул белозубой улыбкой. — Сеньоры, я слышал, Вам нужна помощь.

— Хотите проводить нас до эшафота? — мрачно прогудел дон Михаэль.

Ну, с этим Вы, дон Михаэль, и сами прекрасно справитесь, что я буду у Вас под ногами болтаться, ещё растопчете ненароком!

— Я готов помочь Вам бороться с комендантом.

Собравшиеся в гостиной сеньоры замолчали, разглядывая меня с интересом каннибалов, к которым пожаловал христианский миссионер.

— То, что Вы предлагаете, — протянул отец, не сводя с меня внимательного взгляда, который, откровенно говоря, уже начинал меня нервировать, — называется государственной изменой.

Уж кто бы говорил!

— То, что Вы здесь обсуждали, тоже.

— Сеньоры, — дон Михаэль хлопнул ладонью по колену, — я не мастак в словесных распрях, терпеть не могу все эти расшаркивания и витиеватости, а потому скажу так: если этот Зорро готов нам помочь, то пусть освободит дона Рамиреса. Мадонна свидетель, этому почтенному сеньору совсем не место в тюрьме!

Полностью с Вами согласен, сеньор Михаэль. И я уже даже составил план освобождения дона Рамиреса.

— А если это ловушка? — проскрипел дон Эстебан. — Что если это происки коменданта?

Что?! Мне показалось или меня действительно обозвали пособником коменданта?! Ваше счастье, сеньор Эстебан, что Вы старый, а то бы не избежать Вам вызова на поединок! Я уже собирался высказать старому сеньору всё, что о нём думаю, как за меня заступился отец.

— Не думаю, — отец покачал головой, наконец-то перестав буравить меня взглядом, чуть дырку в груди не протёр. — Сеньоры, мне кажется, дон Михаэль прав. Сеньор Зорро, Вы сможете освободить дона Рамиреса из тюрьмы?

Ясное дело, смогу. По крайней мере, сделаю всё от меня зависящее. Но для виду я помолчал, по привычке чуть склонив голову к плечу, после чего согласно кивнул:

— Полагаю, да. Солдаты привыкли к безнаказанности и не ждут отпора.

По крайней мере, я очень на это надеюсь.

— Чем мы можем Вам помочь?

Ого, вот это, я понимаю, доверие! Что ж, постараюсь его оправдать, тем более что я знаю, какая помощь мне нужна:

— Вам нужно будет найти такое убежище для дона Рамиреса, чтобы комендант не смог его обнаружить.

Отец замолчал, задумчиво глядя на мерцающий огонёк свечей. Все остальные сеньоры тоже примолкли, то ли обдумывая, чем можно помочь сеньору Рамиресу, то ли прикидывая, насколько помощь нужна им самим.

— Есть такое место, — продребезжал дон Эстебан, который долго молчать не мог чисто физически, — я сам отвезу туда дона Рамиреса.

Ого, вот так поворот! Мне так сильно доверяют?

— Стоит ли Вам так рисковать, дон... — начал дон Михаэль, но старик властным взмахом руки заставил его замолчать.

Ясно, дело не в доверии, просто сеньор Эстебан надеется, что комендант не будет к нему слишком суров. Напрасно надеется, сеньор Рамирес не намного моложе, а его

поместили в тюрьму. Хорошо хоть не повесили.

— Я буду ждать Вас с доном Рамиресом на развилке, там, где кривое дерево, разбитое молнией. Знаете, где это, сеньор Зорро?

Сеньор Эстебан, ну нельзя же так сильно напрашиваться на поединок! Сначала предателем назвали, теперь слабоумным, в конце концов я ведь и обидеться могу! Я чуть слышно скрипнул зубами, но ответил предельно вежливо:

— Я родился в этих местах.

Всё, пора уходить, пока этот старик ещё чего-нибудь не ляпнул. Я коротко поклонился мужчинам, составлявшим цвет нашего городка:

— Прошу меня простить, почтенные сеньоры, мне пора ехать. До встречи на развилке, сеньор!

Взмахнув плащом, я скрылся в тёмном углу гостиной, спиной ощущая внимательный взгляд отца, направленный на меня словно дуло пистолета.

Только оказавшись в потайном ходе я бесшумно выдохнул и на краткий миг прикрыл глаза. Итак, первое появление Зорро состоялось, почтенные сеньоры, оказавшиеся не такими уж и безобидными старичками, обо мне узнали. Теперь осталось сообщить о своей почти скромной персоне капитану Гонсалесу и его приспешникам. Представляю, как они мне «обрадуются»!

Я решительно тряхнул головой, прогоняя излишнюю весёлость. Нельзя недооценивать врага, это первый шаг на пути к поражению. Глубоко вздохнув и поправив перчатки, я заскользил по потайному ходу, временами замирая и прислушиваясь. К счастью, вокруг по-прежнему царил пахнувшая пылью тишина, обитатели гасиенды спали или же делали вид, что спят. Ещё через пару поворотов воздух посвежел, стал доноситься стрекот цикад. Отлично, значит, скоро я буду у цели! Я прижался к стене и замер, напряжённо прислушиваясь. Учитывая, как беззаботно стрекочут цикады и перепискиваются ночные птицы, людей поблизости не наблюдается, можно выходить. Я легко преодолел последние ступени, словно нарочно сильно разрушенные и скособоченные, и отодвинув рукой прикрывающие ход густые заросли дикого плюща, вышел на небольшую округлую полянку, со всех сторон укрытую высокими деревьями и обломками камней, непонятно какими путями оказавшимися в этих местах. Мама, которая и показала мне потайной ход, называла это место Загоном. Мальчишкой я часто удирал через этот Загон от скучных уроков и светских обязанностей, которым меня тщетно пытался обучать отец. Да-а-а, хорошее было время...

Я мечтательно вздохнул, ещё раз прислушался и негромко свистнул. В ответ на мой свист раздалось чуть слышное ржание, и вскоре из тени деревьев вынырнул вороной конь, гордо вскинув небольшую голову с раздувающимися ноздрями.

— Торнадо, — позвал я, доставая из кармана припасённый заранее ломоть хлеба, щедро посыпанный солью, — иди сюда, мальчик.

Торнадо фыркнул, тряхнул гривой, немного постоял, словно светская красавица, решающая, стоит ли принимать приглашение на танец или всё-таки отказать, а потом лёгкой танцующей походкой направился ко мне. Я залюбовался конём, его лёгким пружинящим шагом, сильными мышцами, перекатывающимися под глянцевито поблескивающей кожей. Такой конь легко уйдёт от погони, птицей пролетит широкий овраг и заберётся на любую крутизну.

— Торнадо, — прошептал я, любовно похлопывая коня по шее, — красавец... Умница...

Торнадо жевал хлеб и благостно вздыхал, прядая небольшими заострёнными ушами, соглашаясь и на умницу, и на красавца.

— Поможешь мне? — прошептал я на ухо коню. — Без тебя мне не справиться.

Торнадо коротко фыркнул, словно действительно понял меня, топнул копытом и замер, позволяя взобраться в седло.

— Благодарю, — я коротко кивнул и быстрее молнии взлетел на спину вороному, который тут же пустился лёгким галопом.

В ночной тишине, окутавшей город мягким пуховым платком, стук копыт звучал приглушённо и удивительно успокаивающе. Я наслаждался царящей вокруг тишиной, одинокими домиками, чьи белёные стены в темноте чуть заметно светились, словно рождественские игрушки, порывами ветра, пропитанного ночной прохладой. Как-то даже не верилось, что в такой умиротворённой, самими небесами благословенной земле может происходить что-то скверное, но одинокий крик часового, подобный воплю бесприютного духа, прозвучавший со стен крепости, развеял очарование ночи.

— Слу-у-шай! — заунывной ночной птицей кричит часовой, и в ночной тишине хорошо слышен лязг оружия, задевшего за камень стены.

— Слу-у-шай! — эхом откликается на крик часовой с другой стороны крепости.

Больше никто не отзывается, значит, часовых всего два, комендант не позаботился об усилении охраны крепости, ему даже в голову не пришло, что кто-то может вторгнуться в его крепость ночью. Что ж, сеньор комендант, придётся вас разочаровать.

Я потрепал Торнадо по холке, и умный вороной перешёл на плавный почти бесшумный шаг. Умница моя, вернись домой, отборного зерна насыплю! У самой стены конь повинуюсь лёгкому движению моих коленей, послушно замер. Я приподнялся на стременах, чуть подпрыгнул и уцепился руками за край стены. Напряжённо прислушался, а затем медленно подтянулся на руках и взобрался на стену. Бдительные часовые моего появления на стене даже не заметили. Что ж, не стану навязывать почтенным сеньорам своё общество, пусть дальше изображают бесприютных, лишённых покоя духов, может быть, когда и пригодится подобный навык.

Кровь в моих жилах бурлила, словно игристое вино, голову кружило предвкушение опасного приключения. Чтобы хоть немного спустить себя с небес на землю, я с силой прикусил губу, вспышка боли и металлический привкус, появившийся во рту, помогли мне успокоиться. Я медленно вздохнул. Раз, другой, третий, пока сквозь грохот сердца в ушах не стал различать тихие шорохи, присущие ночи. Вот теперь можно и приступить к освобождению сеньора Рамиреса. Я легко спрыгнул со стены вниз и, стараясь двигаться незаметно, заскользил к тому закуту, который в крепости гордо именовался тюрмой.

Проходя мимо казармы, через распахнутые окошки которой был слышен могучий храп десятка здоровых мужских глоток, я с лёгкой улыбкой задвинул засов на двери. Никто и никогда не мог мне объяснить, зачем был приделан этот массивный, содержащийся в идеальном порядке засов, чтобы солдаты ночью не разбежались что ли, но в эту ночь я был ему искренне рад. Конечно, надолго запертая дверь солдат не остановит, они смогут выскочить в окно, но, зная бравых вояк, смело могу утверждать, что сначала они с упорством залетевшей в окно мухи будут долбиться в дверь. И только потом, когда проснётся самый сообразительный, начнут прыгать в окна. Так что минут десять, а то и пятнадцать после сигнала тревоги у меня есть.

Следующей на моём пути к тюрме оказалась конюшня, точнее, обычная коновязь.

Убогий сарай, в котором содержали лошадей при прошлом коменданте, снесли, а нового пока не построили. К счастью для меня. Успокаивающе пофыркивая, благо мама прекрасно научила меня договариваться даже с самыми строптивыми и трусливыми лошадьми, я скользил меж лошадей, ослабляя ремни подпруги. Теперь моих возможных преследователей ждёт очень неприятный сюрприз, хе-хе.

Чувствуя, как голову опять начинает кружить упоительное ощущение безнаказанности, я остановился и прижался спиной к стене, глубоко дыша. Соберись, Диего, а то рискуешь потерять голову в самом прямом смысле.

Как оказалось, я выбрал очень удачный объект для своей остановки: именно на эту сторону выходило окно покоев коменданта, широко распахнутое по причине царившей днём страшной жары. Конечно, благородным кабальеро подслушивать неприлично, но я сейчас не самый законопослушный сеньор в нашем городе, а раз так, о приличиях можно и забыть. Я плотнее прижался к стене и вытянул шею, напряжённо прислушиваясь.

— Надеюсь, ты меня понял? — резко прозвучал голос коменданта.

Кхм, интересный вопрос, жаль только, что я опоздал к началу беседы.

— Так точно, господин комендант, — раздался в ответ жизнерадостный голос, в котором я без труда узнал Гарсию, — Вы приказали освободить дона Рамиреса. Осмелюсь заметить, это мудрое решение!

— Заткнись, идиот, — прошипел комендант, — тебе нужно выпустить этого спесивого дона, а потом поднять сигнал тревоги.

— Зачем? — искренне изумился Гарсия.

— Потому что я так сказал! — рявкнул комендант. — Ты выпускаешь арестованного и поднимаешь сигнал тревоги, больше от тебя ничего не требуется. Понял меня, идиот?

— Так точно, — ответил сержант, но по его растерянному голосу я прекрасно услышал, что Гарсия ничего не понял. Да и у меня возникли вопросы. Какой смысл отпускать сеньора Рамиреса, а потом тут же поднимать сигнал тревоги? Чего комендант хочет добиться?

Я задумчиво погладил эфес шпаги. Так, начнём сначала. Сеньора Рамиреса арестовали за то, что он пытался написать жалобу на коменданта. Понятно, что отпускать такого человека капитан Гонсалес не станет, ему это невыгодно, даже небезопасно. Казнить почтенного кабальеро без суда и длительного разбирательства, с приглашением крючкотворов из Испании, тоже нельзя, это вызовет слишком сильные волнения в городе. Выходит, комендант решил убить дона Рамиреса! Он приказал отпустить старика, а сам пристрелит его якобы при попытке к бегству! Чёрт побери, мне попался на редкость умный и изворотливый противник!

Я завернулся в плащ и проворно метнулся к тюрьме. Сержант Гарсия только-только подошёл к решётке и начал возиться с замком. Хм, странно, а в детстве Педро был смышлёным и расторопным малым, неужели его так военная форма испортила? Я потрянул головой, прогоняя лишние воспоминания, и плавно, как в танце, шагнул к сержанту, одновременно вытаскивая из ножен шпагу. Убивать друга детства я не собирался, но оружие волшебным образом делает человека очень убедительным, проверено на практике.

— Тихо, — угрожающе прошипел я, стоило только тюремной решётке со скрипом отвориться, — одно лишнее движение или глубокий вдох, и ты покойник!

Гарсия послушно замер, нелепо разведя руки в стороны, даже дыхание затаил. Господи, как же приятно общаться с людьми, когда перевес на твоей стороне! Невольно начинаешь верить в собственную неотразимость.

— Дон Рамирес, Вам поклон от Созвездия. А теперь, если Вас не затруднит, заберите у бравого сержанта оружие, оно ему не понадобится.

Почтенный сеньор, который к моему искреннему облегчению помнил про данное падре Антонио донам нашего городка прозвище Созвездие, молча вышел из камеры и так ловко разоружил сержанта, что я невольно задумался, откуда у благородного кабальеро столь неблагородный навык.

— Теперь заткните сержанту рот и свяжите руки, лишний шум нам ни к чему.

— С-с-сеньор, — проблеял Гарсия, так и не дождавшись мгновенной и мучительной смерти, — пощадите, сеньор...

— Если обещаешь не шуметь, останешься цел, — прошипел я, продолжая остриём шпаги упираться в спину бравого сержанта.

Гарсия закивал так отчаянно, что я отчётливо услышал хруст его шеи. Не покалечился бы, болезный, ему и так от коменданта достанется.

Дон Рамирес, отстранённо-спокойный, словно был у себя в гостиной, а не в крепости, ловко стянул со своей шеи платок, сделал из него кляп и заткнул рот сержанту. Затем сдёрнул пояс Гарсии и крепко связал ему руки.

— Отлично, — я чуть подтолкнул сержанта в сторону «арестантского загона», как называли тюрьму в нашем городке, — прошу, сержант, сия обитель ждёт вас.

Гарсия проворно заскочил в загон, и на лице его растеклась широкая блаженная улыбка, стоило решётке захлопнуться, а замку с лёгким скрежетом вернуться на место. Господи, как же мало надо человеку для счастья!

— Кто Вы, сеньор? — дон Рамирес, по-прежнему спокойный и отстранённый, смотрел на меня с вежливым интересом.

Гарсия затаил дыхание и наострил уши. Что, надеешься оправдаться перед комендантом, назвав моё имя? Эх, Педро, Педро, а ведь таким славным парнем был...

— Зорро, — я коротко кивнул почтенному сеньору и видя, что он собирается ещё что-то сказать, добавил, — дальнейшее знакомство отложим на потом. Здесь не самое лучшее время и место для светских церемоний.

— Как мы выберемся отсюда?

— Верхом, — я кивнул в сторону коновязи. — Садитесь на гнедого с белой звездой.

— Но это конь коменданта!

И что? Это что-то меняет? Я презрительно фыркнул и пожал плечами. Дон Рамирес, в счастье, и сам понял, что спросил глупость, виновато улыбнулся и послушно направился к нервно роющему землю копытом гнедому.

Так, можно себя поздравить, почтенный кабальеро свободен. Теперь нужно сделать так, чтобы он успел добраться до заветной развилки. Я окинул взглядом крепостной двор и задумчиво погладил эфес шпаги. Пока всё тихо, но надолго ли?

— Вы едете, сеньор? — Дон Рамирес подъехал ко мне.

Гнедой под ним не выглядел особо счастливым, но и сбрасывать седока не спешил. Отлично, как говорила мама, если ты удержался на спине коня пять минут, он признает тебя своим хозяином.

Я прищурился и осмотрелся по сторонам. Так, где-то здесь была потайная калитка, предназначенная для отважных лазутчиков и секретных гонцов. Прошлый комендант, помнится, спорил со мной на пять порций мороженого, что я не смогу её отыскать. Ха-ха, я, конечно, не такой хороший следопыт, как Бернардо, но всё равно дам сто очков вперёд

любому военному. Так, где она? Я ещё раз внимательно осмотрелся, понимая, что каждая секунда промедления может оказаться роковой. Уф, вот она, справа от арестантского загона. Интересно, какой идиот сделал потайную калитку так близко от тюрьмы? Я проворно кинулся к тайному ходу и не сдержал ругательств: калитка оказалась даже не запертой! Всё это время путь в крепость был открыт! Чёрт, да я вообще мог въехать сюда верхом, а как осторожничал! Выходит, идиотизм и правда заразен, нужно меньше общаться с военными.

— Отправляйтесь к развилке, там, где кривое дерево, разбитое молнией, — прошептал я дону Рамиресу. И тут раздался яростный крик коменданта:

— Гарсия! Где тебя черти носят?!

Где-то я это уже слышал, причём недавно. Или у коменданта это традиционный вопрос?

— Уезжайте, — поторопил я замершего от неожиданности кабальеро, — ну же!

— А как же Вы? — спросил дон Рамирес, не трогаясь с места.

Как-как, молча! Нашёл время благородство продемонстрировать! Вместо ответа я яростно хлопнул коня по крупу. Гнедой тонко, жалобно заржал (не ври, не так и больно!) и пустился с места в карьер. Комендант, который, как оказалось, кричал не из окна, а с крыльца, заметил уносящегося во весь опор всадника и яростно крикнул:

— Какого чёрта тут происходит?! Гарсия, где вы?

— Ваш brave сержант сейчас очень занят, — я усмехнулся, не спеша покидать крепость, — может быть, я могу Вам чем-нибудь помочь, комендант?

Капитан Гонсалес замер, напряжённо пытаюсь разглядеть меня в темноте. Зря, я бы сразу поднял тревогу и крикнул солдат. Узнавать, друг перед тобой или враг, лучше всего после окончательной и безоговорочной победы. Словно для того, чтобы комендант не терзался излишними сомнениями, сквозь завесу облаков проглянула красавица луна, щедро заливая землю своим серебристо-мертвенным светом. Ну что, капитан Гонсалес, давайте знакомиться? Я с усмешкой положил руку на эфес шпаги, давая коменданту возможность внимательно рассмотреть меня.

— Кто вы? — пробормотал капитан Гонсалес, но тут же, не дожидаясь ответа, отпрыгнул в тень и оглушительно рявкнул. — Тревога!!!

Умница, комендант. Останься он на месте, я бы мог без труда пристрелить его, а так придётся покинуть пределы крепости, пока это ещё возможно. Но уйти и не попрощаться?! Да ни за что, я же благородный кабальеро!

— До скорой встречи, комендант! — крикнул я, шутливо поклонившись, и бросился через потайную калитку за стены крепости.

Умница Торнадо уже ждал меня, я легко вскочил в седло и прислушался. Солдаты осенними пчёлами долбили в запертую дверь казармы, часовые со стен вопили во всё горло и даже пытались стрелять, причём палили, судя по звукам, куда попало.

— Живее, идиоты, он уйдёт!!! — истошно заорал комендант, на миг заглушив и крики солдат, и стрельбу. Поздно, комендант, я УЖЕ ушёл.

Я чуть тронул Торнадо каблуками, и верный конь послушно понёс меня прочь от стен крепости. Я не спешил, в случае погони мне нужно было направить солдат по ложному следу, а то мало ли, вдруг они сдуру наткнутся на сеньора Рамиреса или почтенных кабальеро, которые должны его встретить? Добравшись до невысокого холма, первого намеченного мною наблюдательного пункта, я придержал поводья. Торнадо недовольно всхрапнул, намекая, что стоять и ждать непонятно чего ему уже порядком надоело. Потерпи, дружище, придёт время, и моя жизнь будет зависеть от резвости твоих ног. О, а вот и погоня!

Я приподнялся в стременах, вглядываясь в распахнувшиеся ворота крепости, из которых под истошные вопли сигнальной трубы вылетали всадники. Ну что, мальчики, поиграем?

В этот раз я не стал сдерживать безрассудную лихость, словно крепкое вино пробежавшую по венам и разгорячившую кровь.

— Господа, Вы не за мной? — крикнул я и громко расхохотался, увидев, как несколько солдат придержали коней, а один вообще повернул в сторону крепости.

— Взять его! — рявкнул комендант, нещадно нахлёстывая своего коня.

Ну-ну, удачи вам, brave вояки. Я хлопнул Торнадо ладонью по шее, и конь рванул с места крупным галопом. От быстрой скачки в ушах засвистел ветер, и я похвалил себя за то, что благоразумно надвинул поплотнее шляпу, иначе она слетела бы на дорогу. За моей спиной грохнул выстрел, потом ещё один и ещё, и ещё.

— Взять живым! — проорал комендант, заставив меня коротко хохотнуть.

Да эти вояки быку в зад с трёх шагов не попадут, они вообще когда последний раз оружие в руках держали? При прежнем коменданте каждую неделю проводились учения, причём иногда с ночными тревогами и атаками, мальчишкой я частенько бегал на них смотреть. Капитан же Гонсалес явно пренебрегал своими непосредственными обязанностями, за что сейчас и страдал. Кстати, а не добавить ли нам коменданту причин для терзаний?

Я дёрнул повод, на всём скаку поворачивая Торнадо, и понёсся прямо на своих преследователей. Видели бы вы их лица! Кто-то истошно завопил что-то про исчадь ада (интересно, это он о ком?) и быстрее ветра понёсся к крепости, кто-то стал стрелять, кто-то вместо оружия схватился за спрятанные на груди чётки. Даже самые благоразумные в первый момент растерянно придержали скакунов, чем я не преминул воспользоваться, быстрее молнии проскочив мимо солдат. В спину мне понеслись вопли и стрельба, солдаты поспешно разворачивали коней, не решаясь в присутствии коменданта прекращать погоню. Отлично, теперь сменим салки на прятки, это тоже весьма занимательная забава.

Я свернул на извилистую дорогу, ведущую в город. Торнадо, решивший, что мы направляемся домой, вскинул голову и радостно заржал, но я успокаивающе похлопал вороного по шее, прошептав ему на ухо:

— Подожди, малыш, мы ещё не домой.

Конь раздосадованно фыркнул и демонстративно сбавил ход, но я, привыкший к чудачествам крыски, только сильнее сжал коленями бока коня, напоминая ему, кто именно является в нашей паре главным. Торнадо обиженно всхрапнул, попытался встать на дыбы, но, получив ощутимый шлепок по боку, прекратил капризничать и послушно свернул в тень одной из заброшенных гасиенд. Сколько себя помню, это место всегда было заброшенным, и про него ходила дурная слава: говорили, что здесь логово разбойников, обитают злые духи и разгневанные произволом бледнолицых индейские божества. Мальчишкой мне было страшно интересно, как они все могут поместиться в одной небольшой гасиенде, и я часто вопреки запретам отца убегал из дома, чтобы понаблюдать за таинственным домом. Побегии мои заканчивались всегда одинаково: раньше или позже, сразу за воротами или у заброшенной гасиенды, меня неизбежно находили и возвращали домой. Отец долго и красочно ругался, живописуя мою мучительную гибель под обломками рухнувшей крыши или коварно разверзшейся прямо под ногами трещины в полу, но я со свойственной всем детям незыблемой верой в добро был твёрдо убеждён, что ничего плохого со мной не случится. И разбойники меня не найдут, и призраки не тронут, а уж индейские божества и

вовсе будут рады видеть! В конце концов отец сдался и сам, лично, отвёз меня в заброшенную гасиенду, позволив облазить её со всех сторон. Моему разочарованию, когда я не нашёл не только призраков и богов, но даже намёка на логово хотя бы одного бандита, не было предела. До сих пор помню, как я горько плакал, а отец сказал, что мечта подобна дивному цветку, стоит только стиснуть её в руке, и она неизбежно разрушится. С тех пор я не верю слухам и не боюсь призраков. Отец прав, самое страшное чудовище на свете — это человеческое воображение, именно оно населяет окружающий нас мир жуткими монстрами.

И вот сейчас я собирался призвать на помощь дурную славу о старой гасиенде, ведь вряд ли солдаты как и я в своё время основательно изучили этот заброшенный домишко. Я чуть сжал коленями бока Торнадо, призывая его к полной тишине, и стал напряжённо вслушиваться. В ночной тишине отчётливо был слышен стук копыт, отдельные выкрики солдат, демонстративно бравые и воинственные, но стоило воякам только узнать в неверном свете луны очертания заброшенной гасиенды, как их голоса становились тише, а желание продолжать преследование всё меньше. Да, великая вещь — слухи, непобедимая!

С трудом подавив улыбку, я достал притороченный к луке седла кнут, размахнулся им и что было силы ударил по поблёскивавшему в неверном свете луны большому окошку, в темноте казавшемуся особенно таинственным и поэтому жутким. Стекло с печальным звоном разлетелось вдребезги, заставив солдат испуганно закричать и отпрянуть прочь. Самые робкие вообще повернули коней и что есть духу понеслись под защиту крепостных стен.

Я зажал рот рукой, сдерживая хохот, и издал низкий вой, тщательно копируя вышедшего на охоту волка. Индейцы бы мне, может быть, и не поверили, а вот солдаты точно прониклись. Среди истошных воплей, отчаянного ржания коней и беспорядочной пальбы совершенно потерялись крики коменданта, который изо всех сил пытался призвать к порядку своё деморализованное воинство. Ха-ха, надо было раньше этим заниматься и не пренебрегать ежедневными воинскими упражнениями! А то распустили своих подчинённых, превратили их в сборище жирных мародёров, трусливых, словно глупые курицы, теперь вот и получайте. Хлебайте беды полной ложкой, как говорится.

В принципе, можно было спокойно возвращаться домой, насмерть перепуганные солдаты не представляли никакой угрозы, но мне захотелось ещё немного подразнить коменданта. Я покинул своё так и не раскрытое убежище (отлично, значит, в следующий раз можно будет опять им воспользоваться), выехал в пятно лунного света и громко крикнул:

— Сеньор комендант, ваши солдаты трусливы словно зайцы! Возвращайтесь в крепость, а ещё лучше...

Окончательно взбешённый капитан Гонсалес выхватил пистолет и, даже толком не прицелившись, выстрелил. Пуля просвистела мимо, до смерти напугав какую-то ночную пичугу, с пронзительными воплями поднявшуюся с ветки и улетевшую прочь.

— Теперь я понимаю, в кого ваши солдаты такие неумелые стрелки, — расхохотался я, поворачивая Торнадо и пуская его галопом.

Комендант честно попытался меня догнать, но с тем же успехом он мог бы гнаться за солнцем или ветром. Кажется, я всё-таки сильно преувеличил его умственные способности. Немного попетляв по улицам городка и окончательно избавившись от погони, я отправился к кривому дереву у развилки. Искренне надеюсь, что сеньор Рамирес уже в полной безопасности, но как любит повторять отец, хочешь знать наверняка, проверь сам.

Каталина

Проснулась я от странного холода, словно на меня ведро колодезной воды опрокинули. Не поняла, это ещё что за шуточки?! Я недовольно подняла голову, ожесточённо приплюсываясь. Нет, меня никто не купал, я по-прежнему лежу на подушке, заботливо укрытая носовым платком, только вот Диего, которому полагалось сидеть рядом и охранять мой сон, собрался куда-то идти. Судя по чёрному костюму, маске и плащу, намылится он явно не на свидание, хотя у этих мужиков любое дело заканчивается либо пьянкой, либо сексом. Я задумчиво пошевелила усами, прикидывая, что мне делать. Продолжить спать? Ага, заснёшь тут, если этого придурка схватят, я до конца своих дней останусь крысой! Значит, нужно любой ценой остановить его! Я ловко прыгнула вниз и успела шмыгнуть в потайной ход в тот самый миг, когда он уже закрывался. Уф-ф-ф, всё-таки у маленького крысиного тельца тоже есть свои преимущества. Я бежала за Диего, который так уверенно шёл по потайному ходу, словно у него был GPS-навигатор. Вот интересно, сколько времени Диего провёл в этой грязной и пыльной дыре, что так хорошо её выучил? И, самое главное, как мне его остановить? Повинуясь сиюминутному порыву, я вцепилась передними лапками в плащ Диего, пытаюсь его затормозить. Угу, с тем же успехом я могу лесовоз шёлковым шарфиком останавливать! Диего моих попыток даже не заметил, а на очередном повороте так махнул плащом, что я отцепилась и со всей дури впечаталась в стену. Сдавленно пошипев сквозь зубы и отчаянно помотав головой, чтобы поскорее угасли вспыхнувшие перед глазами от удара искры, я вскочила на лапки и опять бросилась в погоню. Господи, как же низко я пала, сама за мужиком бегаю, чтоб этой старой колдовке на Святую Инквизицию нарваться! Я обиженно пискнула, миновала очередной поворот и изумлённо застыла, не веря своим глазам. Коридор был пуст! И куда его чёрт унёс? Я яростно приплюснулась, втянув носом тонну пыли, не меньше, после чего оглушительно чихнула. Раз, другой, третий, да так звонко, что даже эхо откликнулось! Эхо-то откликнулось, а вот о Диего по-прежнему не было ни слуху ни духу. Я протёрла нос лапками и опять приплюснулась. Дохлый номер, после чихания обоняние отказало напрочь. Я яростно запищала, от всех души пнула стену, после чего с жалобным поскуливанием принялась тереть ушибленную лапку. Вот только хромоты мне для полного счастья и не хватает! Буду не просто крысой, а хромоногой крысой, дитя трущоб, блин.

Окончательно раздосадованная, я попыталась зло плюнуть на пол, но только перемазалась слюной, отчего взъярилась пуще прежнего. Да гори он синим огнём ясным пламенем этот чёртов Диего, Зорро, блин, недобитый! Умотал искать приключения на свою пустую голову, и флаг ему в руки, ветер в спину! Козёл, такой же бесполезный и никчёмный пижон, как и все остальные мужики! Гад, урод, сволочь... Ругательств мне хватило аж на два поворота, а потом... Нет, словарный запас у меня не кончился, я просто внезапно осознала, что совершенно не помню обратную дорогу. Чёрт, чёрт, чёрт, что же делать?! Я что было сил потянула себя за уши, прекращая начинающуюся панику, затем встала и сделала пару глубоких вдохов. Проклятая пыль опять защекотала нос, но я уже не обращала внимания на ерунду, не до того сейчас.

Итак, что мне делать? Попыталась вспомнить дорогу. Я честно постаралась, но память ушла в глухую оборону и сотрудничать категорически отказывалась. Чёрт, выберусь из этой заварушки, каждый день буду стихи учить, фотографическую память вырабатывать. Если вообще выберусь, а не сгину в этом проклятом подвале от голода и жажды. Я всхлипнула, шлёпнула себя по щекам, подавляя приступ слёз. Сырость разводить глупо, слёзы хороши

только как способ воздействия на мужчин, а их здесь нет. Здесь вообще никого нет, только я одна... такая несчастная и заброшенная... и никто меня не лю-любит! Я всё-таки разрыдалась, отчаянно, с подвываниями и поскуливаниями, обхватив голову лапками и безнадёжно раскачиваясь из стороны в сторону. Эхо сострадательно подхватило мой великий плач, и скоро всё вокруг рыдало и пищало, выло и голосило. Мне так жутко стало, что я испуганно притихла, забившись в щёлку потемнее. Мама милая, а вдруг это не эхо, а какое-нибудь подземное чудовище, которое сначала сожрало Диего, а теперь и ко мне подбирается? В памяти, чёрт, она бы дорогу лучше запоминала, моментально всплыли разнообразные монстры из просмотренных мною фильмов ужасов, разум окончательно и бесповоротно капитулировал, передав бразды правления самой настоящей панике. Я истошно завопила и бросилась вперёд, ничего не видя от страха и сама не зная, куда и зачем бегу.

Как оказалось, у дураков есть свой ангел-хранитель. Сама не знаю, как я выскочила именно к тому ходу, который так долго и безуспешно искала, более того, меня уже ждали. Бернардо, который то ли просто волновался за Диего, то ли услышал шум и решил проверить, что происходит, открыл ход и вышел в этот проклятый тоннель, избавив меня от необходимости искать рычаг для открытия хода самостоятельно. Господи, да я никому в жизни никогда так не радовалась, как сейчас этому немому мальчишке-слуге!

Истошно всхлипывая, завывая и самым несчастным образом хлюпая носом, я бросилась к индейцу и буквально взлетела ему на плечо, уткнувшись мордочкой в шею. Бернардо от неожиданности вздрогнул, попытался брезгливо отстраниться, но я вцепилась ему в ворот рубахи с такой силой, что отодрать меня можно было только с одеждой. Не отпущу! Пока не вытащит меня из этого проклятого тоннеля, не отпущу! А Диего я ещё улью щей на ложку, он надолго запомнит, как оставлять меня одну. Я ему... я его... Я начала строить коварные планы мести и незаметно для себя успокоилась.

Мальчишка-индеец, надо отдать ему должное, оказался не совсем уж законченным идиотом, уже после третьей попытки перестал отдирать меня от ворота рубахи, даже ободряюще погладил по спинке. Я расслабилась, но отпускать Бернардо не собиралась, так королевой на его плече и въехала в комнату, моля всех богов, чтобы на этом мои ночные приключения закончились. Или я молила не тех богов, или они самым наглым образом проигнорировали мои просьбы, но приключения на этом не кончились, наоборот, посыпались как навоз из дырявого мешка. Стоило мне только попасть в щедро льющийся в окно лунный свет, озаряющий всю комнату призрачно-серебристым сиянием, как всё моё тело скрутила жуткая боль. Я даже пискнуть не смогла, глазки закатила и плашмя рухнула на пол. Причём падала крысой, а приземлилась на пол человеком! Блин, больно, между прочим! Шипя от боли и сочно матерясь, я села на полу, проверяя, не появились ли у меня в результате падения лишние впадины или выпуклости. Уф-ф-ф, вроде бы цела, теперь осторожненько поднимаемся на ноги... осторожненько, чтобы опять не рухнуть на пол, он, между прочим, каменный и холодный! Дом богатого кабалеро, а на пол даже грязную тряпку не постелили, жмоты.

Бернардо смотрел на меня так выпучив глаза, что я невольно вспомнила американских мультяшек, у которых глазки выпрыгивают и повисают на пружинках. Что, парнишка, не видел никогда голых женщин? Ну извини, стриптиз не по моей вине, спасибо скажи старой колдовке, чтоб ей до конца дней на прожиточный минимум выживать!

— Чего уставился? — рывкнула я на Бернардо, когда относительно твёрдо встала на

ноги (раньше не рисковала, боялась опять на пол рухнуть). — Платье тащи, нечего на меня пялиться, извращенец!

Бернардо отчаянно покраснел, сравнившись цветом с варёными раками, и так поспешно выскочил из комнаты, словно был миссионером, по ошибке попавшим в низкопробный бордель. Я с тяжким вздохом закатила глаза. Вот блин, и почему мне так везёт на лохов? Интересно, Диего от меня тоже шарахаться станет? А может они тут все ненормальные, зоофилы какие-нибудь?

Я вспомнила обнажённого Диего, наше почти совместно купание и облизнула пересохшие губы. Не, такой красавчик просто обязан быть нормальным полноценным гетеросексуалом, полигамным, понятное дело, но я с ним под венец не собираюсь, мне его верность нафиг не нужна. Я с наслаждением раскинула руки, встала на носочки и закружилась по комнате. Господи, как же хорошо быть человеком! Какое счастье, что я... Я замерла, недоверчиво прислушиваясь к самой себе. Чёрт, чёрт, чёрт, нет, этого просто не может быть! Я метнулась к зеркалу, огромному, в полный рост, такое легко представить в комнате сексапильной красотки, хотя и у Диего оно смотрелось удивительно гармонично, сглаживая брутальность массивного камина и мебели тёмного дерева. Мама мамочка, пусть будет чудо... Я припала к стеклу с пылом героини сопливого любовного романа, дождавшейся-таки своего благоверного из дальних странствий. Я стала человеком, заклятие снято, ведь так?

Увы, как и утверждали все многочисленные экстрасенсы, колдуны и прочие нечистики, которых в последние годы расплодилось больше, чем тараканов в коммуналке, зеркало явило правду. В ровной блестящей поверхности отразилась я, вся такая красивая, с сексуально растрёпанными волосами, пышной грудью, тонкой талией, модельными бёдрами и умопомрачительно длинными ногами, но при этом крысиными ушами и длинным тонким хвостом. Чары не спали, просто я как принцесса-лебедь в лунном свете вернула себе человеческий облик. А значит, как только луна скроется, я опять стану крысой.

Я до крови прикусила губу, с силой шарахнув кулаком по стеклу. Гады! Все гады, ненавижу! Ещё один удар заставил зеркало пошатнуться, я замахнулась в третий раз, но мой кулачок перехватили. Кого ещё чёрт принёс?! Я зло повернулась и сквозь пелену слёз увидела Бернардо. Ну надо же, а я думала мальчишка сбежал и вернётся только в сопровождении священника и вязанки хвороста либо охотника на оборотней!

— Чего надо?! — рявкнула я, злостью прогоняя слабость и слёзы. — Чё припёрся?!

Бернардо с лёгкой улыбкой протянул мне платье, заставив меня досадливо прикусив губу. Чёрт, точно, я же его за шмотками отправляла... Ясное дело, извиняться перед каким-то слугой я не собиралась, гордо выхватила платье и уже без прежней грозы в голосе приказала:

— Отвернись.

Не то, чтобы я смущалась присутствия мужчины, но пристальное внимание слуги меня сильно раздражало. Чего, спрашивается, уставился? Физиология разыграла? Я покосилась на послушно отвернувшегося Бернардо и недоверчиво хмыкнула. Мда, если он чего и хочет, то только возвращения Диего. Может, я права, и у парня действительно большие проблемы с ориентацией? Хотя моё-то какое дело, пусть хоть по примеру Калигулы коня любит, главное, чтобы меня не трогал. А вообще, досадно, я привыкла к обожанию, в крайнем случае попыткам привлечь моё внимание, а тут на меня смотрят как на диковинную зверюшку. Чёрт, может, мне этого индейца соблазнить? Я опять покосилась на стоящего ко

мне спиной парня и презрительно фыркнула. Ещё не хватало, слугу соблазнять! Тем более, индейца, бе-е-е. Лучше с Диего замутить, тот и симпатичнее, и вообще кабальеро. Теперь-то у меня есть всё для укрощения нашего красавчика Зорро!

От мысли о том, что я снова стала человеком, моё настроение стремительно улучшилось, я даже замурлыкала себе под нос какую-то попсовую песенку, чей прилипчивый мотивчик с лихвой компенсировал отсутствие смысла и рифмы в тексте. Правда, пение скоро пришлось прекратить, уж больно заполошно Бернардо ко мне повернулся, решил, придурок, что мне плохо. Нормально я пою, у меня почти идеальный музыкальный слух, просто далеко на каждый может это понять!

Я зло махнула рукой, приказывая слуге отвернуться, и стала натягивать на себя принесённое Бернардо платье. Надеюсь, он его не с какой-нибудь служанки снял? Я скептически пощупала ткань, проверила швы и расплылась в довольной улыбке. Нет, это платье принадлежало знатной даме, вряд ли в этом доме служанки могут позволить себе наряды из натурального шёлка, да ещё и с декоративной вышивкой серебряными нитями. Так это что же получается, Бернардо принёс мне платье матери Диего? Или ограбил любовницу дона Алехандро? Наряд или с покойницы, или с подстилки, мда, что и говорить, завидная обновка!

Я гадливо передёрнула плечами, но платье не бросила, другого-то всё равно нет, а бегать голышом я не согласна. И не потому, что стыжусь своего тела, вовсе нет, просто прохладно без одежды. Кое-как, сдавленно ругаясь сквозь зубы, я выпуталась из длинной юбки, поправила серпантинном закрутившиеся рукава и не сдержала звучного проклятия: застёжки платья располагались сзади и представляли собой ядерную смесь шнуровки и крючков. Так вот зачем знатым дамам все эти болтливые горничные и прочие камеристки, вовсе не для того, чтобы сплетни сводить и амурные записочки передавать.

Я досадливо прикусила губу. У меня камеристки не было, и что мне теперь, в стиле ню ходить, сверкая обнажённой грудью и держа юбку, чтобы платье окончательно не слетело? Да фигу всем!

— Помоги платье застегнуть, — приказала я, даже не глядя на Бернардо, но проклятый мальчишка сделал вид, словно не услышал. Оглух, парнишка?

— Эй, глухой что ли?! — рыкнула я. — Кому говорят, застегни мне платье!

Бернардо даже не шелохнулся. Так, я не поняла, это ещё что за бунт на корабле?!

— Бернардо, — мой голос можно было разливать по бутылкам и выдавать военным в качестве смертельного оружия массового поражения, — не прикидывайся тупее, чем ты есть на самом деле. Живо застегни мне платье!

Мальчишка наконец повернулся и с совершенно серьёзным видом замахал перед моим носом руками. Это ещё что за фокусы?

— Хватит сквозняк устраивать, — презрительно фыркнула я и попыталась отвернуться, но мерзкий мальчишка схватил меня за плечо, отчаянно жестикулируя.

А вот не надо меня трогать, когда не просят! Я моментально, на рефлексе попыталась заехать обнаглевшему слуге в нос. Бернардо ловко уклонился, поспешно шагнул к столу и что-то нацарапал на выхваченном из стопки листке бумаги. Нашёл время для писул! Я уже открыла рот, чтобы высказать безмозглому паршивцу всё, что я о нём думаю, как парень сунул исписанный листок мне мало не в лицо. Я брезгливо отстранилась, но Бернардо так настойчиво пихал мне в руки листок, что пришлось его всё-таки взять. Так, что тут у нас? Как говорила незабвенная Людмила Прокофьевна из бессмертного «Служебного романа»,

почитаем, полюбопытствуем. Если, конечно, смогу разобрать каракули немого слуги, которого сам Диего назвал слабоумным. К моему искреннему удивлению, смешанному с лёгкой досадой, паршивый мальчишка обладал прекрасным каллиграфическим почерком, о каком мне оставалось только мечтать (в детстве мне неправильно поставили руку, поэтому пишу я довольно своеобразно, Ленка, помню, всё прикалывалась, что мою подпись никто подделать не сможет). Так, а что же этот чудик написал-то?

Придерживая платье на груди, я брезгливо трянула листком, выражая своё отношение к посланию и заодно расправляя его. Та-а-ак, что тут у нас? Ого, да этот мальчишка совсем обнаглел! Я с нарастающим возмущением снова и снова перечитывала ровные строки: «Если сеньорита хочет, чтобы я ей помог, нужно вежливо попросить». Причём этот вконец охамевший слуга ещё и подчеркнул слово вежливо, отмечая тем самым его значимость! Я скомкала бумагу и уже собралась запустить его в рожу обнаглевшему мальчишке, как вдруг поняла одну простую вещь: кроме этого немого Бернардо никто в целом доме не знает о моём существовании! Для всех я обычная крыса, пригретая прихотью Диего, не более того. И если этот проклятый индеец меня убьёт, ему за это ничего не будет! Я досадливо прикусила губу, скривилась, словно проглотила горькую пилюлю, и медовым голосочком, от которого мои коллеги смертельно бледнели и начинали заикаться, пропела:

— Всемиловейший сеньор Бернардо, будьте так любезны, помогите мне застегнуть это прелестное платье.

Мальчишка недоверчиво моргнул, но к моему искреннему огорчению быстро совладал с собой и снова стал невозмутимо-бесстрастным, словно скалистый утёс. Гр-р, ненавижу индейцев! Я резко повернулась к слуге спиной, решив для себя, что если он не поможет с этим чёртовым платьем, то я буду ходить голой! И Диего пожалуюсь, что его слуга меня обижает, а что, ябедничать и наушничать я умею, сколько раз на работе практиковалась! Моей спины так неожиданно коснулись тёплые шероховатые пальцы, что я чуть в голос не заорала. Блин, нервы ни к чёрту стали, надо бы пустырничка попить или ванну с успокаивающими аромамаслами сделать. В крайнем случае, сексом нервы полечить, тоже помогает...

Я так красочно представила, что сзади меня стоит не Бернардо, а Диего, и платье не натягивают повыше, а наоборот, спускают с плеч, обнажая нежную кожу, что даже приглушённо застонала. Голова откинулась назад, открывая для поцелуев шею, соски под тонкой тканью требовательно напряглись, а в низу живота запульсировал огненный шар, постепенно наливающийся жаром и увеличивающийся в размерах. Сердце обкуренным воробьём подлетело к горлу и затрепыхалось там, отчаянно пытаюсь вырваться наружу, губы пересохли от тщетного ожидания поцелуя. Чёрт-чёрт-чёрт, ну ведь нельзя же так!

Я резко рванулась к окну, подспудно ожидая, что меня удержат, а ещё лучше, крепче прижмут к себе, осыпая страстными ласками, но проклятый мальчишка наоборот поспешно убрал руки и проворно отпрыгнул в сторону, крайне озадаченным моим поведением. Что, мальчик, никогда не видел, как даму плющит от желания? У ваших благородных во всех отношениях девиц такое не принято? Вот именно поэтому вы, индейцы, и вымерли, как мамонты!

Я передёрнула плечами, выравнивая дыхание, а то пыхла, словно марафонскую дистанцию пробежала, нацепила на лицо строго-невозмутимую маску и, плавно повернувшись к Бернардо, отвесила ему изысканный поклон, коротко бросив:

— Благодарю за помощь.

У индейца мало глаз дёргаться не начал. Внутренне демонически хохоча, но внешне сохраняя полную невозмутимость, я всё тем же изысканно-светским тоном, который действует даже на откровенных «быков», продолжила:

— Сеньор Бернардо, не будете ли Вы так любезны принести мне стакан воды?

Слуге понадобилось пять минут, чтобы осознать, что я обращаюсь именно к нему, и ещё пять ушло на понимание того, о чём именно я его попросила. Мда, не зря его Диего слабоумным назвал, совсем не зря.

Я глубоко вздохнула, страдальчески морщась, помассировала висок и повторила просьбу, сохраняя полную невозмутимость. Слабоумный Бернардо наконец-то понял, чего от него хотят, поклонился и вышел из комнаты, но не успела я облегчённо выдохнуть, как паршивец вернулся, взял с ночного столика ключ, ещё раз поклонился мне, бесшумно вышел из комнаты, после чего самым наглым образом запер её на ключ! Эй, я не поняла, это что за шутки! Я метнулась к двери со скоростью биатлониста, которого перед самым финишем нагло подрезал пьяный мужик на снегоходе, всем телом налегла на ручку, но дверь даже не шелохнулась! Я прикинула толщину дерева, из которого неведомый, к счастью для него, строитель построил эту дверку, и тихо застонала: ворота крепости, мимо которых мы проезжали с Диего, и то были тоньше. Проклятый слуга запер меня, словно воришку! Гад, ну я ему устрою! Дыша огнём похлеще любого сказочного дракона, я резко отвернулась и окинула комнату кровожадным взглядом. Ну всё, мальчик, ты сам нарвался, это уже даже не война, на войне шадят женщин и детей (совершенно напрасно, на мой взгляд) и берут пленных, это бойня! И у тебя нет шансов в ней выжить!!!

Первым делом я посмотрела на тайник, неумело замаскированный картиной с каким-то испанским пейзажем. Мои губы искривила очень нехорошая усмешка, при виде которой мои коллеги спешили разбежаться в разные стороны или притвориться элементами интерьера. Ну что, мальчик, проверим, насколько ты нужен Диего? Я припала ухом к двери, убедилась, что в коридоре тихо, и лёгким скользящим шагом направилась к тайнику. Сняла картину и не сдержала тихого возгласа изумления: дверца тайника не была даже закрыта! У них тут что, воров вообще нет?! Или кто-то свято убеждён, что к нему никто не сможет вломиться? Что ж, как говорил мой отец, дураков учить надо. Я философски пожала плечами и бестрепетной рукой достала лежащие в тайнике бумаги. Так, что тут у нас? Какие-то письма, грамоты, прочая ерунда, разбираться в которой у меня нет ни малейшего желания. Лично мне эти бумажки не нужны и неинтересны, а значит, в камин их! Я посмотрела на огонь в камине, подмигивающий мне яркими язычками пламени, словно шаловливый котёнок, взвесила бумаги в руке и отрицательно покачала головой. Нет, уничтожать их глупо. Во-первых, не факт, что получится свалить всё на Бернардо, а во-вторых, если правда откроется, мне влетит. Убьют вряд ли, но прибить, а то и покалечить могут запросто. А значит, проведём небольшую галантную комбинацию, в просторечии именуемую подставой.

Я ловко запихала вытащенные из тайника бумаги в одежду Бернардо, отошла на пару шагов и скептически изучила проделанную работу. Хм, весьма неплохо, бумаги не заметны, их можно обнаружить, только если целенаправленно перерывать гардероб, а я не замечала за Бернардо страсти к щегольству. Да и не пристало слугам нарядами интересоваться, они не для этого нужны. Я обвела комнату алчным взглядом, прикидывая, что бы ещё такое сотворить, но тут моя крысиная ипостась (о, какое я мудрёное слово вспомнила!) сообщила о том, что Бернардо подходит к двери. Грациозней лани я метнулась к креслу и опустилась в него, чинно расправив юбки и церемонно сложив руки на коленях. Чёрта с два этот

мальчишка сможет меня в чём-то заподозрить, я с детских лет лучше всех во дворе в карты играла, лицо держать умею!

Слуга вошёл в комнату с таким видом, словно ожидал обнаружить здесь налаженное производство водородной бомбы, не меньше. Я старательно подавила улыбку, продолжая изображать из себя полную невинность, честное слово, я даже нимб у себя над головой представила! Бернардо ещё несколько секунд напряжённо всматривался в моё безмятежное личико, затем всё-таки отмер, подошёл ко мне и протянул бокал воды. Мда, мужская щедрость не знает границ. Попросила воды, одну воду и получила, ни кусочка шоколадки к ней, ни пироженки, ни вежливого вопроса об ужине... Одно слово, мужчина!

— Благодарю, — я изящным жестом благородной дамы приняла воду и сделала крошечный глоток. Какое счастье, хотя бы не минералку притащил, с детства терпеть её не могу! — Ты можешь идти, Бернардо, если мне что-то понадобится, я тебя позову.

Индеец так выпучил глаза, словно был китайской игрушкой из тонкой резины, которую сильно сдавили с боков. Не расслабляйся, пупсик, со мной вообще следует быть в постоянном тонусе!

— Что-то не так? — наигранно приподняла бровки я, делая ещё один кукольный глоточек воды.

Бернардо отчаянно замахал руками, горячо доказывая мне, что он никуда не уйдёт и одну меня в комнате не оставит. Ладно, зайка, ты сам напросился, можешь остаться.

— Не устраивай сквозняк, — я слабо, чтобы не оставлять морщинок, поморщилась и томно взмахнула ручкой, — меня продует. Хорошо, если хочешь, можешь остаться. Ты будешь развлекать меня беседой, пока не вернётся Диего.

Бернардо очень натурально изобразил вытащенную из воды рыбу. В который раз признаю, что Диего был тысячу раз прав, назвав этого мальчишку слабоумным! И вообще, мне кажется, что Диего единственный нормальный, относительно нормальный, мужчина в этом безумном мире! Ужас какой-то, как только Америка с такими кадрами дожила до наших дней!!!

— Надеюсь, хотя бы слушать мою непринуждённую болтовню ты в состоянии? — я смерила индейца пренебрежительным взглядом.

Мальчишка призадумался, настороженно глядя на меня своими тёмными мефистофелевскими глазами, а потом неуверенно кивнул. Учти, пупсик, ты сам согласился. Я коварно улыбнулась, набрала в грудь побольше воздуха и застрекотала чудовищным гибридом стрекозы с пулемётом. До Варьки из отдела кадров мне, конечно, всё равно было не дотянуть, она могла вещать без пауз часа четыре, но судя по постепенно мрачневшему лицу Бернардо, ему и этого хватало. Врождённая, воспетая во множестве книг и фильмов индейская невозмутимость трещала по швам не хуже идущего на дно «Титаника», а судя по алчным взглядам, бросаемым на подушку, мальчишка всерьёз начал обдумывать грубые способы укрощения моего фонтана красноречия. Ладно, помолчим, тем более что у меня уже голос сел и в горле пересохло.

Я с наслаждением допила воду, протянула бокал Бернардо и с кокетливой улыбкой милой девочки попросила:

— Будь другом, принеси ещё водички.

Слуга с такой поспешностью вскочил на ноги, словно у него под стулом разверзлась геенна огненная, выхватил у меня бокал, едва не уронив его на пол, и выбежал из комнаты быстрее охотника, сдуру вломившегося в берлогу к медведю. Правда, сволочь индейская,

дверь на ключ запереть не забыл, ну да ладно, я и тут найду чем себя развлечь. Я легко поднялась с кресла и направилась напрямиком к шкатулке, которую заметила, пока «щебетала» с Бернардо. Так-с посмотрим, что тут у нас. Шкатулка, гадство какое, оказалась заперта, а у меня под рукой не было ничего достаточно тонкого и острого, чтобы её открыть. Ладно, чёрт с ней, со шкатулкой, другим чем-нибудь себя развлеку. Например... Например... Я открыла крышку сундука и хищно улыбнулась. Например, буду плести сеточку из шейных платков.

К тому моменту, когда вернулся Бернардо, я пришла к двум неутешительным выводам: во-первых, рукодельницей я никогда не была и вряд ли стану, а во-вторых, шёлковые платки очень тяжело даже просто связывать друг с другом. Поэтому я искренне обрадовалась, почувствовав приближение слуги, с готовностью захлопнула крышку сундука, предварительно закопав перекрученные и завязанные узелками шейные платки поглубже, и опять села в кресло, не глядя цапнув с полки какую-то книгу. Ага, типа я тут сидела и читала, и ничего такого не делала. Ну совсем ничего!

Бернардо опять подозрительно застыл на пороге, но ничего изобличающего меня не заметил, заметно приободрился и даже попытался приветливо улыбнуться. Конечно, радушная улыбка плохо вязалась с настороженно-изучающим выражением глаз и лёгкой пришибленностью позы, но я решила не обращать внимания на подобную ерунду. У самой-то, между прочим, тоже улыбка далека от искренней и беззаботной, я заметила кончик торчащего из сундука платка. Вот чёрт, не хватала ещё запалиться по такой ерунде! Чтобы отвлечь внимание мальчишки от того угла, где стоял проклятый сундук, я поперхнулась водой и отчаянно раскашлялась. Бернардо побледнел, подскочил ко мне и с такой силой шарахнул меня ладонью по спине, что я чуть с кресла не вылетела. Вот уж действительно, сила есть, ума не надо!

— Благодарю Вас, — прохрипела я, мягко останавливая Бернардо, — Вы спасли мне жизнь.

И ресничками так нежно затрепетала, ну просто Наташа Ростова на первом балу!

Индеец расправил плечи, гордо выпятил подбородок и засверкал глазами. Я усилием воли стёрла с лица ехидную усмешку, напустила на себя невинно-беспомощный вид и, жалобно всплеснув ручками, прощепетала:

— Мне так тоскливо, я переживаю за Диего, куда он уехал?

Действительно, где этого паршивца чёрт носит, к бабе что ли смылся?! Помню, мне Ленка рассказывала про какого-то героя Смоленска, который так и сгинул: после бравой партизанской операции отправился к любимой девушке, у которой его и зацапал немецкий патруль. Чтобы не сдаваться живым врагу, парень подорвал себя гранатой. Надеюсь, у Диего хватит ума не повторять ошибок этого партизана, хотя, как сказали в фильме «Мушкетёры», мальчишки есть мальчишки. И они всегда найдут приключения на все части тела, которые заменяют им головы.

— Так где Диего? — повторила я, поскольку Бернардо не спешил раскрывать мне тайну исчезновения своего хозяина. — Я знаю, что он в костюме Зорро покинул гасиенду, но зачем? Куда направился?

Бернардо развёл руками, всем своим видом выражая полную неосведомлённость. Ага, будь я наивной дурой вроде Марьяшки, даже поверила бы. Я попыталась развести слугу на более подробный и, самое главное, содержательный ответ, но проклятый мальчишка вёл себя как партизан на допросе: молчал и делал вид, будто ничего не знает, не видел, не

слышал. Чёрт! Я уже готова была перейти к более основательным формам выпытывания важной для меня информации, как вдруг моё тело опять пронзила боль, к счастью, не такая сильная как в прошлый раз. Я застонала, выгнулась дугой и рухнула с кресла на пол, причём падала человеком, а упала уже крысой, с яростным писком пытающейся выкарабкаться из шёлковой ловушки, которой стало для меня платье. Самое обидное, что едва я выпуталась из ворота платья, как потайной ход открылся, явив до невозможности счастливого и довольного собой и всем миром Диего.

— Привет, Бернардо, — Диего белозубо улыбнулся, сбрасывая плащ и с видимым наслаждением стаскивая маску, — дон Рамирес свободен. А чего это мамино платье на полу делает?

Мы с Бернардо переглянулись и одинаково тоскливо вздохнули. Красавчик Диего пропустил всё самое интересное...

Глава 6

Бернардо всегда считал, что ему покровительствует Зиарна — Богиня Удачи, прекрасная крылатая дева. А как ещё назвать те счастливые стечения обстоятельств, то фантастическое везение, которое сопровождает его на протяжении всей жизни? Начать хотя бы с того, что его, одинокого немого сироту, взял к себе в семью дон Алехандро и не просто взял, а воспитал как родного сына! А то везение, с которым прощались всевозможные проделки, на которые так горазд был в детстве Диего, разве можно объяснить чем-нибудь иным, кроме как божественным вмешательством?! Конечно, повзрослев, Бернардо понял, что очень многое зависит от самого человека, его силы и желания, благодушия и приветливости, которым прощается гораздо больше, чем угрюмой замкнутости, но всё равно продолжал тайком каждый первый день осени приносить Зиарне пышный букет цветов, прося её милости не для себя, а для своего друга Диего. Вот уж кто обожает дёргать всех собак за хвосты, а драконов за крылья! Девицу эту в облике крысы приютил, а зачем? Тем более что крыска оказалась премерзопакостным созданием, как внешне, так и по поступкам. По мнению Бернардо, эту крысавицу стоило оставить на корабле, так нет, Диего её в свой дом притащил, носится с ней, как будто свет клином на этой облезлой крысе сошёлся!

А эта безумная идея в одиночку противостоять власти коменданта?! На что Диего рассчитывает, что его не узнают? Да даже полный идиот сможет связать приезд Диего с появлением Зорро и сделать соответствующие выводы! Однако спорить с Диего Бернардо не стал, наоборот, всячески поддерживал друга, прекрасно помня, что однажды принятое решение считается в семействе де Ла Вега законом. Ладно, пусть будет Зорро, а сам Бернардо, с благословения божественной Зиарны, сделает всё для того, чтобы узнать в изнеженном светском щёголе лихого ночного разбойника было непросто.

Как это чаще всего и бывает, принятое решение успокоило индейца, вернуло ему привычное умиротворение и хладнокровие, только вот ненадолго. То ли шаловливые духи ночи куражились, отмечая полнолуние, то ли просто суматошный денёк обязательно должен был так же сумбурно закончиться, но приключения с отъездом Диего не закончились. Наоборот, для Бернардо они только начинались! Сначала ничто не предвещало беды: Бернардо проводил друга до потайного хода, украдкой перекрестил его, а потом, воровато оглядевшись по сторонам, ещё и начертил ребром ладони в воздухе букву Z, символ Зиарны. Только начертив божественный знак, индеец понял, что та же Z скоро станет символом Зорро! К добру или худу подобное совпадение, Бернардо не знал, но по примеру своего друга предпочитал надеяться на лучшее.

Уже закрывая потайной ход, Бернардо увидел, как из темноты, истошно всхлипывая, завывая и самым несчастным образом хлюпая носом, бросилась крыса и буквально взлетела на плечо, уткнувшись мордочкой в шею. Даже индейская выдержка, которой Бернардо по праву гордился, дала сбой, индеец от неожиданности вздрогнул, попытался брезгливо отстраниться, но крыса вцепилась ему в ворот рубахи с такой силой, что отодрать её можно было только с одеждой. После третьей тщетной попытки снять крысу с плеча Бернардо, наконец, сдался и перестал её отдирать, даже по спинке ободряюще погладил. Ладно уж, пусть сидит, вон как испугалась, бедняжка, сразу видно, что девчонка, только они собственной тени боятся, от каждого громкого звука вздрагивают и в обморок падают.

Бернардо даже умилился такой трепетной крысиной ранимости, но как оказалось, он

слишком поторопился закопать томагавк войны. Крыска только начинала свой поход за скальпами. Попад в лунный свет, она странно содрогнулась всем тельцем и рухнула на пол, в полёте превратившись в обнажённую девушку. От изумления Бернардо опять, в который уже раз за сегодняшний вечер, потерял контроль над собой и ошалело вытаращился на симпатичную девицу. Конечно, не такую красавицу, как Мери, но тоже очень даже хорошенькую.

— Чего уставился? — рявкнула красотка тоном портовой девки. — Платье тащи, нечего на меня пялиться, извращенец!

От неза заслуженного оскорбления и обиды Бернардо покраснел и, круто повернувшись на каблуках, вышел из комнаты. Какова нахалка, в доме без году неделя, а командует так, словно ей все по гроб жизни должны и обязаны! Бернардо кипел от негодования, но огромным усилием воли нацепил на лицо маску абсолютного спокойствия. Теперь, когда Диего стал Зорро, нужно быть особенно осторожным.

Красотка, точнее, как её решил называть Бернардо, крысotka, оказалась не только грубой, но ещё и неблагодарной. За наряд спасибо не сказала, хотя это было платье покойной донны Марии, матери Диего. Сама платье застегнуть не смогла, а вместо помощи о просьбе опять командовать начала, мерзавка эдакая! Ну ничего, Бернардо вспомнил, как Диего ловко с этой крыской обращался, и точно так же себя повёл. Нечего всяким вредителям корчить из себя хозяек жизни! Получив отпор, крысotka немного присмирела, но всё равно не угомонилась, каждой клеточкой своего тела излучая злобу и недовольство, а как много она болтала, жуть! Вот не зря её крысой сделали, совсем не зря! Правда, после второго бокала воды девица вроде бы смягчилась, да и её тревога за Диего не была совсем уж притворной, но не успел Бернардо порадоваться такому желанному преображению, как девушка содрогнулась всем телом и опять стала крысой. А тут и Диего вернулся.

— Бернардо, — Диего потормошил друга за плечо, — Бернардо, ты чего, заснул?

Индеец мотнул головой, крепко стиснул руки друга, не сводя с него горящих от любопытства глаз.

— Хочешь знать, как у меня всё прошло? — понимающе усмехнулся Диего, моментально забывший про лежащее на полу мамино платье и странное поведение Бернардо.

Индеец согласно кивнул, по-прежнему внимательно глядя на друга. Просить Диего дважды не пришлось, он и сам жаждал рассказать о такой успешной ночной вылазке.

— Ты представляешь, они меня испугались! — голос Диего торжествующе зазвенел. — Солдаты разбежались от меня, как от чумы!

Бернардо вздохнул, лихорадочно обдумывая, как бы так половчее спустить друга с небес на землю. Ведь даже хромому старому ослу ясно, что Зорро просто повезло! Только вот как сказать об этом ему самому?!

— Да не переживай ты, — Диего шутливо толкнул друга локтем в бок, — я прекрасно понимаю, что в следующий раз такой паники уже не будет. Ничего страшного, что-нибудь другое придумаю!

Бернардо подавил тяжёлый вздох. Больше всего на свете ему бы хотелось, чтобы друг прекратил рисковать, но это было невозможно.

— Ты так и не объяснил, что здесь мамино платье делает, — Диего привычно перевёл разговор на другую тему, безошибочно определив скрытое недовольство друга. — Не для себя же ты его в самом деле взял!

Бернардо тяжело вздохнул и поднял глаза к небу, впервые в жизни искренне поблагодарив всех богов разом за то, что они лишили его дара речи.

— Бернардо? Ты меня заинтриговал. Признавайся, проказник, какую это сеньориту ты тайком принимаешь, а?

Бернардо досадливо дёрнул щекой и неловким взмахом руки указал на крыску, в чьих маленьких чёрных глазках, индеец был уверен в этом, светилась откровенная насмешка. Диего тоже посмотрел на крыску, которая моментально встала столбиком, отчаянно принюхиваясь и буквально излучая восторг от встречи с обожаемым хозяином. Даже хвост длинный из стороны в сторону как у собаки заметался.

— Бернардо, — Диего опустил на кровать, подхватив крыску на руки, — ты хочешь сказать, что принёс платье ей?

Индеец закивал так отчаянно, словно от этого зависела его жизнь.

— Кхм, — хмыкнул Диего, вертя крысу перед собой словно малыш новую игрушку. — А тебе не кажется, что этой сеньорите мамино платье несколько великовато?

Бернардо готов был собственной душой поклясться, что проклятая крыса заходится демоническим хохотом, внешне же продолжая изображать полнейшую невинность. Индеец сердито нахмурился и попытался объяснить другу, что происходило в комнате, пока Диего не было. Крыса была уверена, что Диего не поверит Бернардо, ведь для неё это был даже не рассказ, а сумбурное размахивание руками, но её ожидания не оправдались. Диего очень хорошо знал своего друга и верил ему безоговорочно.

— Значит, в свете луны эта милая зверушка становится человеком, — Диего ещё раз покрутил крысу в руках, изучая её с пристрастием целителя, которому принесли непонятный кусок гнилого мяса с просьбой вернуть ему прежний облик. — Забавно.

Бернардо обиженно фыркнул и скривился, отрицательно покачивая головой. Для него причуды крысотки забавными не были.

— Обижала она тебя? — усмехнулся Диего, и крыса звериным чутьём поняла, что пора бежать. Причём побыстрее и как можно дальше. — Ну что ж, раз сеньорита изволила показать тебе свой дурной нрав, значит... — Диего сурово посмотрел на испуганно прижавшую ушки крыску, — значит к падре Антонио она не поедет. Неси клетку, Бернардо.

Крыса яростно запищала и принялась выдираться из рук, но Диего цепко держал пленницу. Обезумевшая от гнева крыса отчаянно извернулась и укусила своего тюремщика за палец, за что моментально поплатилась: в отместку Диего стиснул крыску так, что она даже дышать могла с трудом, а в ушах зазвучал угрожающий хруст костей.

— Ещё раз посмеешь меня укусить, — прошипел Диего, не ослабляя хватки, — и я подброшу тебя в солдатскую казарму. Ясно?!

Крыса упрямо молчала, демонстративно не глядя на Диего и всем своим видом изображая оскорблённую невинность. Бернардо, который первым испытал угрызения совести (взрослый сильный мужчина, а жаловался на девчонку, как маленький!) примиряюще положил ладонь на плечо Диего.

— Вот упрямое создание! — расхохотался Диего, чей гнев схлынул подобно океанской волне. — Ты только посмотри на неё, Бернардо, ну прямо святая Каталина, только нимба для полного сходства не хватает!

Бернардо укоризненно покачал головой и, убедившись, что крыса надёжно заперта в клетке, бесшумно вышел из комнаты.

Диего

Итак, сеньорита крыска действительно оказалась оборотнем, в лунном свете превращается в девушку. Надо будет сегодня вечером дожидаться её превращения... Хотя нет, сегодня сеньорита проведёт вечер в клетке, слишком плохо себя вела. Я задумчиво лизнул укушенный крыской палец и негромко рассмеялся. Что и говорить, у малышки характер настоящего воина, только вот отделять друзей от врагов она не умеет. Или не хочет? Зачем она издевалась над Бернардо, чего ради? Падре Антонио говорит, что у любого действия есть причина, часто скрытая от глаз, порой неосознанная, но есть всегда. И что двигало этой сеньоритой? Желание показать свою власть? Я сердито хмыкнул, закинул руки за голову и украдкой бросил взгляд на стоящую на столике клетку. Крыса спала, свернувшись в клубочек и трогательно обвив себя хвостом. О какой власти может идти речь, если эта малышка превращена в крысу! Она даже не человек, по крайней мере, большую часть времени! Я резко повернулся на бок, отбросив одеяло. Ладно, допустим, у сеньориты просто дурной нрав, за который её и превратили в крысу, в конце концов, меня это совершенно не касается. Угу, не касается, как же. Я подобрал эту крысу, привёз её к себе в дом, значит, нравится мне это или нет, несу за неё полную ответственность. Я сердито перевернулся с боку на бок так, чтобы была видна клетка. Крыса по-прежнему сладко спала, чуть подрагивая лапками во сне, словно бежала куда-то. Интересно, что ей снится?

Крыса отчаянно запищала, задёргалась, словно у позорного столба, но глаз не открыла, не в силах вырваться из цепко вцепившегося в неё кошмара. Я потянулся к клетке и хотел уже вытащить крыску, как она внезапно распахнула глаза, истошно запищала и даже не дожидаясь, когда дверца полностью откроется, бросилась ко мне, царапая коготками кожу, взлетела на плечо и замерла, уткнувшись мордочкой мне в шею, жалобно попискивая и отчаянно дрожа.

— Тш-ш-ш, успокойся, малышка, — прошептал я, накрывая трясущееся как в лихорадке бархатистое тельце ладонью, — это был всего лишь сон.

Крыска перестала трястись, продолжая негромко судорожно всхлипывать и попискивать.

— Маленькая моя, — я бережно прогладил всё ещё напряжённую спинку, почесал пальцем за ушком, — вредная крыска. Не бойся, я никому не дам тебя в обиду.

Крыска завозилась, устраиваясь поудобнее, утыкаясь холодным мокрым носом мне в шею. Я бережно, придерживая зверюшку ладонью, опустился в кровать, решив, что даже если не усну, то просто полежу тихонько, чтобы крыску не тревожить. Надо ей, кстати, имя какое-нибудь дать, жаль, Бернардо не спросил, как её зовут, когда она девушкой стала. Хотя Бернардо тогда не до светских церемоний было, девица-то с нравом необъезженной кобылицы оказалась!

Я усмехнулся, пытаюсь представить разгневанную красотку, и опять погладил бархатистое тёплое тельце, доверчиво прижавшееся ко мне. Спи спокойно, малышка, обижать тебя — моя привилегия, никому другому я этого не позволю. Я даже сам не заметил, как медленно погрузился в густые, наполненные чуть слышными вздохами и шепотками волны сна.

Падре Антонио говорил, что ни один поступок, добрый или худой, не остаётся без воздаяния. Если человек совершит что-то дурное, его обязательно ждёт кара, причём вдвое большая совершённого им проступка. Благое дело, по утверждению падре Антонио, также вознаграждается вдвойне, правда, в отличие от неприятностей, благие дары регулярно

запаздывали. Однако в этот раз чудеса не заставили себя долго ждать.

Я проснулся от того, что Бернардо яростно тормозил меня за плечо.

— Чего тебе? — промычал я, вяло отмахиваясь от друга и делая попытку спрятать голову под подушку.

Бернардо, неслыханная дерзость, выдернул подушку и яростно замахал руками, указывая на дверь. Я насторожился и услышал сдержанный стук и голос отца:

— Диего, можно к тебе?

Отец?! И что ему надо, интересно?

— Да-да, входи! — крикнул я, приподнимаясь и повыше взбивая подушку. Пусть отец видит, что я ещё в постели, для светского щёголя выходить из комнаты раньше обеда — дурной тон.

— Ты ещё в постели? — отец укоризненно покачал головой и тут же встревоженно нахмурился. — Может, заболел?

— Нет, я прекрасно себя чувствую, — я не сдержавшись зевнул и с наслаждением потянулся. Спящая на подушке крыса дёрнула ушком и недовольно пискнула.

— Интересный у тебя крысёныш, — усмехнулся отец, с таким интересом глядя на крысу, словно впервые её увидел, — откуда?

— На корабле подобрал, — не стал лукавить я, уже привычно поглаживая крыску по бархатистой спинке. — И это крыска, а не крысёныш.

— Девочка, значит, — усмехнулся отец, не глядя подтягивая от стола стул и усаживаясь на него. — Диего, нам нужно с тобой серьёзно поговорить.

Оп-па, вот это новости с утра пораньше! Я вопросительно приподнял брови, но отец замолчал, смущённо теребя бороду. Мадонна, да что случилось-то? Отец влюбился и женился, пока я был в Испании? У него есть внебрачный сын? Отец решил стать сторонником коменданта?! Хотя нет, это уже полный бред, отец на такое никогда не пойдёт.

— Что случилось, отец?

Знаю, некрасиво отвлекать человека от раздумий, но меня уже буквально раздрает на части от любопытства!

— Скажи, сын, я действительно похож на старого дурака? — отец оставил в покое бороду и пристально посмотрел на меня.

Час от часу не легче!

— Что?! — недоверчиво переспросил я, надеясь, что ослышался.

— Я действительно стал старым дураком, которого презирает собственный сын?

Эм-м-м, кто-нибудь может мне объяснить, что здесь вообще происходит?! Крыска, почувствовав моё напряжение, проснулась и вся встопорщилась, угрожающе выгнув спину и злобно шипя на отца. Тише, маленькая, успокойся, не всё так плохо, как кажется на первый взгляд. Я накрыл растревоженную крыску ладонью, успокаивающе пробежался пальцами по спинке. Крыска протестующе запищала, вывернулась из-под руки и опять взбежала мне на плечо, с тревогой заглядывая мне в глаза.

— Всё хорошо, малышка, — шепнул я в отливающее розовым оттопыренное ушко, а затем твёрдо посмотрел на отца:

— Почему ты думаешь, что я тебя презираю?

— А зачем ещё ты мог прибегнуть к этому дурацкому маскараду? — фыркнул отец, передёрнув плечами.

У меня появилось стойкое ощущение, что мы говорим с отцом на разных языках.

— Я тебя не понимаю, отец, — я устало прикрыл глаза, в этот раз даже не притворяясь, меня действительно утомил этот бессмысленный несуразный разговор.

Отец укоризненно посопел, зачем-то передвинул стул, на котором сидел, кашлянул и сердито спросил:

— Ты что же, действительно считаешь, что, закрыв лицо маской и закутавшись в плащ, стал абсолютно неузнаваемым?! Напомню тебе, Диего, что ты мой сын! Я знаю тебя с того момента, как ты впервые открыл глаза и заорал так, что донья Лаура, жена донна Рамиреса, поперхнулась и замолчала на целых десять минут!

Теперь дураком почувствовал себя я. Чёрт, я даже подумать не мог, что отец узнает меня в костюме Зорро! А он узнал, но ничем, ни единым взглядом или вздохом не выдал меня другим почтенным сеньорам!

— Отец... — пролепетал я, пряча глаза и страстно мечтая провалиться сквозь землю.

Крыска, прекрасно почувствовавшая моё состояние, подозрительно приняхалась, а потом яростно расчихалась, трясая головой и смешно дёргая ушами.

— Похоже, твоя крыска защищает тебя, — отец великодушно сменил тему, — не знал, что грызуны могут быть настолько преданными хозяину.

О, знал бы ты, отец, что это за крыска! А может, сказать ему? Крыса повернулась ко мне и яростно сверкнула глазами. Кажется, прелестная сеньорита хотела бы сохранить своё инкогнито. Что ж, желание дамы закон для настоящего кабальеро.

— Да, милая крыска, — я неловко провёл рукой по крысиной спинке, нечаянно спихнув крыску с плеча на колени. Крысотка яростно пискнула и заползла под одеяло, кажется, я потерял последние крупицы уважения данной сеньориты.

— Диего, — отец побарабанил пальцами по колену, кашлянул и пристально посмотрел мне в глаза, — надеюсь, ты понимаешь, что чем меньше человек будет знать о том, кто скрывается под маской Зорро, тем будет лучше?

— Разумеется.

Ну об этом-то мне точно можно было не говорить, я же не маленький!

— Это касается и молодых прелестных сеньорит, которых много в нашем городе.

А, так вот куда клонит отец! Он переживает, как бы я в порыве любовной горячки не раскрылся перед какой-нибудь красоткой, повторив печальную участь потерявшего от любви голову Олоферна! Крыска, похоже, тоже догадалась, в какую сторону задул ветер, выцарапалась из-под одеяла и воинственно пискнула, кровожадно потирая лапки. Что-то мне подсказывает, что с таким бдительным стражем у прелестных сеньорит нет ни малейшего шанса...

— Не волнуйся, отец, — я коротко хохотнул, красочно представив крыску на поводке вместо охотничьей собаки, — я буду осторожен.

— Я тоже, — отец порывисто поднялся, а затем неожиданно крепко обнял меня, прошептав, — я горжусь тобой, мой мальчик.

У меня подозрительно защипало в носу, наверное, ночью немного просквозило, я кашлянул и нарочито бодро произнёс:

— После завтрака поеду к падре Антонио. Проведаю и заодно передам гостинцы из Испании.

— Неужели донна Лючия всё ещё не теряет надежды покорить эту неприступную твердыню? — усмехнулся отец, который, как и я, был не склонен к излишней сентиментальности и даже с родными предпочитал общаться исключительно по делу.

— Да, упорства ей не занимать, — улыбнулся я, вспомнив, с какими горящими отнюдь не благочестием глазами говорила почтенная донна о падре Антонио.

— Ну что ж, надеяться не запрещено, — пожал плечами отец, — как и верить.

— И любить, — добавил я, посмотрев на вскарабкавшуюся мне на колени крыску.

— И любить, — вздохнул отец, — хотя любовь чаще всего пытаются загнать в рамки всевозможных правил и запретов.

Я согласно кивнул и потянулся за одеждой. Бесшумно вошедший в комнату Бернардо, словно появившийся прямо из воздуха, с готовностью бросился мне помогать, вызвав у отца одобрительную улыбку, а у меня, наоборот, недовольную гримасу.

— Я тебе тысячу раз говорил, — начал я, но отец решительно перебил меня:

— Будет лучше, если все будут считать Бернардо обычным слугой. Не забывай, для таких людей, как комендант и его приспешники, дружба со слугами очень подозрительна и привлекает ненужное внимание.

Я резко втянул воздух через стиснутые зубы и неохотно кивнул, признавая правоту отца. Ничего, я добьюсь смещения коменданта, а если сильно повезёт, то на его место назначат Педро Гарсию. Он славный парень, по крайней мере, в детстве был таким.

Завтрак прошёл без особых приключений, если не считать того, что горничная, застилавшая мою постель, наткнулась на крыску и, истошно вопя, бросилась напрямик в столовую, чуть не сбив с ног стоящего у двери Бернардо.

— Крыса! — орала девушка, бестолково размахивая руками. — Огромная жуткая крыса гонится за мной, помогите!!!

— Успокойся, Эсмеральда, — поморщился отец, который буквально физически не выносил шума, — эта крыса — зверюшка Диего. Она ручная и безобидная.

Я сильно сомневался, что сеньориту крыску можно назвать ручной, а уж по поводу её безобидности и вовсе не питал никаких иллюзий. Эта малышка может за себя постоять и обид не прощает, хорошо хоть просто так, совсем уж без повода, не пакостит.

— Р-р-ручная? — заикаясь недоверчиво переспросила Эсмеральда, которая панически боялась крыс и мышей. — А разве их можно приручить?

— Разумеется, — я промокнул губы салфеткой, поднялся из-за стола и, чувствуя себя немножко падре Антонио, поучительно добавил. — Серые крысы считаются самыми умными животными.

— Да разве могут такие богомерзкие твари быть умными? — всплеснула руками Эсмеральда и добавила с простодушной улыбкой. — Сеньор Диего, верно, шутит.

Я чуть пожал плечами и улыбнулся в ответ. В конце концов, каждый из нас верит в то, что ему больше нравится, да простит меня за такую ересь католическая церковь!

— Готовь экипаж, Бернардо, мы уезжаем.

— А крыса? — опасно спросила Эсмеральда, которую раздирал страх, внушаемый крысой и ещё больший страх, внушаемый Розамундой, которая, я даже не сомневался в этом, приказала девушке убрать мою комнату.

— Не бойся, я закрою крысу в клетке.

Эсмеральда посмотрела на меня с восторгом прикованной к скале пленницы, которую я только что освободил от жуткой смерти. Мадонна, иногда для того, чтобы стать героем, достаточно спасти девушку от крысы! Женщины, кто вообще сможет вас понять?!

Как я и ожидал, крыса была категорически против того, чтобы оставаться дома в клетке, сеньорита явно хотела поехать со мной, но... Но!

— Я же тебя предупредил, что ты наказана за то, что издевалась над Бернардо, — пропыхтел я, старательно запихивая верещащую крысу в клетку. Да проще морского угря руками поймать, честное слово!

Крыса хлестнула меня хвостом, дрыгнула задними лапами, но я был упрямей и, самое главное в данный момент, сильнее, поэтому дверца клетки непреклонно захлопнулась за визжащей и яростно плюющей крысавицей.

— К твоему сведению, воспитанные сеньориты так себя не ведут, — укоризненно покачал головой я.

Крыса демонстративно повернулась ко мне спиной и даже попыталась шлёпнуть себя лапками по мохнатому задку. Мда, красноречивый ответ. Ох, чует моё сердце, сделать из этой крыски человека будет не так-то просто, как казалось в начале нашего знакомства, а ведь я всегда стараюсь трезво смотреть на жизнь, без лишних надежд. Ну и ладно, как говорит отец, тяжкий бой ещё не поражение, прорвёмся.

— Ну и дура, — я пожал плечами и повернулся к сундучку, в котором хранил свои шейные платки.

Тот платок, что на мне сейчас, после схватки с крысой оказался весь измят, местами даже нитки торчать стали, не мог же я ехать по улицам города с подобной тряпкой на шее! Это не только неприлично, но ещё и чрезвычайно пагубно для старательно создаваемого мной образа светского пустоголового щёголя.

Торчащий из сундука кончик платка моментально объяснил мне, почему крыска затихла и никак не отреагировала на мою довольно обидную фразу: паршивка успела напакостить и теперь затаилась в ожидании расплаты. Вот зараза, когда успела-то?! Я пинком открыл крышку злосчастного сундучка и присвистнул: старательно сложенные Бернардо шейные платки выглядели так, словно в них снаряд попал, все измятые, скомканные, на некоторых узлы навязаны.

— Так, — я выразительно втянул носом воздух и угрожающе повторил, — та-а-ак.

Крыса пискнула и попыталась просочиться сквозь прутья, но если не обременённая каким бы то ни было разумом голова смогла протиснуться, то толстая попа застряла намертво. Крыса истошно завопила, умоляюще кося в мою сторону маленьким блестящим глазом, но я был непреклонен:

— Умела напакостить, умей и отвечать.

Крыска отбросила личину беззащитного ангела став разъярённой фурией, отчаянно забила и смогла-таки втянуть голову обратно в клетку. Я философски посмотрел на прилипшие к решётке шерстинки, прикидывая, что мне теперь делать. Сейчас в клетке сидит относительно безобидное животное, но не стоит забывать о том, что ночью это бархатистый зверёк превратится в девушку, нет, ходячую проблему. Более того, эта девица прекрасно знает, что я и есть Зорро, а значит, сможет меня выдать! Тем более что и пакостить она любит, в этом я уже неоднократно убедился.

— Слушай меня внимательно, малышка, — я взял клетку в руки, не спеша открывать дверцу, чтобы строптивая пленница не улепетнула, — нравится это тебе или нет, но мы с тобой связаны. Не знаю, на беду или счастье ты попала ко мне, но теперь мы вместе, вместе, слышишь?

Крыса презрительно фыркнула и повернулась ко мне спиной, намекая, что не желает иметь со мной ничего общего. Вот зараза упрямая!

— Если ты будешь вести себя как крыса, то я и обращаться с тобой стану как с

животным! Будешь сидеть в клетке, носить дурацкие платица и гулять на поводке! И никаких превращений в человека, я лично буду во всём доме ставни на ночь закрывать!

Я зло поставил клетку на стол, развязал шейный платок и запустил его в стену, представляя на его месте одну наглую крысиную морду. Вот крыса, паршивка неблагодарная, зар-р-раза!!! Выдернув из сундука относительно прилично выглядевший платок, я повязал его простым узлом и вышел из комнаты, звучно хлопнув дверью.

По дороге в миссию, которой с давних пор руководил падре Антонио, я успокоился, тщательно обдумал брошенные в гнев слова и решил, что они не так уж и опрометчивы. Нужно, просто необходимо, чтобы крыса перестала вести себя так безрассудно и дерзко, иначе... иначе она станет смертельно опасна. Как говорится, не так страшен лев на равнине, как змея среди высоких трав. А значит, нужно научиться совмещать мягкость с разумной строгостью, чёрт, я словно о воспитании наследника думаю!

Я сердито фыркнул и попытался сосредоточиться на поездке, честно пытаюсь найти хоть что-то новое в местах, знакомых мне до последней выбоины на дороге.

— О, гляди-ка, Бернардо, у рыбака Игнасио новая сеть, — я кивнул на висящую на кособоком плетне сеть и со вздохом добавил, — а новую лодку я почему-то не вижу...

Бернардо воинственно выпятил грудь и надул щёки, весьма похоже изображая солдат из гарнизона.

— Солдаты забрали?

Бернардо кивнул, разыгрывая целую пантомиму. Из рассказа всезнающего, способного подобно пыли проникать в любую щель Бернардо выходило, что старик Игнасио не смог заплатить очередной внеочередной налог, которые так любит новый комендант, и солдаты конфисковали у старика единственное, что было ценного: его новую рыбацью лодку. Естественно, просто так подчиняться произволу властей старик не стал, пытался сопротивляться, за что получил удар хлыстом от коменданта.

— Вот оно что, — протянул я, невольно опуская руку вниз, где должен был находиться эфес шпаги. Должен был, но не находился, я же беспечный щёголь, не терпящий оружия. Ничего, наступит ночь...

Я так увлёкся планированием очередного появления Зорро (обязательно хлестнуть коменданта кнутом за старика Игнасио!), что не заметил, как мы добрались до миссии.

— Диего, мальчик мой, — падре Антонио, чьё изрезанное морщинами лицо напоминало вершину утёса, вышел из какой-то пристройки и направился ко мне, по пути поднимая руки для благословения. — Как я рад тебя видеть!

— Падре Антонио, — я коснулся губами тёплой, пахнущей сеном и солнцем шершавой руки священника, — рад видеть Вас в добром здравии.

— Хвала Господу и Пречистой Деве Марии, — кивнул падре, осеняя меня благословляющим крестом. — Ты вырос, мой мальчик, стал настоящим мужчиной. Отец, полагаю, очень гордится тобой.

— Сомневаюсь, — я криво улыбнулся, исторгнув печальный вздох, — отец хотел бы видеть меня воином, а не учёным.

Прозрачные, словно осеннее небо, серые глаза падре Антонио сверкнули, но продолжать беседу на улице, где столпились почти все обитатели миссии, мудрый священник не стал, мягко похлопал меня по руке и пригласил в дом отдохнуть с дороги и разделить скромную трапезу. Бернардо поручили заботам воспитывавшемуся в миссии Фелипе, шустрому озорному мальчишке, про которого говорили, что у него пять пар рук и

глаза на затылке. Обиженные многочисленными проказами мальчишки добавляли, что голова у него тоже не на том месте, на каком следовало бы быть, но лично я всегда считал парнишку очень сообразительным.

— Бернардо, Бернардо, — затормошил моего друга Фелипе, — а ты уже слышал про Зорро?

— Зорро? — я с удивлением повернулся к падре Антонио (нужно же узнать, что люди говорят, а то мало ли, может, в результате моей ночной вылазки комендант стал самым популярным человеком в городе). — Кто это?

Серые глаза падре Антонио опять сверкнули, но сказать священник ничего не успел, подпрыгивающий от распивавших его новостей Фелипе выпалил звенящим мальчишеским голосом, похожим на лай впервые выпущенного на прогулку щенка:

— Зорро — это защитник бедных и угнетённых, борец за справедливость, гроза неправедных судей и...

Резкая затрещина едва не сбила мальчика с ног.

— Придержи язык, парень, — прошипел метис Хуан, опасливо оглядываясь по сторонам, — не забывай, даже у стен есть уши!

— Плевать! — выпалил Фелипе, отбегая от метиса на безопасное расстояние. — Зорро не даст меня в обиду.

Угу, в самом худшем случае сам выпорю.

— Как говорит народная мудрость, на чудо надейся и сам не плошай, — падре Антонио взмахом руки прекратил начинающуюся перепалку и поманил меня за собой. — Идём, Диего, ты, верно, устал.

Я устало прикрыл глаза, изобразив слабую улыбку:

— Вы правы, падре, солнце так печёт...

— Где Вы солнце-то увидели? — опять вмешался неугомонный Фелипе. — Уж часа два как тучи всё небо заволочли.

Ещё один паршивец на мою голову! Точно выпорю!

— Такая духота, — простонал я, вытирая лицо платком. — А сколько пыли...

Падре Антонио хоть и выглядел немного удивлённым, спрашивать ничего не стал, наоборот, как радушный хозяин широко распахнул передо мной дверь. Есть такая примета: чем сильнее ты рад гостю, тем шире распахиваешь перед ним двери своего дома, только я не знал, что священники тоже следуют мирским обычаям.

Комнатка, в которую меня провёл падре Антонио, ничуть не изменилась за время моего отсутствия: те же массивные стены, на которых слабый раствор извести не закрывает грубых камней, а, наоборот, оттеняет их природный серый цвет, тот же низкий, угрожающе нависающий потолок. По замыслу строителя, это должно было навевать благочестивые размышления о тщетности бытия, но лично я всегда думал только о том, чтобы вовремя пригнуться и не стесать себе до кости кожу на голове. В углу по-прежнему растопырилось, словно просев от тяжести прожитых лет, узкое ложе, покрытое чистым белоснежным покрывалом с вышитыми на нём пёстрыми индейскими узорами. Над изголовьем ложа всё так же чуть поблескивало в неровном свете кособокого подсвечника, стоящего на столике, бронзовое распятие. Только на полу появилась широкая циновка, узоры на которой в точности повторяли узоры на покрывале.

— Присаживайся, Диего, — падре Антонио отодвинул от стены два шатких криволапых табурета и, подавая пример, опустился на один из них.

Я невольно затаил дыхание, но табурет с честью справился с возложенной на него почётной миссией и устоял. Будем надеяться, его собрат также с честью выдержит меня, мы с падре Антонио примерно одной комплекции.

— Радостно видеть, что за годы разлуки мальчик превратился в мужчину, — падре Антонио с одобрительной улыбкой окинул взглядом мою фигуру, и я поспешно сгорбился и скорчил усталую гримасу.

Брови падре Антонио выразительно взлетели вверх, серые глаза сверкнули.

— Сын мой, что происходит?

Я смущённо кашлянул. Не люблю врать, особенно тем, кого искренне уважаю.

— Посмотри на меня.

Я поднял глаза на падре Антонио. Священник поднялся, заставив табурет недовольно ревматически заскрипеть, взял стоящий на столике подсвечник и, поднеся его ближе ко мне, снова стал пристально меня изучать. Мадонна, да что он там увидел, у меня что, рога прорезались или хвост отрос?!

— Так странно, — задумчиво покачал головой падре Антонио, ставя подсвечник на место и опять усаживаясь на протестующе покосившийся табурет, — я смотрю на тебя, а вижу чёрную маску, закрывающую твоё лицо. Интересно, почему?

Усилием воли я растянул губы в беспечной улыбке и, беззаботно пожав плечами, предположил:

— Прониклись рассказами Фелипе об этом Зорро?

— Может быть, — падре Антонио в сомнении покачал головой. — Может быть...

Я задумчиво покусал губу, а потом небрежно спросил, так, из простого любопытства, не более:

— А что бы Вы сделали, если бы узнали, кто такой Зорро?

— Стал бы ему помогать и, разумеется, сохранил бы его имя в тайне.

Ого, вот это неожиданный поворот! Никогда бы не подумал, что почтенный и всеми уважаемый падре Антонио скрытый бунтовщик и мятежник!

— Кхм, — кашлянул я, чуть не упав с шаткого табурета, — а если это обычный бродяга разбойник, каких много в наших краях?

— Обычные разбойники, мой мальчик, редко могут позволить себе шёлковую одежду и холёных коней.

Я резко дёрнулся и свалился-таки с проклятого табурета. Готов поклясться чем угодно, что падре Антонио я ночью не встречал. Откуда он знает?!

— С чего Вы это взяли?

Падре Антонио усмехнулся, в серых глазах заплясали смешинки.

— Фелипе рассказывал. Он так подробно описал этого Зорро, словно сидел за его спиной!

Охотно верю. Этот паршивец к дьяволу на шею залезет, не в миссии будь сказано.

— А ещё Фелипе говорил, что ты привёз из Испании какую-то ручную крысу, необычайно разумную. Я думал, что ты возьмёшь её с собой в миссию.

Ох, падре Антонио, я тоже так думал, пока не узнал, что эта паршивка вытворяла в моё отсутствие! И кстати, о её разумности я бы поспорил.

— Не уверен, что прилично брать крысу в миссию, — смиренно заметил я.

— Все мы божьи твари, — мягко улыбнулся падре Антонио. — Привози крыску, мне будет интересно взглянуть на неё.

— Если Вы на мне разглядели маску, то что же увидите, посмотрев на крысу? — не удержался я и чуть не шлёпнул себя по губам.

— То же, что и ты, — падре Антонио опять странно сверкнул глазами. — То же, что и ты.

Упрямую своенравную сеньориту, которую хочется то приголубить, то придушить? Падре Антонио, да Вы не так просты, как казались мне раньше...

Дверь без стука распахнулась, и шагнувший в комнату Фелипе звонко протараторил:

— Падре Антонио, у нас всё готово, можно приглашать сеньора Диего к столу. Сеньор Диего, а Вы Зорро видели?

А то, в зеркале, когда костюм примерял.

— Нет, Фелипе, — я покачал головой и наставительно добавил. — Я ночью сплю и тебе советую делать то же самое.

— Так всю жизнь проспять можно, — фыркнул непоседливый паренёк, — а комендант с самого утра на ногах, ездит по богатым сеньорам, Зорро ищет.

Физические нагрузки, особенно утренние прогулки верхом, удивительно полезны для здоровья, пожелаем удачи несравненному сеньору коменданту.

— Фелипе, — падре Антонио, наконец, смог вклиниться в болтовню мальчишки, — ты совсем заболтал нашего гостя. И опять не спросил разрешения войти!

— Так Вы же сами говорили, что Ваша комната открыта для каждого, — невинно захолопал глазками Фелипе и тут же опять перескочил на интересовавшую его тему. — Сеньор Диего, а Вы знаете, кто такой Зорро?

Знаю. Но именно тебе не скажу, не хочу, чтобы уже через час ко мне нагрянул комендант с солдатами.

— Нет, Фелипе, — я покачал головой, брезгливо поморщившись, — среди разбойников у меня знакомых нет.

И что самое интересное, я сказал чистую правду!

Мальчишка разочарованно замолчал, его ясное детское личико накрыло облако непритворной печали, но очень скоро озорные глазки опять смотрели на мир широко и весело:

— Ничего, сеньор, не огорчайтесь! Как только я узнаю, кто такой Зорро, сразу же скажу об этом Вам и падре Антонио! Слово Фелипе Эсперанса!

— Лучше скажи нам, каких успехов ты достиг в освоении грамоты, — попытался умерить мальчишеский пыл падре Антонио. — Брат Хосе жаловался мне, что ты опять был невнимателен на уроках и писал крайне небрежно.

— А зачем мне грамота? — искренне удивился Фелипе. — Я же не знатный сеньор, чтобы дни напролёт читать книжки, я буду отважным пастухом, таким же, как отец и пятеро моих братьев!

— Твой отец грамотен и братья тоже, — не отставал падре Антонио. — И даже матушка и сёстры могут написать своё имя.

— Отец говорит, что сёстрам не стоит забивать голову всякими бреднями, иначе их никто не возьмёт замуж.

Я всегда знал, что Хуан Эсперанса умный человек, надо будет при случае сказать нечто подобное крыске. Хотя нет, с неё станется за такие слова мне и в лицо вцепиться. Отважная сеньорита, интересно, какова она на лицо? Сегодня же вечером, ах да, сегодня вечером она наказана, а вот завтра... Завтра можно будет чисто случайно сделать так, чтобы лунный свет

попал в комнату. Ставни неплотно прикрыты или вообще замешкаться и «не успеть» их закрыть. Ладно, придумаю что-нибудь, время ещё есть.

Каталина

И почему мне с таким постоянством не везёт с мужчинами, а?! На работе были одни слюнтяи и хлюпики, позволяющие вытирать о себя ноги. Попала к Диего, ещё даже не успела обрадоваться, что наконец-то встретила настоящего мужчину, так на тебе, он оказался редкостным козлом! Мало того, что ни за что ни про что в клетку посадил, так ещё и пригрозил, что я больше никогда не увижу лунного света, а значит, не смогу стать человеком! И самое страшное, что был абсолютно серьёзен, моя звериная интуиция ни капли не сомневается, что он именно так и сделает!

А всё Ленка, зараза, чтоб ей до конца своих дней на учительскую зарплату жить: «Ах, это так прекрасно — Настоящий Мужчина, рядом с которым ты можешь быть слабой и беззащитной!» Ну стала я слабой и беззащитной, что в этом хорошего-то? Только тиранят все, кому не лень, а особенно старается этот самый типа Настоящий, которому по канонам жанра следует меня оберегать и защищать!

Я обиженно шмыгнула носом и всерьёз задумалась, не устроить ли мне демонстративно-показательную истерику? А что, на практике проверено, парни при виде женских слёз начисто теряют остатки своего скудного разума. Я прислушалась к звериному чутью (классная вещь, оказывается!) и поняла: с Диего такой номер не пройдёт. В лучшем случае он даст мне что-нибудь вкусненькое, а в худшем — выставит в потайной ход причём прямо в клетке. Ясно, истерика отменяется, заменим её голодовкой. На Бернардо подействует точно, а вот сработает ли с Диего? Я попыталась привычно просчитать все варианты развития событий и отчётливо вспомнила услышанный где-то термин: точка невозврата. Это что-то вроде момента, после которого действие уже нельзя отменить. Ну, как первый артобстрел, после которого начинается война, или щелчок по иконке «Переустановить систему». Так вот в моих отношениях с Диего гнойным фурункулом стремительно назревает эта самая точка невозврата. Если я продолжу пакостить, по крайней мере, так демонстративно, то он выполнит своё обещание и сделает всё, чтобы я осталась крысой, тем более что особенно стараться и не придётся, достаточно просто закрыть меня в клетке и не выпускать ночью. Значит, придётся пойти на компромисс: он помогает мне, а я не порчу ему жизнь (или старательно заметаю следы, чтобы доказать мою вину было почти невозможно).

Я досадливо хлестнула хвостом и обиженно запищала, больно ударив кончик хвоста о прутья решётки. Безобразие, разве можно держать такое маленькое беззащитное существо в клетке! Гринписовцев на вас, гадов, нет!

В комнату опасливо, боком, натужно сопя и держа, словно рыцарь щит, ведро, вошла служанка. Господи боже, что здесь такого у Диего понапихано, что слуги с такими предосторожностями заходят?! Я опасливо принюхалась, прекрасно понимая, что в отличие от служанки, которая в случае опасности отчаянно завизжит и удерёт со скоростью маршрутки, заметившей на остановке льготника, в этой дурацкой клетке буду лёгкой добычей любому монстру. Всего и делов, открыть дверцу и как следует тряхнуть клетку перед распахнутой пастью! Неприятно осознавать, но я сейчас даже Бернардо бы обрадовалась, всё-таки какая-никакая, а защита.

Пока я предавалась девчачьей панике, заразительней любого ОРЗ, служанка поставила

ведро и, держа тряпку наподобие распятия перед собой, отважно пропищала:

— Сеньора крыса, дон Алехандро сказал, что Вы ручная и безобидная.

Это я-то? Ну-ну.

— Мне необходимо тут убрать, — продолжала уже увереннее служанка, — я постараюсь Вас не беспокоить, а Вы в свою очередь обещайте меня не пугать.

Кхм, я страшно извиняюсь, и какой реакции ждёт эта пигалица от обычной, пусть и ручной безобидной крысы? Или в этих краях разумные животные — абсолютно нормальное явление?

Однако оказалось, что девчонка болтала просто так, не меня, а собственный страх заговаривая. Очень действенная методика, кстати.

— Понимаете, сеньора крыса, — щебетала уже окончательно успокоившаяся девица, проворно протирая пыль, — у нас Розамунда страх какая строгая, весь дом во как держит! — девица стиснула хлипкий кулачок, ни капельки меня не впечатливший. — Её даже дон Алехандро слушается, а вот дон Диего нет.

Охотно верю. Этот красавчик вообще не склонен прислушиваться к чужому мнению, упрямо торит собственный путь, не смотря ни на что. Чёрт, да он мне нравится! Я сердито фыркнула и мотнула головой, а потом яростно заскоблила задней лапой за ухом, чтобы служанка ничего не заподозрила.

— А Вы симпатичная, — назойливая девица, которой вообще-то следовало продолжать уборку, подошла ближе к клетке, с любопытством меня разглядывая и, на всякий случай, не выпуская тряпку из рук. — Понятно, почему дон Диего решил оставить Вас у себя.

Ха, ты меня ещё человеком не видела! И он, кстати, тоже. Вспомнив о своей фигуре, которую я с одержимостью великого скульптора доводила до совершенства, я огорчённо пискнула, даже слёзы на глаза навернулись.

— Ты чего, крыска, — всполошилась девица, роняя тряпку и прижимая руки к довольно пышной груди, — что случилось?

Не обращай внимания, приступ хандры одолел... хотя, нет, не уходи, ты ещё можешь мне пригодиться. Я постаралась придать мордочке максимально умильное выражение, сложила ушки фантиком и встала на задние лапки, прижав передние к груди.

— Какая ты хорошенькая! — служанка позабыла все страхи и теперь смотрела на меня как маленькая девочка на выставленную в витрине магазина большую куклу.

Отлично, то, что мне и нужно. Я обвернула хвостик вокруг тельца, пошевелила усиками и одной лапкой легко коснулась дверцы клетки. Открой, а? Смотри, какая я лапочка, какая хорошенькая, ты же хочешь взять меня на ручки? Так будь умницей и открой клетку.

— Нет, малышка, — пропищала девица, огорчённо покачав головой, — выпустить тебя я не могу. Дону Диего это не понравится.

Да он даже не узнает! Честное слово, мне только тело размять, а то я вся скукожилась в этой клетке, словно платок в кармане. Я опять пошевелила усиками, сделала ещё более умильную мордашку и опять, уже более настойчиво, потрогала дверцу.

— Нет, — девица решительно отошла от клетки, — и не проси. Дону Диего такое самоуправство точно не понравится.

И что? Съест он тебя, что ли? Я раздражённо фыркнула и повернулась к девчонке спиной. Вот интересно, чем этот красавчик всех так охмурил, что его даже эта трусливая курица послушаться не может? И не потому, что боится наказания, а потому, что уважает! Невольно скользнула подленькая мыслишка, что у меня такого никогда не было,

подчинённые боялись крепко, а вот уважения и в помине не было, мда-с. Ладно, чёрт с ними со всеми, не буду портить себе настроение, оно и так не особо радужное.

— Хочешь, я тебе вкусенького принесу? — заискивающе пропищала служанка, обежав вокруг стола и с собачьей преданностью заглядывая в клетку. — Хочешь?

Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Я облизнулась и задёрнула носиком. Ладно уж, тащи вкусняшек, да не жмоться, побольше неси!

— Сейчас, я мигом! — служанка резко повернулась, начисто позабыв, что пришла сюда вообще-то не меня развлекать, а чистоту наводить. — Подожди немножко.

Ты не поверишь, куколка, я никуда не собираюсь. По крайней мере до тех пор, пока один упрямый красавчик меня не выпустит. Господи, до чего я докатилась: стала целиком и полностью зависеть от парня! В голову помимо воли полезли воспоминания, привычно отмахнуться от которых у меня не получилось.

Я ведь не родилась такой законченной стервой, стала ей благодаря встречавшимся на пути «добрым» людям. В детстве я была застенчивой тихоней, для которой даже спросить который час у случайного прохожего уже было подвигом. В школе, если бы не покровительство Ленки, мне бы пришлось совсем лихо: одноклассники не упускали возможности жестоко надо мной посмеяться. Тогда я поняла, что людям наплевать, какая ты добрая и милая, если ты плохо одета и не едешь летом на море, нищая служанка никому не нужна, все тянутся к сказочным принцессам. И я решила стать такой принцессой, нет, королевой! Чтобы те, кто презрительно морщил носы и отворачивался от меня в школе, из кожи вон выпрыгивали, стремясь обратить на себя моё внимание.

В чудеса я не верила, прекрасно понимая, что любое чудо — это девяносто процентов труда и только десять процентов удачи, а потому старательно училась, ночами просиживая за учебниками, ведь с медалью поступить на бюджет гораздо проще. Ленка привычно поддерживала меня, помогая шгудировать учебники и прося многочисленных знакомых помочь в изучении трудной темы или подготовке к экзаменам. Благодаря нашему упорству мы блестяще сдали экзамены и без труда поступили: я на престижный факультет журналистики, а Ленка выбрала педагогический.

Я горько пискнула, вспомнив, как мы с ней до хрипоты разругались из-за этого её дурацкого выбора. Я психанула и ушла, громко хлопнув дверью, твёрдо уверенная, что Ленка не выдержит и уже на следующий день прибежит ко мне мириться. Но Ленка не пришла ни на следующий день, ни через два дня, ни через неделю. Я собиралась сама позвонить, но яркая студенческая жизнь, в которую я вступила с гордо поднятой головой и обновлённым в результате подработок гардеробом, закружила меня, и я старательно запихнула тревожащие меня воспоминания в самый дальний и тёмный уголок души. Ленка меня обязательно поймёт и простит, а пока нужно создавать своё будущее, ковать железо, пока оно не успело остыть.

В университете я впервые попала на шумную вечеринку, где выпивка лилась рекой, а границы дозволенного стирались, словно рисунки на воде. Меня, воспитанную практически в пуританском стиле, такая вседозволенность и шокировала, и манила одновременно. Я уже привычно вошла в образ компанейской девчонки, весело смеялась и шутила, охотно, пусть и неуклюже, кокетничая с парнями. Как оказалось, флирт, тщательно описанный в книгах, существенно отличается от того, что происходит в реальной жизни. Парни на вечеринке предпочитали не тратить время на ухаживания, норовя зажать в уголок потемнее и давая полную волю рукам. Мои романтические грёзы о прекрасном принце дрогнули и пошли

трещинами, когда я смотрела на этих пьяных, едва держащихся на ногах представителей так называемого сильного пола. И это — лучшие парни универа?! Может быть, Золушка потому и удрала от принца, что он повёл себя как пьяная скотина?

Я уже собиралась уходить, когда на вечеринку пришёл Он. Олег Огнев, красавец спортсмен, единственный сын богатых родителей. Самый настоящий Прекрасный Принц для провинциальной Золушки, которой я себя тогда считала. К моему тихому восторгу Олег моментально заметил меня, пригласил на танец, завязал непринуждённую беседу. Я, дура наивная, думала, что Олег заметил меня потому, что я вся из себя такая уникальная и неповторимая, ага, как же! Плевать ему и его друзьям было на мою уникальность, душу нежную и сердце трепетное, Олег хотел лишь пополнить коллекцию соблазнённых девиц.

Я запищала, заметалась по клетке, но кому хоть раз в жизни удавалось убежать от самого себя? Воспоминания преследовали меня разъярёнными пчёлами, впивались отравленными стрелами, напоминая о том, что я рада была бы забыть даже ценой своей жизни. Окрутить меня прямо на вечеринке Олегу не удалось, пришлось дальше ломать комедию и проводить меня до дома. Точнее, до общежития, вход в который парню решительно преградила суровая вахтёрша, ласково называемая студентками Мадам Смерть. На Мадам Смерть не подействовала ни обольстительная улыбка, ни случайно мелькнувшая в руках пятитысячная купюра. Пришлось Олегу церемонно целовать мне руку и умоляющим голосом просить о встрече в парке. Естественно, я согласилась не задумываясь, готовая визжать от восторга. После ухода Олега Мадам Смерть пыталась меня предупредить, поматерински наставить на путь истинный, но я цеплялась за придуманную сказку с упорством закоренелого язычника. Олег пригласил меня на свидание, он любит меня! Да, что и говорить, я была страшной дурой.

Я раздражённо фыркнула, потёрла лапками мордочку, шмыгнула носом и свернулась в клубочек. Что и говорить, человек несовершенное творение природы, у него есть масса недоработок: зависимость от пищи и сна, сердце, которое так легко задеть всяким криворуким Амурам, и отличная память, будь она проклята. Ладно, продолжим сеанс самобичевания, точнее, воспоминаний. Олег ходил за мной хвостом аж две недели, срок для университетского Казановы немаленький, что и говорить. Ни о какой надуманной мною любви с первого взгляда и речи, понятное дело, не шло, просто парень поспорил на деньги, что сможет завалить меня в койку, вот и старался. Как сейчас помню эту проклятую вечеринку в честь Нового года, на которую я пришла в статусе официальной девушки Олега. Олежек мне даже при всех колечко подарил, золотое, с голубым камушком в форме сердечка, как невесте, ага. Естественно, вечер закончился в кровати, причём ради такого дела Олег привёл меня в свою квартиру, которую ему снимали заботливые родственники, чтобы мальчику проще было до учёбы добираться. Из самой «ночи любви» я запомнила только жуткое смущение, сильную боль в низу живота и резкие толчки, от которых я вся тряслась как одинокое дерево в ураган. Неземного наслаждения, которое захлёб описывают в любовных романах, не было, я даже задремала, чем чрезвычайно обидела Олежку. Правда, устраивать скандал Олег не стал, дождался утра и торжественно выпроводил меня из квартиры, клятвенно пообещав позвонить. Думаю, глупо говорить, что звонка от него я так и не дождалась. Самое страшное было потом: мой первый мужчина с гордостью (было бы чем гордиться, честное слово!) демонстрировал видео нашего секса всем желающим в универе, доказывая, что перед его сексуальностью не устоит никто. Девицы ахали и пачками сыпались к ногам красавчика, парни уважительно хмыкали и сально поплёскивали глазами в

мою сторону, а я... Сначала я обливалась слезами и хотела сдохнуть, жадно присматриваясь к бритвам и верёвкам, а потом страшно напилась в компании Мадам Смерть. Причём инициатива исходила от вахтёрши, которая как-то отловила меня поздним вечером и приказала явиться к ней. Спорить желания у меня не было, я покорно пришла к Мадам и с вялым удивлением заметила у неё на столе открытую бутылку коньяка. Дополнительным элементом декора стояло блюдечко со скукоженной лимонной коркой, призванной имитировать закуску.

— Пей! — приказала женщина, всучивая мне бутылку. — Пей до дна и внимательно слушай меня, девочка.

Я пила и слушала, слушала и пила. В обжигающих глотках коньяка разлеталась на мелкие осколки самая чистая и верная первая любовь, пеплом развеивались такие дурацкие понятия как Нежность и Честность, вместо них гордо вскидывали голову, зло щерясь на окружающий мир Жёсткость и Упрямство. Распахивала непроницаемо-чёрные крылья упоительная, будоражащая кровь Мечь, жадно потирала руки Злопамятность, пинками вгоняя в грязь Милосердие и Доброту. Спасибо тебе, Олежек, ты показал мне истинную цену Настоящих Мужчин!

После того коньячного вечера, плавно перешедшего в страшно похмельное утро, я вывела для себя чёткое правило: никому не верить, никого не любить и никогда не плакать. Только сейчас, оказавшись закинутой чёрт знает куда, превращённой в крысу и запертой в клетке, я сломалась. По щекам помимо моей воли потекли горячие ручейки слёз. Ну почему, почему у меня всё через копчиковый отдел спинного мозга, а? Что я, проклятая что ли, почему та же курица Марьяшка, выдра лицемерная, имеет право на счастье, а я нет? Чем я хуже?!

— Первый раз вижу, чтобы крысы плакали, — громом среди ясного неба прозвучал голос дона Алехандро.

Я испуганно пискнула и поспешно повернулась к почтенному дону спиной. Плевать, что это невежливо, нефиг в комнату без стука вламываться!

— Диего заждалась? — дон Алехандро решительно подошёл к клетке и распахнул дверцу. — Не переживай, он скоро приедет.

Кхм, вообще-то далеко не всё в этом мире вращается вокруг Диего. Я нахохлилась, намекая, что хочу остаться одна, но почтенному сеньору мои желания были как стоимость эмбрионов морских черепах на чёрном рынке, до лампочки. Моё сердито распушённое тельце накрыла тяжёлая ладонь, длинные пальцы заскользили по шкурке, поглаживая и чуть-чуть почёсывая.

— Знаешь, малышка, — в голосе дона Алехандро я отчётливо услышала улыбку, — мне кажется, тебе не повредит кусочек сыра.

Я недоверчиво замерла, отчаянно приносиваясь. Дон Алехандро не лгал, не бредил и не играл на публику. Он действительно хотел меня порадовать вкусным лакомством. Кажется, я понимаю, в кого Диего такой уродился, у них это наследственное. Рыцари без страха и упрёка, блин.

Я фыркнула, но, тем не менее, милостиво повернулась к дону Алехандро. Глупо отказываться от возможности покинуть клетку и заодно перекусить.

— Прошу, — почтенный кабальеро галантно подставил мне ладонь, словно я была не крысой, а знатной дамой, почтившей его дружеским визитом.

Красиво ухаживает, интересно, что ему от меня надо? Наверное, хочет, чтобы я

шпионила за Диего. Да ну, бред полный, если дону Алехандро понадобится соглядатай, он его без проблем найдёт среди слуг. Тогда с чего бы вдруг такое внимание и забота? Я яростно зашевелила носиком, пытаюсь с помощью звериного чутья узнать о тайных замыслах дона, но не ощутила ничего кроме сладковатого аромата жизнелюбия, терпкого, с коричневыми нотками, запаха уверенности в себе и бодряще-лимонного флёра готовности к решительным действиям. Забавно, дон Алехандро с сыном даже пахнут одинаково, только Диего ещё чем-то авантюрно-хвойным благоухает, особенно в костюме Зорро. А как он сексуален в этом чёрном облегающем наряде!

В глубине живота словно вспыхнул раскалённый уголёк, сердечко, и так-то стучащее быстрее, чем у человека, зашлось бешеным галопом, разгоняя по жилам отравленную сладострастием кровь. Да что же это такое, в самом деле, я готова кончить от одного мимолётного упоминания о Диего! Нет, нужно срочно становиться человеком и соблазнять красавчика. Плевать, что это неприлично и вообще не принято, примем!

Я завозилась, пытаюсь укротить собственное распалённое тельце, и чуть не рухнула на пол, хорошо дон Алехандро успел меня подхватить и водрузить обратно на плечо.

— Осторожней, сеньорита.

Да я сама осторожность! Я крепче вцепилась коготками в плечо почтенного дона и сделала несколько глубоких вдохов, призванных очистить разум и привести в порядок чувства. Не скажу, что проверенное средство сработало и в этот раз, но всё-таки я чуть-чуть успокоилась и отогнала от себя образ обнажённого Диего. Отогнала, я сказала!

— Розамунда, принеси мне кофе, а этой пушистой сеньорите сыра, — дон Алехандро опустил в глубокое кресло, бережно перенеся меня с плеча на стол.

Я с нескрываемым интересом воззрилась на пухлую сеньору, к которой обратился дон Алехандро. Так вот какая она, грозная Розамунда, держащая всех слуг в страхе и трепете! Где-то я её уже видела... Точно, на крыльце, она выходила встречать Диего. На первый взгляд обычная тётка, ничего особенного, но если присмотреться, сразу видна сильная неординарная натура, способная коня пинками в горящую избу загнать.

К слову замечу, Розамунде не очень понравилось, что дон Алехандро меня на стол посадил, чёрные брови сурово дрогнули, яркие губы поджалась, но делать замечание своему господину служанка всё-таки не стала. Только засопела угрожающе, выразительно глядя на меня.

— Ступай, Розамунда, я не люблю ждать, — дон Алехандро повелительно взмахнул рукой, с воистину королевской невозмутимостью игнорируя недовольство служанки.

Как бы вернувшись Диего вместо отца не нашёл только сметаемую в совок кучку пепла...

— Да, сеньор, — Розамунда коротко кивнула и, чуть косолапя, направилась из комнаты.

Ого, а дон Алехандро совсем не промах! Я невольно испытала уважение к этому немолодому мужчине, способному без брани и жестокости повелевать людьми. Честное слово, у меня так не получалось!

— Не переживай, малышка, — дон Алехандро пощекотал меня за ушком, — Диего скоро вернётся. Всё будет хо...

— Дон Алехандро, — в комнату без стука влетел встрёпанный мальчуган, такой чумазый, словно им тщательно вычистили все дворовые пристройки, — там... у ворот... комендант с солдатами! Они требуют дона Диего!

Оп-па! Вот это поворот! Моё сердце ёкнуло и замерло, ушки и лапки похолодели от

волнения и страха за этого несносного мальчишку. Чёрт, когда я успела привязаться к этому смазливому герою?!

— А на каком это основании комендант смеет что-либо требовать в моём доме? — нахмурился дон Алехандро, медленно поднимаясь из кресла.

Лично мне от этого простого и в общем-то безобидного движения захотелось зажмуриться и забиться в норку поглубже. Или прикинуться элементом декора, объёмной вышивкой на рукаве почтенного кабальеро.

Мальчишка гулко сглотнул и по-мушиному почесал одну босую ногу о другую, страстно мечтая провалиться сквозь землю или просто сбежать.

— Успокойся, Рэмми, — дон Алехандро потрепал пацанёнка по макушке, — ты ни в чём не виноват. Пошли, встретим коменданта как следует!

— Мне топорик из кухни прихватить? — выпалил Рэмми и надулся, услышав мой пренебрежительный писк и смешок дона Алехандро.

Держите меня семеро, тоже мне вояка выискался!

— Мы не станем хвататься за оружие, — дон Алехандро опять погладил поникшего мальчишку по голове, — по крайней мере до тех пор, пока на нас первыми не нападут.

— И тогда мы им покажем! — воинственно взмахнул крепкими кулачками Рэмми. — А Зорро нам поможет!

— Зорро? — дон Алехандро чуть заметно напрягся, не будь я в крысином обличье, даже не заметила бы. — При чём здесь Зорро?

— Ну ка-а-ак, — протянул Рэмми, гордый до безобразия тем, что в кои-то веки знает больше своего господина, — всем известно, что Зорро — защитник угнетённых и борец с произволом и беззаконием!

Я не сдержала истеричного смешка, чуть не рухнув с плеча дона Алехандро, за что была удостоена пламенного взора оскорблённого в лучших чувствах мальчишки. Между прочим, папаша тоже кашлянул чрезвычайно неубедительно, но ему, как господину и повелителю, естественно, всё простили. Я уже совсем собралась было обиженно нахохлиться, но мы уже подошли к воротам, за которыми комендант с солдатами уже мало огнём не дышали от того, что их, всех таких крутых и грозных, ждать заставили. До чего же эти вояки нетерпеливы, жуть просто!

Родриго Гонсалес был свято убеждён, что скряга жизнь никогда не даст ему в полной мере тех благ, что он заслужил одним фактом своего появления на свет, а значит, глупо ждать милостей от судьбы, нужно вырвать их у неё с боем и кровью. Родившийся единственным сыном после бесплодных десяти лет брака, и заключённого-то только с целью появления на свет наследника, Родриго с самого детства привык к тому, что он избранный, перед которым открыты все дороги, дворцы и сундуки, битком набитые сокровищами. Но пустоголовая кокетка-жизнь, способная одним щелчком пальцев повергнуть всемогущего властелина в грязь и из той же грязи возродить нового героя, с беззаботным смехом смешала амбициозному мальчишке все карты. Сначала умерла мать Родриго, на хрупких плечах которой лежала ответственность не только за семью и продолжение рода, но и материальное благополучие всех обитателей фамильного замка. Потеря матери донельзя огорчила Родриго, ведь из-за траура он лишился своего первого официального выхода в свет и представления членам королевского семейства! Юный дон Гонсалес скрипел зубами, в своих покоях на чём свет стоит проклинал дурацкие обычаи и так некстати скончавшуюся родительницу, но публично усиленно изображал скорбь. Что поделать, лицемерие — залог успеха и процветания в благородной Испании.

Не успел Родриго оправиться после смерти матери, точнее, тех «неудобств», которые с ней были связаны, как пришла новая беда: оставленный без контроля властной супруги дон Гонсалес пустился во все тяжкие и в скором времени промотал на пирушки и роскошных, пусть и легко доступных красоток всё своё состояние. Путь блестящего придворного для амбициозного юноши оказался закрыт, оставалось идти или в священники, или в военные. Тщательно изучив оба варианта, Родриго предпочёл грубой сутане и показной набожности блеск мундира и звон шпор, после чего не задумываясь поступил в кавалерийский полк, благо к седлу был приучен сызмальства. Неприятной неожиданностью оказалось для пылкого вояки то, что в армии существует жёсткая дисциплина (и кто бы мог подумать!), а офицеры страшно не любят норовящих их превзойти мальчишек, которые и пороха-то толком нюхнуть не успели. Родриго мысленно проклинал всё и всех, но внешне старательно изображал ответственного и исполнительного воина, готового без раздумий отдать жизнь за родную Испанию. Увы, ставшее привычным лицемерие никак не приносило золотых яблок, увенчанных лавровыми венками, в карманах у Родриго по-прежнему было пусто, а слава шла исключительно «с душком». Пылкий кабальеро уже почти отчаялся и решил подать в отставку, чтобы перейти на ранее отвергнутую стезю духовного пастыря (должность не ахти денежная, зато можно весело проводить время с хорошенькими прихожанками, не зря ведь каморки для исповеди такие маленькие и тёмные!), но тут ему удалось-таки ухватить за хвост свою птицу-удачу.

На балу Родриго танцевал вальс с одной пусть и поблёкшей, но всё ещё очаровательной донной, особую прелесть которой придавало весьма внушительное состояние, доставшееся ей от покойного супруга. Очарованный блеском золота, которое ловко скрывало преждевременное увядание дамы, Родриго превзошёл всех и уже к концу вечера получил от донны милостивое приглашение в гости. С трудом выдержав положенные по этикету пару дней, лейтенант (пока ещё только лейтенант) Гонсалес буквально прилетел к своей драгоценной даме. Как оказалось, донна получила от покойного супруга не только огромное

состояние, но ещё и весьма симпатичную дочку, которую мачеха, радея исключительно о спасении души невинной девы, держала почти за прислугу. При виде молодого прелестного личика и весьма аппетитной, уже вполне сформировавшейся фигурки кровь лейтенанта закипела, а облегающие штаны выразительно показали всю глубину «нежных чувств» кабальеро.

Конечно, бросать донну Родриго не собирался, а потому разыграл весьма галантную комбинацию: ухаживал за почтенной дамой, выкачивая из неё денежки, и при этом охотно резвился с её падчерицей, клятвенно обещая бедной девушке жениться на ней, как только... Ну, вы сами понимаете, каждый раз находилась очень уважительная причина для того, чтобы отложить не только свадьбу, но и официальное сватовство. Жизнь наконец-то заиграла для Родриго Гонсалеса яркими красками, он даже смог получить (купить, но кому это интересно!) звание капитана, как вдруг проклятая судьба в очередной раз щёлкнула своими пальчиками, и всё полетело напрямик в ад. Красотка падчерица обнаружила, что беременна, и с гордостью сообщила эту прекрасную, с её точки зрения, весть своему возлюбленному. Родриго буквально окаменел от ужаса, а девица требовала немедленного обручения и свадьбы, в противном случае угрожая рассказать всё мачехе. Рассказывать ничего не пришлось, донна уже давно подозревала неверного возлюбленного и самым возмутительным образом подслушала разговор Родриго с его пассией! Скандал вышел знатный, капитана Гонсалеса от потери чина и, что было для него самым страшным, свадьбы спас старый друг отца, выхлопотавший для него должность коменданта в богом и людьми забытом Лос-Анхелесе. Стоит ли говорить, что амбициозный капитан, со скандалом и позором вышвырнутый из Испании, ещё до приезда ненавидел и город, в котором должен был служить, и всех, кому не посчастливилось жить в этом жалком городишке.

Увы, Лос-Анхелес оправдал самые мрачные предчувствия Родриго: это действительно был тихий сонный городишко, управляемый горсткой спесивых кабальеро, вдали от настоящей власти считавших себя прямыми потомками бога на земле. Конечно, терпеть старческую спесь капитан Гонсалес не собирался, а потому делал всё для того, чтобы никто в городке не сомневался: он и только он власть и сила Лос-Анхелеса. Денег это приносило не особенно много, зато уязвлённое самолюбие врачевало. А потом комендант случайно узнал, что в городишке есть золото! Об этом болтал пьяный индеец в кабачке, искренне уверявший всех, что он прямой потомок могущественного племени майя. Конечно, бредням пьянчуги никто не верил, но, тем не менее, комендант приказал солдатам схватить индейца под предлогом нарушения общественного порядка. После трёх часов у позорного столба, являвшегося единственной достопримечательностью центральной площади города, и пятнадцати ударов плетью несчастного и окончательно протрезвевшего индейца бросили в тюрьму, где и состоялась беседа с комендантом. Прикованный цепями к стене старик угрюмо молчал и категорически не желал общаться с почтившим его своим визитом капитаном Гонсалесом, пришлось развязывать упряму язык раскалёнными на огне клещами.

Индеец, понятное дело, после такой «горячей» беседы умер, но успел назвать сеньоров буквально сидящих на золоте. Их оказалось не так и много: дон Алехандро де Ла Вега, пожалуй, признанный лидер этого провинциального болота, дон Михаэль, по которому слезами горячими обливалась верёвка, а то и топор палача, дон Эстебан, живая мумия, которую потеряли в небесной канцелярии, не иначе, и дон Рамирес, в чьей биографии было столько тёмных пятен, что это наводило на размышления, причём отнюдь не о звёздах.

Внимательно изучив всё, что только удалось узнать о данных кабальеро, комендант составил простой и потому вполне исполнимый план действий: сначала арестовать дона Рамиреса, благо его можно обвинить в любой нелепице, всё равно никто ничего толком об этом сеньоре не знает, затем арестовать дона Михаэля, мотивируя это тем, что дон Рамирес признал его своим соучастником. Потом подстроить «естественную» кончину дона Эстебана (а если повезёт, старик и сам сдохнет, пачкаться не придётся) и только потом, как говорится, на сладкое, заняться доном Алехандро. Де Ла Вега комендант после долгих размышлений тоже решил убить, арест почтенного и всеми уважаемого, будь он неладен, кабальеро вызовет ненужные возмущения, а смерть... Что ж, неисповедимы пути господни, смерть чаще всего забирает самых достойных. Главное всё провернуть так, чтобы никто ничего не заподозрил.

Родриго Гонсалес был человеком действия, а потому долго тянуть с исполнением задуманного не стал. Правда, всё, в который уже раз, пошло совсем не так, как мечталось. Арест дона Рамиреса вызвал возмущение жителей городка, причём не только богатых кабальеро (эти-то, понятно, за собственную шкуру испугались), но даже нищеты! И кто бы мог подумать, что у старика Рамиреса окажется столько сторонников! А тут ещё этот проклятый Зорро появился из ниоткуда, словно чёртик из шкатулки. Дурни-солдаты, которых вином не пои, дай языками почесать, тут же вспомнили старинную легенду о таинственном лисе-призраке Зорро, борце за справедливость. Ага, за справедливость, как же! Зорро обычный бунтовщик и мятежник, поэтому и пакостит по ночам, трусливо прикрываясь маской. Комендант не сомневался, что проклятый ночной гость, с дуру испортивший тщательно продуманный план, не неуязвимый для оружия смертных призраков, а обычный мальчишка, которому нечего делать. Или перед сеньоритой выделяется, помнится, у Рамиреса живёт какая-то девица, то ли дочь, то ли племянница, может, и любовница старика, чёрт её знает. Девица не играла какой бы то ни было важной роли в гасиенде, а потому и внимания к себе не привлекала. Хватит с него смазливых нищобродок!

Капитан Гонсалес был твёрдо уверен: кто бы ни скрывался под маской Зорро, он сумеет его найти и схватить. А потом торжественно повесить на главной площади городка. За такой подвиг его даже наградить могут, ещё бы, ликвидировал опасного бунтовщика и мятежника, хо-хо! Окрылённый такими радужными мечтами комендант направился на поиски Зорро. Начать решил с богатых гасиенд, ведь одет был проклятый разбойник явно не в рубище, да и конь не выглядел измождённым, так и лоснился, скотина. Значит, искать надо среди знатных кабальеро и их окружения, а кто у нас недавно в городишко прибыл? Комендант довольно потёр руки, в очередной раз похвалив себя за то, что в своё время настоял на том, чтобы прибрать таможенную службу к свои рукам. А то, поди ты, раньше этим губернатор занимался!

Быстро просмотрев списки прибывших за две недели (если бы Зорро приехал раньше, он бы не стал затягивать с вылазкой, арест Рамиреса не первое беззаконие в Лос-Анхелесе), Родриго выписал самых подозрительных кабальеро, после небольшого сомнения добавив туда и дона Диего де Ла Вега. На первый взгляд Диего безобиднее мотылька на цветочной лужайке, но, как говорится, лучше переоценить врага, чем недооценить его. Мальчишку стоит проверить, пусть и в последнюю очередь. Довольный собой, комендант собрал солдат и отправился на поиски Зорро. Он не сомневался, к вечеру, крайний срок завтрашнему утру, разбойник будет пойман, допрошен с пристрастием и повешен. Жизнь, чёрт побери, всё-таки прекрасна!

Прекрасной жизнью казалась капитану Гонсалесу ровно до того момента, пока поиски проклятого Зорро из азартной охоты на человека не превратились в занудную рутину, то есть уже на третьем кабальере из списка. Родриго бесила необходимость стучаться в ворота гасиенд, ждать на постепенно усиливающемся солнцепёке, пока ленивые слуги, такие же наглые, как и их хозяева, позовут своих спесивых господ. Затем объяснять, что случилось, заставляя примерять пустоголового сыночка богатых родителей чёрный плащ и маску, сделанную сержантом Гарсией (криворуким идиотом, как его только в армию взяли!). Ни один из кабальеров, чтоб им всем в аду гореть, причём ещё при жизни, не соглашался цеплять эти проклятые тряпки сразу, приходилось заставлять, приказывать, угрожать.

— Три тысячи чертей, — бурчал капитан Гонсалес, — этот проклятый лис заплатит мне за всё! Я клянусь, он будет на коленях умолять меня о смерти!

— Комендант, гасиенда дона Алехандро, — робко проблеял сержант Гарсия, лицо которого блестело от пота.

— Отлично, — Родриго хищно усмехнулся и гаркнул что есть мочи. — Эй, вы, мухи сонные, открывайте ворота!!!

— Как прикажете доложить? — продребезжал из-за ворот старческий голос.

— Это ещё что за фокусы?! — окончательно взбеленился комендант. — А ну, немедленно открывайте нам ворота, если не хотите, чтобы мы их в щепки разнесли, а вас отправили гнить в тюрьме!

— Как прикажете доложить дону Алехандро? — упрямо проскрипел старик привратник, который не понаслышке знал крепость и надёжность ворот гасиенды.

— Комендант с солдатами! — рявкнул капитан Гонсалес, бросая вокруг такие лютые взгляды, что солдаты постарались слиться со своими конями в единое целое. — Нам нужен дон Диего, срочно!

На миг воцарилась тишина, потом что-то негромко проскрипел ненавистный коменданту старческий голос, и ворота наконец открылись. Родриго нетерпеливо прищпорил коня и буквально влетел во двор, дыша огнём не хуже легендарных драконов и страстно мечтая, чтобы кто-нибудь дерзнул оказать сопротивление, чтобы можно было разорвать этого безумца голыми руками. Только вот стоящий в окружении насупленных слуг крепкого телосложения и статный, несмотря на совершенно седую голову, дон Алехандро скандалить и возмущаться произволом военных не собирался. Он просто стоял, выразительно положив одну руку на бок, а второй придерживая сидящую на плече взъерошенную, непрерывно скрежещущую зубами крысу. И было в тёмных глазах почтенного кабальера что-то такое, что капитан Гонсалес остановил коня, вежливо коснулся полей шляпы кончиками пальцев и почти мягко уточнил:

— Дон Алехандро де Ла Вега, если не ошибаюсь?

За год правления Родриго успел запомнить внешность всех мало-мальски известных людей в городе, но правила этикета требовали именно такого вопроса. И подразумевали такой же вежливый ответ, а не вышвыривание незваных гостей за ворота гасиенды.

— Вы не ошиблись, комендант, — дон Алехандро коротко кивнул, словно встреча произошла на званом вечере, а не в прокалённом солнцем дворе гасиенды. — Чем обязан?

Капитан Гонсалес чуть слышно скрипнул зубами. Ему бы хотелось покинуть осточертевшее за это утро седло, промочить пересохшее горло бокалом вина, а лучше несколькими, да хотя бы просто укрыться в тени, но... Но! Дон Алехандро царь и бог на своей земле, без его разрешения визитёры не могут даже спешиться, иначе это будет

расцениваться как вторжение, и проклятый старик с чистой совестью отдаст своим слугам приказ убить коменданта. И солдаты не станут мешать де Ла Веге, наоборот, как бы ещё не присоединились к нему!

— Мне бы хотелось побеседовать с Вашим сыном, доном Диего.

На лице дона Алехандро не дрогнула ни одна жилка, только губы досадливо поджались, заставив коменданта мысленно усмехнуться. Да уж, подобным сынком Родриго тоже бы не стал гордиться.

— Диего отправился навестить падре Антонио, полагаю, до наступления прохлады его можно не ждать.

Комендант мельком взглянул на небо, прикидывая время ожидания неуловимого кабальеро. В принципе, не так и много, всего час — полтора, за это время люди и кони успеют отдохнуть. Так, минуточку, старик сказал, что сын уехал!

— Дон Диего отправился верхом? — с как можно более безразличным видом, словно просто для продолжения светской беседы уточнил комендант.

— Диего почти не ездит верхом, — неохотно ответил дон Алехандро и с нескрываемой досадой добавил. — Он не любит лошадей.

Сидящая на плече кабальеро крыса наконец-то подавилась собственной злобой и издала странный звук: что-то среднее между кашлем и чиханием. И как только старику не противно держать так близко у лица это мерзопакостное создание!

— Милая зверюшка, — холодно улыбнулся комендант, даже не посмотрев на крысу, — хотя должен заметить, у Вас довольно необычный выбор домашнего питомца.

— Это питомец Диего, — дон Алехандро задумчиво погладил крысу по встопорщенной шерсти, почесал за ушком:

— Полагаю, комендант, Вы будете ждать возвращения моего сына?

Родриго растянул губы в светской улыбке и даже заставил себя отвесить церемонный поклон. Да, он будет ждать этого проклятого мальчишку, в жилах которого, комендант уже почти не сомневался в этом, вместо крови текла болотная вода!

— Полагаю, бокал вина и непринуждённая беседа помогут скоротать время ожидания, — дон Алехандро величественно, словно король, милостиво допустивший в свои земли жалкого бродягу, указал на всю оплетённую какой-то цветущей зеленью беседку. — Прошу Вас, комендант. О Ваших солдатах позаботятся мои слуги.

Теперь, когда все правила этикета были соблюдены, комендант покинул седло и с наслаждением, которое с трудом смог скрыть, размял спину. Дон Алехандро сохранял прежнюю невозмутимость, только его тёмные глаза насмешливо сверкнули. Родриго нахмурился, подобрался и суровым голосом, подчёркивая, что он не в гости приехал, спросил, буравя дона Алехандро тяжёлым взором:

— Дон Алехандро, Вы слышали о Зорро?

— Разумеется, — старик равнодушно пожал плечами, — с утра весь город только о нём и говорит.

Капитан Гонсалес скривился, словно разом ведро лимонов проглотил. Ох уж эти крошечные городки, в которых все всё друг о друге знают, но скорее сдохнут под пытками, чем поделятся сведениями с чужаком!

— Может быть, Вы также знаете, кто это?! — дёрнул уголком губ комендант.

— У меня нет знакомых среди разбойников, — невозмутимо парировал дон Алехандро, опять поглаживая крысу, которая немного успокоилась, но по-прежнему сердито

попискивала и не сводила с коменданта крошечных злых глазок.

— Надеюсь, — многозначительно приподнял брови комендант, — в противном случае, мне бы пришлось Вас арестовать.

— Кстати об аресте, — дон Алехандро подождал, пока гость вольготно развалится в стоящем в беседке кресле, и тоже присел, демонстрируя безупречную осанку, — на каком основании Вы арестовали дона Рамиреса?

«Чтоб ты сдох», — от всей души пожелал комендант, лихорадочно обдумывая, что ему ответить. С одной стороны, он не обязан отчитываться перед этим стариком, а с другой, проклятый этикет, обладающий особой силой в такой вот глуши, не позволяет уклониться от ответа.

— Мне очень жаль, но я не имею права делиться с Вами подобными сведениями, — выкрутился капитан Гонсалес, приняв таинственный вид.

Дон Алехандро сдержанно усмехнулся и замолчал, рассеянно поглаживая крысу. Повисла пауза, с каждой минутой становящаяся всё более напряжённой. Комендант якобы скучающе смотрел по сторонам, невольно признавая, что гасиенду строил опытный мастер, и взять её лихой кавалерийской атакой не получится. Значит, стоит заручиться поддержкой со стороны обитателей этой миниатюрной крепости. Родриго задумчиво взял бокал с вином, дождался, пока хозяин сделает первый глоток, а то мало ли, отравлено, и рассеянно отхлебнул. Что ж, первая половина дела сделана: он у дона Алехандро. Осталось только дождаться его слизняка-сыночка и провести проверку. Чисто формальную, разумеется, из молодого де Ла Веги такой же Зорро, как из сержанта Гарсии умный человек. Родриго не сдержал короткого смеха, представив нелепого, изнеженного Диего в чёрном костюме таинственного разбойника, и тут же нахмурился и прикусил губу. А что, ростом и фигурой они похожи...

Диего

Падре Антонио, хлебосольный хозяин и прекрасный собеседник, предлагал мне остаться в миссии и на обед, а то и вообще задержаться до завтрашнего утра, но я всё чаще думал об оставленной в клетке обиженной крыске и понимал, что чем позже появлюсь, тем страшнее будет месть хвостатой разбойницы. Потакать капризам упрямой крысавицы я не собирался, но и обижать её не хотел. Ей и так немало досталось, одна крысиная шубка чего стоит.

— Хотел бы я знать имя сеньориты, занимающей все твои мысли, — улынулся падре Антонио, перебирая круглые, отполированные до блеска чётки.

— А почему Вы решили, что я думаю о даме? — искренне удивился я.

Падре Антонио покачал головой:

— Ты молод, Диего. В твои годы кабальеро думают или о поединках, или о дамах.

Я смущённо кашлянул, сосредоточенно изучая носки сапог.

— Я смотрю на тебя, сын мой, и вижу прекрасную сеньориту, стоящую рядом с тобой, — падре Антонио задумчиво улынулся. — Она красива, потому что любит и любима. У неё серое бархатное платье, напоминающее, прости за сравнение, крысиный мех, и густые каштановые кудри. А твоё лицо скрывает чёрная маска.

— Чёрная маска, — я выразительно приподнял брови, — зачем она мне?

— Ты ничего не хочешь мне рассказать? — вопросом на вопрос ответил падре. — Тайна исповеди священна.

А вот не хочу. Чем меньше человек знают мою маленькую тайну, тем крепче сон жителей нашего городка, и прочнее сидит голова на моей шее.

Я беспечно пожал плечами, потянулся и встал, вежливо поклонившись священнику:

— Благодарю за гостеприимство, падре Антонио, мне пора возвращаться.

— От всей души благодарю тебя за то, что не забыл старого священника, — падре Антонио осенил меня благословляющим взмахом руки, а потом крепко обнял. — Если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь, ты знаешь, где меня найти.

Я поцеловал старику руку и, весело насвистывая, вышел из миссии. Сел в экипаж старательно не замечая насуспенной мордашки Фелипе, ведь благородному кабальеро полагалось путешествовать верхом, ездить в экипажах могли только слабосильные старики и женщины. Кто только придумал эти дурацкие правила!

— Да хранит тебя Господь, Диего! — падре Антонио, который вышел проводить, опять осенил меня благословляющим жестом.

У меня по спине холодок проскользнул, словно кто-то мазнул мокрым пером. Чует моё сердце, неспроста старый священник так за меня переживает, кажется, в Лос-Анхелесе начался сезон охоты на лис, точнее, на одного конкретного лиса. Ну что ж, было бы странно, если бы триумфальное появление Зорро не вызвало у коменданта желания сорвать чёрную маску с головы, а то и с головой неуловимого всадника.

— Едем, Бернардо, — я хлопнул друга по спине и устало откинулся на спинку сиденья, придав себе скучающий вид и прикрыв глаза. Отличный способ спрятать азартный блеск глаз, способный меня выдать.

Я уже успел морально подготовиться к визиту коменданта, а потому меня не встревожили привязанные к коновязи клячи, усиленно изображающие кавалерийских скакунов. Мда, служба в армии плохо влияет не только на людей...

— Дон Диего, — выскочивший едва ли не под колёса экипажа Рэмми воровато огляделся по сторонам и зачастил, — ой, дон Диего, что у нас делается! К нам комендант с солдатами приехали, Вас спрашивают.

Ну вот, как я и думал. Вы предсказуемы, комендант, это не делает Вам чести. А впрочем, на Вашем месте я бы поступил точно так же.

— Зачем я понадобился коменданту? — я устало прикрыл глаза. — Эта дорога меня так утомила, я бы хотел прилечь.

— Дон Диего, — заметивший появление экипажа комендант так спешил лицезреть мою скромную персону, что даже в ишаге запутался и чуть не упал, — я ждал Вас.

Я удивлённо приподнял брови, с помощью Бернардо покидая экипаж:

— Ждали меня? А, понимаю, Вы хотите продолжить наш увлекательный разговор, который мы начали на таможне! Помнится, мы с Вами обсуждали влияние мавританской культуры...

Коменданта отчётливо перекосило. Кабальеро, военный, а никакой выдержки. Отлично, на этом при случае можно сыграть.

— Дон Диего, я прошу Вас примерить это!

Капитан Гонсалес выразительно махнул рукой на грудь тряпья, которую я, признаюсь, сначала принял за ком земли.

Эти тряпки? Да ни за что! Такими обносками в Лос-Анхелесе побрезгует последний нищий. Бравые солдаты что, пугало ограбили?

— И что это? — спросил я, с нескрываемым презрением глядя на тряпье.

— Костюм Зорро, — комендант подхватил одну из тряпок, жестом фокусника встряхнул и развернул её, — это плащ. Наденьте его.

Это плащ?! Комендант, за подобное оскорбление можно и жизнью поплатиться!

— Вы хотите, чтобы я примерил вот это?! — мне даже не пришлось изображать возмущение, наоборот, я изо всех сил сдерживался, чтобы не вызвать коменданта на дуэль за причинённое мне оскорбление. А может, не стоит сдерживаться?

— Дон Диего, я настаиваю на этом, — ледяным тоном отчеканил капитан Гонсалес.

Настаивать на своём в моём собственном доме?! Комендант, Вы переходите все границы дозволенного, а значит, я отхлестаю Вас кнутом не только за старика Игнасио, но и за себя самого!

— Поторопитесь, дон Диего, — комендант буквально пихнул мне в руки то, что его буйная фантазия считала плащом.

Я двумя пальцами взял чёрную драную тряпку, стараясь дышать через раз, чтобы меньше ощущать исходящий от неё сладковато-гнилостный запах. И это, с точки зрения коменданта, плащ Зорро. Кхм. Я кое-как, со второй попытки расправил тряпку (после первой она упала на землю, где ей было самое место), встряхнул её, не столько очищая от пыли, сколько проветривая, и умоляюще посмотрел на коменданта, продолжая держать тряпицу на вытянутых руках:

— Комендант, Вы действительно хотите, чтобы я нацепил это на себя?

— Да! — комендант был суров и неприступен. — И побыстрее, я не могу долго ждать.

Я фыркнул, закатил глаза и, брезгливо морщась и страдальчески кривясь, накинул тряпицу себе на плечи. Клянусь честью, в таких лохмотьях мать родную не узнаешь, не только преследуемого в темноте незнакомца!

— Не так, — рыкнул комендант, но, покосившись на нахмурившегося отца, с вымученной улыбкой добавил. — Прошу прощения, дон Диего, Вы неправильно надели плащ.

А его ещё и неправильно надеть можно? Я с проснувшимся интересом посмотрел на тряпицу, пытаюсь понять, как её нацепить.

— Позвольте, дон Диего, я Вам помогу, — Педро Гарсия, излучающий неподдельное добродушие, подошёл ко мне и набросил тряпку мне на плечи, даже завязки добросовестно стянул, заставив меня красочно представить обвивающую шею петлю. — Осмелюсь заметить, чёрный цвет Вам к лицу.

— Гарсия! — рявкнул комендант, взмахом руки заставляя сержанта отойти в сторону.

— Ну как, комендант, у меня достаточно грозный вид? — я старательно выпятил живот, надул щёки и насупился.

Судя по приглушённому писку, который издала крыска, вид у меня был тот ещё. Отец тоже как-то странно закашлялся и поспешил отвернуться, лицо Бернардо застыло, словно высеченное из гранита, а вот солдаты притворяются не стали: зафыркали и загыгыкали. Правда, один гневный взор капитана Гонсалеса моментально заставил бравых вояк вспомнить, что они не просто в гости приехали, а находятся при самом настоящем исполнении служебных обязанностей.

— Теперь маску, — комендант протянул мне ещё одну тряпку, поменьше.

Мне очень интересно, чьё пугало ограбили солдаты? Или они притащили тряпицу, которой протирали пол в казарме? Бр-р-р, надеюсь, это всё-таки наряд пугала.

— Маску? — я взял протянутый мне лоскут и повертел его в руках, честно пытаюсь

понять, как сие недоразумение вообще цеплять. — Вы уверены?

— У Зорро была маска, — процедил комендант, брезгливо поджимая губы. — Полагаю, так этот жалкий разбойник пытался скрыться от правосудия.

Неа, так я пытался скрыться от отца и его знакомых, что у меня частично получилось: знакомые, в отличие от отца, меня не узнали.

— Э-э-э, Педро, ты мне поможешь? — я отчаялся понять, какие из дыр в лоскуте служили прорезями для глаз, и обратился за помощью к профессионалу.

— Разумеется, дон Диего, — сержант Гарсия с готовностью обмотал тряпицей моё лицо, старательно закрыв на только глаза и нос, но ещё и рот.

— Гарсия!!! — рявкнул комендант так, что стёкла откликнулись печальным звоном.

— Прошу прощения, — пролепетал сконфуженно Педро и прошептал, — дон Диего, а может, Вы присядете, а? Мне так, с позволения сказать, проще будет.

Я философски пожал плечами, стараясь не прислушиваться к звонкому всхлипывающему писку и опять разыгравшемуся у отца приступу кашля. Вот этого, комендант, я Вам точно не прощу! Выставили меня на посмешище перед сеньоритой, а у меня, между прочим, по отношению к ней вполне серьёзные намерения... Так, стоп, у меня намерения по отношению к крысавице? Да ладно, с чего бы вдруг?! А хотя бы с того, что она гордая, умная и уверенная в себе сеньорита, боевая подруга, а не прекрасная статуя, годная лишь на украшение бальной залы.

— Готово, дон Диего, — Педро Гарсия довольно улыбался, словно Пигмалион, изваявший свою Галатею. — Маска Вам к лицу!

Я посмотрел на вздрагивающую всем тельцем крыску, лежащую на руках у сосредоточенно изучающего цветник отца, на солдат, которые старательно отводили взгляд, и вздохнул. Всё, комендант, теперь я Вас не только кнутом накажу, но и вообще без штанов оставлю. Пусть не надо мной одним в городе смеются.

— Ну как, — я нашёл в себе силы расправить плечи и гордо вздёрнуть подбородок, — я похож на Зорро?

Комендант не выдержал, коротко хохотнул и махнул рукой:

— Ну что Вы, дон Диего, я и не сомневался в том, что Вы благородный человек!

— Нет уж, проверьте до конца, — заупрямился я, понимая, что терять мне уже нечего, и так стал посмешищем всего города, — чтобы никаких сомнений не оставалось! Что мне ещё сделать? Может быть, шпагу взять?!

— Да боже упаси! — отмахнулся словно от нечистого, пришедшего раньше срока за душой, комендант. — Достаточно, дон Диего, я Вам верю. Сержант Гарсия помогите благородному кабальеро снять плащ и маску! Дон Алехандро, прошу простить нас за вторжение, сами понимаете, служба обязывает!

— Надеюсь, с моего сына сняты все подозрения? — уточнил отец, складывая руки на груди и строго глядя на коменданта.

— У Вас прекрасный сын, дон Алехандро, — капитан Гонсалес вежливо улыбнулся и добавил, — к нему не может быть равным счётом никаких нареканий, ведь Зорро воин, а не учёный.

— Удачной охоты на лис, сеньор комендант, — я вежливо поклонился.

Капитан Гонсалес бросил на меня снисходительный взгляд, подчёркнуто вежливо поклонился отцу и покинул гасиенду. Солдаты последовали за ним.

— Какая духота, — я с жалкой гримасой потёр виски, — вечер совсем не приносит

прохлады, а тут ещё и этот плащ с маской, я чуть не задохнулся!

— Идём в дом, Диего, — отец положил мне руку на плечо, — ты устал.

Я изобразил слабую улыбку смертельно раненного, держащегося из последних сил рыцаря и медленно поплёлся к дому, по пути улучив момент шепнуть Бернардо, чтобы он немедленно отправился за комендантом и сообщил мне, если храбрый вояка захочет кого-нибудь схватить. Ещё не хватало, чтобы из-за меня пострадал ни в чём не повинный человек! Друг послушно кивнул и так бесшумно ушёл, словно растворился в сгущающихся сумерках.

Отец, который всё прекрасно видел, но не вмешивался, проводил меня до комнаты, приказал Рэмми приготовить ванну, после чего окинул внимательным взглядом коридор и плотно закрыл за собой дверь. Ой-ёй, чует моё сердце, будем мне сейчас головомойка!

— А почему крыса не в клетке? — я сердито поджал губы. — Точно помню, я прика...

— Она плакала, Диего, — отец погладил крыску и протянул мне. Крысавица словно только этого и ждала, прижалась ко мне всем тельцем, щекоча усами шею.

Я немного отстранился, задумчиво посмотрел в озорно посверкивающие глазки, задорно подрагивающий носик, на всякий случай помял животик зверюшки, осмотрел её ушки, не нашёл никаких повреждений и нахмурился:

— Кто её обидел?

— Полагаю, лучше всех на этот вопрос ответит сама сеньорита, — усмехнулся отец, присаживаясь на подлокотник кресла. — Когда ты собирался мне сказать о том, что это непростая зверюшка?

Я опустил голову и досадливо прикусил губу. Крыска, безошибочно определившая моё состояние, вся встопорчилась и грозно пискнула, защитница моя.

— Ясно, — отец поджал губы и решительно поднялся с идеально прямой спиной рыцаря, чьи доспехи заржавели и перестали сниматься.

Признаюсь сразу: извиняться я не люблю. Ещё меньше люблю чувствовать себя виноватым, но в общении с отцом это стало происходить с пугающей частотой.

— Как ты вообще узнал? — буркнул я, поглаживая растёкшуюся у меня по плечу крыску.

— А ты много знаешь животных, которые умеют плакать? — фыркнул отец. — Запомни, сын, умение плакать — признак человечности.

Возразить я ничего не успел, ладонь обожгло резкой болью, на коже проступил тёмно-синий узор, в причудливом переплетении линий которого наливался цветом контур орла.

— Прости, отец, но меня срочно зовёт Бернардо, — я взмахнул рукой, демонстрируя проступивший узор, и попытался снять крыску с плеча. Ага, если только вместе с куском одежды, а то и кожей под ней!

Крысотка вцепилась в меня всеми лапками и даже острыми зубками, не желая покидать уютное местечко.

— Мне нужно идти, — я тряхнул крыску, выразительно приподняв брови, но она была не менее убедительной: без слов буквально вопила о том, чтобы я взял её с собой! Тоже мне, гордая помощница Зорро!

— Там опасно, — продолжал я увещевать хвостатую паршивку, при этом открывая потайной ход и невольно морщась от боли: ладонь жгло всё сильнее.

Крыска умоляюще запищала, уверен, она бы и лапки молитвенно сложила, если бы была уверена, что я не воспользуюсь этим, дабы оставить её дома. Вот что мне делать с этой упрямыцей, а?

— Ладно, чёрт с тобой, оставайся! — я раздражённо махнул рукой. — Но помни: если будешь мешаться и вредничать, подброшу солдатам! Пусть они с тобой мучаются.

Крыска благодарно ткнула носом мне в шею, защекотала усами.

— Паразитка, — буркнул я, но уже без прежнего раздражения.

Каталина

Всё-таки права народная мудрость: за чёрной полоской всегда следует белая, за горем идёт счастье, а за слезами смех. Не успела я как следует оплакать свою поруганную первую любовь, как пришёл дон Алехандро, взял меня на ручки, пообещал вкусненьким угостить. Я расслабилась, встрепенулась, и тут р-раз! Нагрязнул комендант с солдатами. Да не просто так заскочили в гости, чайку попить, Диего потребовали. Ясное дело, что не для того, чтобы узнать последние новости из Испании. Дон Алехандро, надо отдать ему должное, хоть волнением и фонил почище испорченной газовой плиты, но внешне был спокоен и невозмутим, даже коменданта сумел построить, тот перед почтенным кабальеро платком шелковым стелился. Я прямо даже позавидовала, у меня с коллегами, серпентарием этим доморощенным, так не получалось. Диего, к слову сказать, тоже умеет к порядку призвать без лишней грубости и жестокости.

Диего... При мысли об этом красавчике сердце предательски ёкнуло, а в груди разлилось непривычное тепло. Так, я не поняла, это ещё что за сопли-вопли на лужайке?! А ну, прекратила немедленно! Ты не романтичная барышня, ты взрослая умная женщина, и в твоей жизни нет и не может быть места всем этим романтичным бредням! Сердитая на себя и встревоженная присутствием излучающих неслабую угрозу солдат и коменданта я дала волю своим звериным инстинктам, с наслаждением матеря коменданта и его прихвостней. Жаль только, эти обалдуи крысиного языка не понимают, а то бы они о-очень много нового о себе узнали.

— Диего почти не ездит верхом, — неожиданно услышала я от дона Алехандро и чуть не рухнула вниз от неожиданности. — Он не любит лошадей.

Диего не любит лошадей?! Диего?! Искатель приключений, благородный идалго, воин, признанный даже моей второй ипостасью?! Я закашлялась, пытаюсь совладать с разъярёнными звериными инстинктами, призывающими вцепиться в горло негодяю, посмевавшему оскорбить вожака. Не сразу, но мне всё-таки удалось успокоиться. Уф-ф-ф, ну и денёк у меня сегодня! Хорошо хоть дон Алехандро принялся успокаивающе поглаживать меня по спинке да за ушком почёсывать. Делал он это, понятное дело, не для меня, а для себя, с каждой минутой беседы с комендантом напряжение в душе благородного кабальеро всё нарастало, тревога мутными грязными волнами захлёстывала разум, страх мелкими колючими крошками царапал сердце. Да не переживайте Вы так, нормально всё будет! По крайней мере, в тех фильмах, что я смотрела, Зорро всегда побеждал коменданта. И в этот раз победит, никуда не денется. А мы ему, если что, поможем.

Я успокоилась и даже с меньшим гневом стала смотреть на солдат. В самом деле, чего на них, убогих, у которых одна извилина через всю голову и та в проборе, тратить свои бесценные нервы? Они того не стоят. Тем более что моё звериное чутьё уже всю кричит о приближении Диего. Я оживлённо переступила с лапки на лапку и тут же насупилась, отвечивая себе мысленного пинка. Максимум, на что я могу рассчитывать в отношениях с Диего, — это статус фаворитки, красивой игрушки, которую можно снять или обратно задвинуть на полку в зависимости от собственной прихоти. А мне оно надо, такие стрессы?

Нет, в принципе, я не против лёгких, ни к чему не обязывающих отношений, «дружбе телами», как говорится, но не более того. Хватит верить в прекрасных принцев, ищущих свою Единственную едва ли не на помойке. Даже в этом, сошедшем со страниц приключенческой книги мире таких нет, и Диего женится не на странной особе в крысиной шкуре, а на богатой и знатной сеньорите, которая и думать-то будет исключительно по приказу своего мужа!

От этих мыслей, с упорством распространителя косметики лезущих мне в голову, мне стало совсем тошно. Я встопорщилась, мрачно глядя вокруг. А может, Диего вообще не успеет жениться, комендант его выследит и повесит. Или прямо сейчас разоблачит, ведь не просто так этот вояка сидит у нас, словно лиса у кроличьей норы! Я закрыла глаза, изо всех сил сдерживая непрошенные слёзы. Вот только сырости нам всем и не хватало! Ох, какая же я дура стала, мозги что ли от жары размякли? Или ПМС начался?

Я раздосадованно фыркнула и решила немного вздремнуть, но тут появился Диего, и началась самая настоящая потеха, иначе не скажешь. Комендант, в разуме ему не откажешь, решил провести что-то вроде опознания (или как там это называется в правоофигительных органах?) и приказал Диего надеть плащ и маску. Честно говоря, я напряглась, да и от донна Алехандро пришла горькая волна тревоги, у меня от неё аж в горле запершило, а сам Диего держался молодцом, даже нотки беспокойства не проскользнуло. Я опять прониклась уважением к красавчику, умеющему держать себя в руках в минуту опасности, а не впадающему в истерику и не размазывающему слёзы и сопли по щекам.

Когда комендант триумфально достал плащ, я поняла, что вояки сильно недооценивают Зорро. Более того, они его откровенно презирают! Или у них жестокий финансовый кризис и ворюги-поставщики, потому что назвать плащом эту тряпицу было просто невозможно. Комендант что, реально надеется узнать Зорро? Мда, похоже, я поторопилась назвать вояку умным человеком...

Диего, с нескрываемым (для моей звериной ипостаси) наслаждением поддразнивавший коменданта, натянул тряпицу себе на плечи, став удивительно похожим на жалкого оборванца. Комендант ощутимо полыхнул раздражением, а Диего ещё и старательно принял нарочито-грозный вид, с этой тряпицей на плечах особенно уморительный. Признаюсь честно, я не сдержалась, захохотала в голос, что крысы, насколько я помню из школьных уроков биологии, не умеют. От ненужных подозрений в излишней человечности меня спасло то, что я была не одинока в своей весёлости. Над Диего ржали все, даже слуги, украдкой выглядывающие из хозяйственных пристроек, тихонько пофыркивали от смеха. Специально или нет, но комендант сделал Диего посмешищем всего города. На Диего станут показывать пальцем, разумеется, не в открытую, он же всё-таки знатный и богатый кабальеро, но от насмешек толпы это его не спасёт, я знаю эти богом и властью забытые городки, в которых нет большего удовольствия, чем извалять в дерьме соседа. Сама в таком городишке выросла.

Теперь я смотрела на Диего уже без смеха. А ведь он смелый и сильный парень, я бы уже давно сорвала с себя эти жалкие тряпки и затолкала их коменданту в глотку. Диего же молча терпит и не потому, что боится солдат и не может ответить, ещё как может, просто время и место для ответного удара неподходящие. Сорвись Диего сейчас, и тем самым он развяжет коменданту руки, фактически отдаст гасиенду, себя и отца (ясное дело, дон Алехандро произвола военных терпеть не станет!) на расправу.

«О-о-о, — простонала моя крыса, подобострастно припадая на задние лапки и выразительно приподнимая хвост, — вожак!»

Я прицкнула на распоясавшееся животное, чтобы её восхищение вожаком не мешало мне наблюдать за происходящим. Комендант, который безоговорочно поверил в полную никчёмность Диего, окончательно успокоился и поспешил откланяться, решительно вычеркнув молодого де Ла Вегу из всех списков подозреваемых.

От мощной волны облегчения, повеявшей от каждого обитателя гасиенды, меня чуть не сдуло на землю. Эй-эй, поосторожнее, не покалечьте маленькую крыску! И вообще, хочу к Диего на ручки, я соскучилась! Но на ручки меня брать не спешили, сначала шепнули Бернардо невразумительно: «Проследи за ним», а потом с видом умирающего лебедя направились в комнату. Хорошо хоть дон Алехандро, чьи тёплые ладони по-прежнему служили мне домиком, отправился следом за сыном. Правильно, дон, Ваш сынок заслужил хорошей нахлобучки за то, что заставил меня волноваться и переживать. Как он мог забыть, что крыски нежные и ранимые существа!

«И кого ты обманываешь? — фыркнула крысиная ипостась, подтверждая, что она и правда редкая крыса, во всех, подчёркиваю, во всех смыслах этого слова. — Ты хочешь стать парой человеку-лису».

Мало ли чего я хочу. Нужно уметь отличать мечты от реальности.

«Не твоё дело!» — огрызнулась я, стараясь не думать о том, что, похоже, допрыгалась до самого настоящего раздвоения личности. Или анекдота из серии: поругалась со своим внутренним голосом, теперь мы с ним не разговариваем.

Я уже совсем было собралась погрузить по поводу подкравшегося безумия, но тут Диего-таки взял меня на руки! Я моментально позабыла обо всех тревогах, наслаждаясь теплом и крепостью рук своего кабальеро, жадно впитывая не только носиком, кажется, каждой клеточкой своего тела присущий лишь Диего аромат: пряный, коричный, кружащий голову. Правда, сейчас я отчётливо ощущала солоноватый аромат смущения, резкие нотки сдерживаемого гнева и что-то неприятное, затхлое. Я не сразу поняла, что так пахнет предвкушение мести. Диего не простил коменданта, более того, его жажда мести с каждой секундой становится всё сильнее, я это по усиливающемуся запаху определила. Вот интересно, Диего уже придумал, что он сделает с комендантом? А что бы я сама сделала? Хм-м-м. Дождалась бы благоприятного момента и ударила в спину.

Я посмотрела на Диего, который в этот момент с видом опытного ветеринара осматривал мне мордочку, ушки и мял животик, и поняла: даже став Зорро, сеньор де Ла Вега останется благородным кабальеро и на подлость не пойдёт. А вот подшутить и выставить на посмешище своего обидчика — запросто, благо чувство юмора позволяет. Эх, как жаль, что ночью, когда сеньор Зорро в седле, я вынуждена отсиживаться в комнате, чтобы меня никто не увидел. Как было бы здорово отправиться на поиски приключений вместе с Диего! Да мне Ленка, расскажи я ей об этом, обзавидовалась бы! Хотя нет, Ленка мне завидовать не стала бы, но слушала бы с открытым ртом и горящими от восторга глазами.

Небеса, которые до этого, признаюсь честно, были довольно равнодушны к моим желаниям и надеждам, неожиданно услышали меня или, что вероятнее, решили в очередной раз изошрённо издеваться. На ладони Диего, той самой, со шрамом, неожиданно проступил тёмно-синий узор, в причудливом переплетении линий которого наливался цветом контур орла. Не поняла, это ещё что за чертовщина?!

— Прости, отец, но меня срочно зовёт Бернардо, — Диего взмахнул рукой, демонстрируя проступивший узор, и самым наглым образом попытался стащить меня со

своего плеча. Ага, шаз-з-з, я уже настроилась на приключения!

Поскольку красавчик нагло игнорировал мои желания, пришлось вцепиться в него всеми лапками и даже зубами прихватить, доказывая всю серьёзность моих намерений.

— Мне нужно идти, — Диего потрянул меня, словно хозяйка половичок, и выразительно приподнял брови, мол, а не шла бы ты домой, Пенелопа. В отличие от супруги Одиссея, я не собиралась сидеть и ждать у моря погоды. Я хочу приключений, хочу гулять, мне осточертело торчать безвылазно в четырёх стенах!!!

— Там опасно, — наивно пытался достучаться до моего здравого смысла через инстинкт самосохранения Диего, при этом открывая потайной ход.

Тем более мне нет резона оставлять тебя одного, мало ли, что с тобой может случиться! Я умоляюще запищала, благоразумно не отцепляя лапки от плеча упрямого кабальеро. Сущее безобразие, разве Диего не говорили, что спорить с девушками невежливо?! И глупо, так как всё равно проспоришь и будешь виноватым в случае провала.

— Ладно, чёрт с тобой, оставайся! — Диего раздражённо махнул рукой. — Но помни: если будешь мешаться и вредничать, подброшу солдатам! Пусть они с тобой мучаются.

Йес-с-с! Я благодарно ткнулась носом Диего в шею, защекотала усами, даже ушки фунтиком сложила, мол, смотри, какая я хорошая, просто замечательная, самая-самая лучшая, другой такой во всём мире нет. И это, кстати, сущая правда.

— Паразитка, — буркнул Диего, упрямо не глядя на меня и сохраняя насупленный вид, но я прекрасно знала, что это только маска. На меня не сердились, наоборот, мне были искренне рады. Ещё бы, какой парень откажется повыпендриваться перед девчонкой!

Глава 8

Диего, если это было необходимо, мог поспорить стремительностью действий с вышедшим на тропу войны индейцем. Вот и сейчас, получив вызов от Бернардо, с которым ещё в детстве под чутким маминым руководством был проведён обряд братания, Диего молниеносно переоделся, тщательно завернул азартно попискивающую крыску в шарф и повязал его на пояс, прикрыв зверюшку полой плаща. Медленно, основательно натянул маску и, наклонившись к крыске, деловито уточнил:

— Ровно?

Крыса окинула Диего цепким взглядом крошечных блестящих чёрных глазок и согласно кивнула.

Диего белозубо усмехнулся, проверил оружие, поправил шляпу и, отодвинув густые заросли дикого плюща, вышел из потайного хода в дышащий вечерней прохладой загон. Торнадо с приглушённым ржанием бросился навстречу Диего, но, не добежав пары шагов, замер, напряжённо принюхиваясь, сердито фыркая и роя копытом землю.

— Что такое? — насторожился Диего, привычным жестом опуская руку на эфес шпаги и напряженно прислушиваясь.

Конь опять сердито зафыркал, мотая головой.

— А-а-а, — Диего облегчённо улыбнулся, шагнул к коню и успокаивающе потрепал его по шее, — ты крысу чуешь? Успокойся, Торнадо, она не опасна... для тебя, по крайней мере. И вообще заколдованная сеньорита.

Торнадо недоверчиво фыркнул, но послушно подставил Диего спину, а потом, повинувшись лёгкому шлепку ладони по шее, пустился вперёд ровным галопом.

Вечер уже вступил в свои права, на улицы Лос-Анхелеса вышли прятавшиеся от полуденного зноя жители, серебристыми ручейками зажурчал девичий смех, в звон гитарных струн вплетались басовитые мужские голоса. За воротами гасиенд самозабвенно лаяли собаки, а из распахнутого окошка единственной в городе таверны долетал хриплый смех и возбуждённые подвыпившие мужские голоса.

Что и говорить, время для появления сеньора Зорро было очень неудачное, слишком велик шанс попасться на глаза празднующемуся прохожему, который, вдохновившись винными парами или огнём глаз прелестной сеньориты, попытается задержать всадника в чёрной маске, а то и затеять драку с ним. Хорошо хоть можно не опасаться стрельбы, у жителей Лос-Анхелеса огнестрельное оружие было не в чести, им пользовались только солдаты, да и то крайне редко и неумело.

Зорро свернул в тень, пропуская влюблённую парочку, которая была так увлечена обменом романтическими любезностями, что не замечала ничего вокруг, а затем направил коня на извилистую тропу к гасиенде дона Рамиреса.

— Поторопись, Торнадо, — шепнул Зорро, припадая к холке коня. — Вперёд!

Вороной понятливо всхрапнул, тряхнул гривой и перешёл на быстрый галоп. Ветер засвистел в лицо всаднику, полы плаща за спиной развевались подобно громадным чёрным крыльям выходца из преисподней.

Ворота гасиенды дона Рамиреса были широко распахнуты, вместо старого привратника Хосе стоял, отважно вцепившись в карабин и бдительно подрагивая коленями, толстощёкий солдат. Зорро усмехнулся, это был один из самых трусливых и глупых вояк в городе, видимо,

именно поэтому комендант и отправил его подальше от себя, чтобы под ногами не путался и не раздражал.

В тени стены, ограждавшей гасиенду дона Рамиреса, прятался Бернардо, бросившийся навстречу с прытью отчаявшейся дожидаться спасения жертвы кораблекрушения.

— Прости, если задержался, — шепнул Зорро, чуть виновато улыбнувшись. — Что случилось у дона Рамиреса?

Бернардо выразительно закатил глаза и, яростно жестикулируя, поведал другу о буре, разразившейся над обитателями злосчастной гасиенды.

Как оказалось, воспитанница дона Рамиреса, как её называл сам почтенный кабальеро, хотя каждая собака в городке знала, что это внебрачная дочь, девушка тихая и мучительно застенчивая, оказалась тем самым омутом, который не обходится без обитателей. Тайком от своего папаши девица свела знакомство с неким сеньором Эстебаном Рокхе, человеком сомнительной репутации и ещё более сомнительного происхождения. Сам дон Рамирес в это время с головой ушёл в борьбу с комендантом, а потому на дочь обращал не больше внимания, чем на висящие на стене фамильные портреты: на месте и ничего не просит, ну и добро. Затем дона Рамиреса вообще арестовали, причём на сеньориту Эсперансу навели такой страх, что девушка забыла обо всех существующих правилах приличия и бросилась к возлюбленному за помощью. К чести сеньора Рокхе стоит заметить, что он не стал пользоваться отчаянным положением девушки, а узнав, что насмерть перепуганные слуги разбегаются из гасиенды, не забывая прихватить на память о долгой и преданной службе что-то из хозяйских вещей, и вовсе взбеленился и приехал в дом, кнутом и отборными ругательствами наводя порядок.

Вот за этим-то занятием комендант сеньора Эстебана и застал. На разумный вопрос капитана Гонсалеса, кто он такой, сеньор Рокхе представился женихом сеньориты Эсперансы. Сама девушка, естественно, горячо подтвердила слова своего возлюбленного, ради такого события даже позабыв о своей застенчивости и страхе перед солдатами. Раздосадованный тем, что у сеньориты, а самое главное гасиенды, оказался такой молодой и энергичный, готовый в случае необходимости пустить в ход и нож, и кулаки покровитель, комендант приказал Эстебану примерить наряд Зорро. Сеньор Рокхе в ответ любезно сообщил, где именно он видел коменданта, его приказы, солдат, а заодно и Зорро, и куда им всем следует отправиться.

Комендант, естественно, на слова Эстебана разгневался (ну никакого чувства юмора у этих военных!) и приказал солдатам схватить дерзкого, но судя по всё усиливающемуся шуму, так просто сдаваться сеньор Рокхе явно не собирается.

— Ясно, — Зорро хлопнул Бернардо по плечу, — спасибо, друг. Возвращайся домой, дальше я сам.

Бернардо умоляюще посмотрел на Зорро, но тот лишь покачал головой и решительно повторил:

— Возвращайся домой.

Даже не дожидаясь исполнения приказа, Зорро легко перемахнул через стену, ограждавшую владения дона Рамиреса. Бернардо печально вздохнул, осенил темноту знаком богини Зиарны, перекрестился и медленно направился домой, привычно сливаясь со сгущающимися сумерками.

Диего

Безмолвно попросив прощения у сеньориты Эсперансы за загубленную цветочную клумбу и клятвенно пообещав исправить нанесённый вред, я ночной тенью скользнул туда, где всё сильнее был слышен лязг оружия и резкие голоса солдат. Должен признать, избранник сеньориты Эсперансы прекрасный воин, раз так долго противостоит превосходящим силам врага.

— Живьём брать! — заорал взбешённый комендант, не спеша впрочем скрещивать шпагу с сеньором Рокхе. — Это Зорро!

А вот и мой выход. Я откинул назад плащ, чтобы он не сковывал движений руки, и решительно шагнул вперёд.

— Я слышал, Вы меня искали, сеньор комендант? — я белозубо усмехнулся, заметив, как солдаты суеверно шарахнулись в сторону, торопливо крестясь и шепча молитвы.

Комендант так резко развернулся в мою сторону, что споткнулся и с трудом сохранил равновесие.

— Аккуратнее, сеньор комендант, — я был просто воплощённая любезность, — Вы можете удариться, а то и поцарапаться.

Комендант моей заботы не оценил, сдавленно прорывчав ругательство и бросившись на меня с такой яростью, словно я был воплощением всех его бед и неудач. А мне родители всегда говорили, что нечего сердиться на зеркало, если тебя не устраивает отражение в нём.

— Кто-нибудь может мне объяснить, какого чёрт... — Эстебан метнул взор в сторону успешно прикидывающейся статуей сеньориты Эсперансы и поспешно исправился, — что здесь вообще происходит?

Поскольку мы с комендантом были заняты (надо признать, сражался капитан Гонсалес ловко, наверняка не уклонялся от регулярных тренировок, а то и в дуэлях участвовал), то ответил на вопрос сержант Гарсия. Он, как и другие солдаты, благоразумно предпочёл считать наш с комендантом поединок делом чести, в которое вмешиваться запрещено, а потому из участника событий охотно перешёл к зрителям.

— Понимаете, сеньор Рокхе, — Педро вытер влажное от пота лицо платком, — этот вот сеньор Зорро не далее как этой ночью выкрал из тюрьмы дона Рамиреса.

— Дон Рамирес освобождён?! — ахнула сеньорита Эсперанса, и я, признаюсь, не понял, чего было больше в её возгласе: радости или разочарования.

— Совершенно верно, — сержант с такой гордостью выпятил живот, словно лично руководил процессом освобождения заключённого.

Капитан Гонсалес недовольно покосился на своего излишне говорливого подчинённого, в этот момент мне удалось ловким взмахом шпаги начертить на щеке коменданта Z. Красивый знак, будет моей подписью, хо-хо.

Капитан Гонсалес моей ловкости не оценил, отпрянул в сторону, зажимая ладонью порезанную щёку и заорал так, что стоящие у коновязи солдатские клячи откликнулись тревожным ржанием:

— Гарсия!!!

Нет уж, комендант, так легко вы от меня не отделаетесь. За маску мы рассчитались, теперь пришла пора отвечать за тряпку, что вы гордо называли плащом. Я ловко скользнул в сторону, заставляя коменданта оголить бок, шпага серебристой молнией засвистела в воздухе, и оп-па! Штаны на бедре коменданта оказались порезаны знаком Z, через который кокетливо проглядывали серовато-белые панталоны.

— Отличные панталоны, комендант, — я белозубо усмехнулся, стараясь не выпускать

из виду солдат и сержанта, — не стоит их скрывать под грубыми штанами!

— Я вырву из глотки твой поганый язык! — прорычал комендант и опять заорал. — Гарсия!!! Солдаты!!! Схватить этого проклятого разбойника!!!

Я чуть прикусил губу. Солдаты, пусть медленно и неохотно, но всё же вытаскивали оружие, а сержант и вовсе с такой силой рванул шпагу из ножен, что она намертво заклинила. Ну, Педро, этого я тебе точно не забуду!

Пришла пора уходить, но уйти не попрощавшись я не мог, это же невежливо по отношению к хозяевам!

— Благодарю за чудный вечер, сеньорита, — я поклонился сеньорите Эсперансе, приветственно коснувшись рукой полей шляпы, резко крутанувшись на месте, отбил выпад коменданта, толкнул излишне осмелевшего солдата на его менее расторопных товарищей, после чего быстрее молнии взлетел на растущее у самой стены одинокое дерево. Уже с дерева я повернулся к изрыгающему проклятия коменданту и крикнул:

— В следующий раз, комендант, я украшу и вторую вашу щёку! Честь имею, господа!

Я звонко свистнул, призывая Торнадо, и прямо со стены прыгнул в седло. Крыска, о которой я начисто позабыл, яростно запищала, крутя пальцем у ушка.

— Прости, малышка, мне пока не до тебя, — я потрепал крыску по ушам, отчего она запищалась ещё яростнее, и пустил коня бешеным галопом.

Учитывая, что комендант в бешенстве, лёгкой смерти, если он меня поймает, ждать не стоит. Значит, нужно сделать всё, чтобы он меня не поймал. Сразу домой ехать опасно, придётся покругить по городку, выбирая самые безлюдные улочки, свернуть в сторону миссии падре Антонио и подождать там, пока вояки не утихомятятся. Вряд ли комендант сумеет заставить солдат продолжить поиски глубокой ночью. А если сумеет, что тогда? Или вообще не станет меня преследовать, а опять начнёт объезжать богатые гасиенды, чтобы выяснить, кто отсутствует? Думай, Диего, думай. И помни, что права на ошибку у тебя нет.

Я придержал Торнадо, обернулся, напряжённо всматриваясь и вслушиваясь. Погони не было. Пока или вообще не будет? Что бы сделал я на месте коменданта? Я досадливо прищёлкнул языком. Будь я на месте коменданта, первым делом отправился бы по тем гасиендам, что уже проверил, чтобы узнать, кто из кабальеро отсутствует. Чёрт, как же глупо было сообщать коменданту, что я в курсе его поисков! Теперь комендант точно знает (или догадается в скором времени, он не дурак), что Зорро — один из тех кабальеро, которых он проверял. Значит, чтобы не попасться, нужно возвращаться домой. Я потрепал Торнадо по горячей шее, и умный конь послушно пошёл ровным аллюром, а я продолжил составлять план действий.

Так, решено, я возвращаюсь домой. А если за мной пустят погоню? Умный лис никогда не приведёт погоню напрямиком в своё логово, нужно запутывать следы, нельзя ехать прямой дорогой, хоть она и короче. А если комендант разбил солдат на два отряда, один из которых прочёсывает гасиенды, а другой пущен по моему следу, что тогда? Я-то сам раздвоиться не смогу при всём желании! Эх, не надо было мне Бернардо отпускать! Нет, другом рисковать не выход, тем более что Бернардо со мной нет. Да и не успею я пешком до дома добраться раньше солдат, нужно хотя бы до развилки доехать. А вдруг комендант устроил засаду на развилке? Нет, вряд ли, у него не так много солдат, да и взбешён он слишком сильно, чтобы действовать хладнокровно. Значит, до развилки добираться верхом, а там... Да ладно, там видно будет!

Позади меня раздался яростный топот копыт, громкие крики и проклятия. Мадонна, и

это солдаты, представители закона и справедливости великой державы в нашем городе! Скорее, жалкая пародия на них. Я презрительно фыркнул и чуть тронул каблуками бока коня, безмолвно приказывая ему поспешить. Что ж, за мной всё-таки пустили погоню, отлично, теперь осталось узнать, отправлена ли часть солдат проверять гасиенды. Я бы отправил, комендант тоже не дурак, значит, осторожность превыше всего!

Я погладил крыску по голове, крепче стиснул бока коня и понёсся вихрем в сторону дома, привычно петляя и запутывая следы. Спасибо тебе, мама, за твои бесценные уроки, знала бы ты, когда они мнегодились!

Мне сопутствовала удача, благодаря пылким молитвам Бернардо индейской богине Зиарне, не иначе. Я не только оторвался от погони, что и неудивительно, от тех кляч, на которых ездят солдаты, и безногий уйдёт, но и вовремя заметил коменданта и трёх сопровождавших его насупленных солдат, подъезжающих к моему дому. Значит, преследовать Зорро был отправлен сержант Гарсия. Хм, даже не знаю, обижаться мне на это или гордиться. Конечно, Педро крепкий парень, способный и быка завалить, но при этом второго такого глуповатого увальня свет белый не видел!

Я ловко направил Торнадо в загон и едва удержался от удара, когда ко мне из темноты бесшумно вынырнула высокая фигура. Крыса оказалась менее сдержанной и яростно зашипела, но выдраться из-за пояса, где благополучно провела всё время моей вылазки, так и не смогла, хотя честно пыталась.

— Бернардо, я ведь и покалечить тебя мог!

Друг смущённо и виновато улыбнулся, забирая у меня повод Торнадо и жестами указывая мне на заросли плюща. Всё верно, нужно спешить домой, но не оставлять же друга здесь, ещё, не дай бог, солдаты заметят!

— Комендант с сол...

Бернардо поднёс палец к губам и опять кивнул в сторону зарослей, маскирующих потайной ход в гасиенду. Всё ясно, друг уже в курсе того, что скоро к нам нагрянут солдаты, наверное, ждал меня и успел заметить коменданта, не больно-то скрывается представитель власти, чёрт бы его забрал!

— Отец знает, что к нам едут?

Бернардо отрицательно покачал головой, а потом резко развернул меня к зарослям. Всё верно, хватит болтать. Я накрыл ладонью нервно попискивающую крысу и поспешно нырнул в ход. Сорвал шляпу и маску, оставив их в выемке в стене, где раньше держали запас воды и свечей на случай поспешного бегства хозяев, у поворота сбросил рубашку, поёжившись от прохладного ветра, змейёй заскользившего по обнажённой груди и спине. Потом убегу, не до того сейчас. Так, что ещё? А, ну да! Я развязал пояс, бережно посадил крыску на плечо, а шпагу спрятал в тайник, о существовании которого знали только мы с Бернардо.

Крыса внезапно насторожилась, замерла, приподняв одну лапку и расправив ушки. Солдат услышала? Вполне возможно, по моим расчётам они уже должны были доехать до ворот. Что сделает комендант: попытается вломиться в дом или позовёт меня? Я торопливо взлохматил волосы, осторожно потянул за рычаг, открывающий ход в мою комнату, и напряжённо прислушался. Хвала Мадонне, в комнате никого не было. Я поспешно пересадил крыску на подушку и натянул приготовленную Бернардо ночную рубашку, нелепый длинный балахон, расшитый псевдо восточными узорами, а на голову ещё и колпак нахлобучил. Белый, щедро обшитый кружевами и даже с кисточкой. Где Бернардо откопал подобную дрянь?!

При виде меня крыса сначала испуганно сторбилась и зашипела, а потом разразилась неудержимым писком. Чёрт, опять я выгляжу шутком в глазах этой сеньориты. Это становится недоброй традицией.

— Диего, — отец привычно сначала вошёл, а потом коротко стукнул костяшками по косяку, — ты не спишь?

Я выразительно приподнял бровь, но ответил сонно-недовольным голосом:

— Как же я могу спать, если ты меня будишь? И что это за шум во дворе, на нас напали разбойники?

— Дон Диего, — комендант, хоть его и не приглашали, решил присоединиться к нашей с отцом беседе, — выйдите на балкон.

— Что-то случилось? — я сладко зевнул, неспеша оценивая своё ночное одеяние. А что, лично мне спешить некуда, комендант же вполне в состоянии подождать до приличного для посещений благородных кабальеро часа.

— Дон Диего, — похоже, капитан Гонсалес стремительно терял последние крохи вежливости, — это приказ.

В казарме своей командуй!

— А я не замёрзну? Здесь ночи прохладнее, чем в Испании.

И кстати, это чистая правда.

— Дон Диего!!! — заорал комендант, окончательно наплевав на правила приличия. — Немедленно выйдите на балкон!

Отлично, комендант, вы сами напросились.

Я ещё раз окинул беглым взглядом своё ночное одеяние, привычно посадил крыску на плечо и вышел на балкон, сладко зевая и потягиваясь с невинным видом недавно разбуженного человека. Моё появление на балконе едва не привело бравых вояк к гибели во цвете лет.

— Призрак!!! — истошно заорал сержант Гарсия, тыкая в мою сторону трясущимся пальцем. — Спаси и помилуй нас, Пречистая Дева Мария, это призрак!

Солдаты отчаянно завопили и бросились кто куда, незряче тараща выпученные от испуга глаза и поминутно сталкиваясь друг с другом. Началась самая настоящая паника. Комендант, сорвавший голос в тщетной попытке призвать взбесившееся стадо, простите, бравых воинов к порядку и сам едва не опрокинутый на землю вместе с конём, выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил. Слава богу, не в солдат, нам ещё только трупов для полного счастья не хватало, а в воздух. Солдаты моментально замолчали и замерли, боясь даже лишний раз вздохнуть, только Педро Гарсия обречённо всхлипнул:

— Призрак лишил разума коменданта, и он теперь нас всех убьёт.

О, а вот это интересная мысль! Нет, я, разумеется, имею в виду не убийство солдат, трупы мне по-прежнему не нужны, но предположение о безумии коменданта мне понравилось, им можно воспользоваться.

— Заткнитесь все, — прокаркал комендант, не спеша убирать пистолет и угрожающе водя им из стороны в сторону. — Первый из вас, кто откроет свой поганый рот, получит пулю в лоб!

— Умоляю Вас, господин комендант, — я решил напомнить о своей скромной персоне, в самом деле, сколько можно торчать на балконе, изображая пугало, — объясните мне, что случилось?! Долго мне ещё тут стоять? Я замёрзну и непременно заболēju от этого страшного холода!

Я скусился и передёрнул плечами, нервно поглаживая крыску.

Капитан Гонсалес скрипнул зубами, растянул губы в перекошенном оскале, символизирующем приветливую улыбку, и проскрипел:

— Дон Диего, мы разыскиваем особо опасного преступника.

Ой, комендант, право слово, вы мне льстите!

— Помилуй бог, неужели в нашем тихом городе появился преступник, да ещё и опасный?! — я недоверчиво покачал головой. — Признайтесь, комендант, что Вы меня просто разыгрываете.

— Ни в коем случае, — капитан Гонсалес так печально вздохнул, словно сообщил о трагической кончине всех родственников разом. — Этот Зорро — самый настоящий разбойник, для которого даже виселица слишком мягкое наказание!

Уж кто бы говорил, комендант! Зорро по сравнению с вами невинен, аки ангел господень, не надо свои грехи на чужие плечи взваливать, это недостойно звания мужчины. И военного, кстати, тоже.

— Да что Вы говорите?! — ахнул я, прижимая крыску к груди. — Какой ужас, я немедленно прикажу проверить запоры на дверях и закрыть все ставни!

— И правильно сделаете, — комендант коротко поклонился и уже повернул коня, когда спохватился и нарочито небрежно спросил. — Кстати, а где Ваш немой слуга?

— В библиотеке, — я опять зевнул, — проверяет книги. Представляете, переплёт пьес великого де Веги оказался повреждён!

— Какой ужас, — кисло пробормотал комендант и поспешил раскланяться.

Мда, не любит человек книг, совсем не любит, ну да ладно, в конце концов это далеко не самый главный недостаток бравого коменданта. И вообще, мне нужно узнать, почему плакала крыска.

— Ну что, малышка, — я погладил крыску по голове, — с комендантом мы разобрались. Теперь займёмся тобой.

Крыса недоверчиво пискнула, буравя меня блестящими чёрными глазками.

— Сегодня ночью, когда взойдёт луна, ты расскажешь мне, из-за чего плакала.

Я прекрасно знал, что девицы обожают рассказывать о себе, своих успехах и огорчениях, они вообще любят поболтать, но, судя по недовольной крысиной мордашке, эта заколдованная сеньорита явно не горела желанием делиться со мной своими невзгодами. Интересно, почему? Не привыкла жаловаться или не доверяет мне? Я досадливо прикусил губу. Неужели эта маленькая безобразница мне не доверяет? А может, я её ещё и пугаю? Я посмотрел на насупленную крыску и не удержался от смеха: уж кого как, а меня эта хвостатая безобразница ни капли не боится. Вот интересно, какая она в человеческом облике?

Воображение моментально нарисовало мне стройную фигуру, высокую грудь, округлые бёдра и густые волосы, водопадом спадающие по плечам. Кровь в жилах превратилась в густой сахарный сироп, сердце забилося в ритме индейских ритуальных свадебных плясок. Я медленно выдохнул через плотно стиснутые зубы, благодаря небеса за то, что балахонистая ночная рубашка надёжно скрывает моё тело от любопытно посверкивающих крысиных глаз.

— Диего? У тебя всё хорошо? — отец появился на пороге словно сказочный джинн из лампы, привычно сначала распахнув дверь, а уж потом стукнув по косяку костяшками пальцев. — Комендант тебя не узнал?

— Комендант теперь и в самом страшном кошмаре не узнает во мне Зорро, — я стянул с

головы колпак, натянул его на ладонь и покрутил перед отцом. — Откуда у нас это?

— Супруга дон Рамиреса, упокой Господь её душу, подарила Марии на День рождения, — отец грустно усмехнулся. — И рубашку тоже.

Я расправил вышитый безумными узорами балахон и выразительно кашлянул. У дон Рамиреса была очень своеобразная супруга.

— Сними, — отец поморщился и устало потёр глаза, — Марии этот балахон тоже не нравился.

— А почему не выбросили?

Отец пожал плечами:

— Сначала овдовел дон Рамирес, и Мария решила оставить колпак и рубашку в память о пусть и несуразной, но искренней и смелой женщине. А потом...

— А потом не стало и мамы, — я нахмурился, медленно снял рубашку и какое-то время держал её в руках, вспоминая мелодичный голос, лёгкий стремительный шаг и нежные мамины руки, способные утешить любую боль.

Отец кашлянул, провёл ладонью по лицу, стирая печаль, привычным усилием воли загоняя тоску в самый дальний, закрытый даже от меня уголок сердца.

— Завтра мы устроим небольшой приём, — отец улыбнулся, озорно сверкнув глазами, — должен же я отметить возвращение сына из Испании!

— И кто в списке приглашённых? — кисло осведомился я, зная ответ заранее.

— Все наши соседи и друзья, со своими супругами, дочерьми, племянницами и прочими прелестными незамужними родственницами, — отец хлопнул меня по плечу, — тебе пора подумать о женитьбе, Диего.

Что?! Вот только этого мне не хватало!

— Отец!

— Это не обсуждается! — громыхнул отец, широким шагом полководца покидая комнату. — Я хочу внуков.

Я с силой запустил подушкой в захлопнувшуюся дверь. Вот мало мне заколдованной сеньориты с её пакостями, мало коменданта, так теперь ещё и всех окрестных девиц на меня хотят повесить!

— Ничего, малышка, — я взял крыску на руки, подул в мордочку, с улыбкой заметив, как сморщился длинный носик, — ничего, я что-нибудь придумаю. Сразу после того, как ты мне расскажешь, кто тебя обидел.

Крыска посмотрела на меня отнюдь не с благодарностью.

Каталина

Лунный свет, вопреки моим истовым мольбам, расплавленным серебром заливал всё вокруг, мою нахохленную тушку в руках Диего в первую очередь. Напомните, я говорила, что этот красавчик Зорро паразит редкостный? Так вот, готова повториться и внести это в скрижали летописей! Приспичило ему меня в человеческом облике лицезреть, а ведь ещё утром клятвенно обещал, что сегодня ночью я даже в щёлочку ставней лунного света не увижу. Обещал, истово верил своим словам и меня поверить заставил, но сразу после того, как дон Алехандро, дай ему бог здоровья, а мне терпения, сказал, что я плакала (мужчины так легко выдают девичьи секреты!), Диего крутануло на сто восемьдесят градусов, и он решил вернуть мне человеческий облик. И не для совместного любования луной или чего-нибудь более зажигательного, а только для того, чтобы узнать причину моих слёз. Вот какая

ему разница, почему я плакала?! Может, мне захотелось! Вожжа под хвост попала, гормоны выиграли, цвет шкурки в свете свечей не понравился, и вообще, у женщин, как у куриц, глаза всегда на мокром месте. Зачем он лезет в мою душу, приручает к себе, чтобы потом сильнее ударить, хлестнуть, словно плетью запутавшуюся в ногах собачонку?!

— Не бойся, — бархатистые нотки в голосе Диего эхом откликнулись в моём напряжённом, замершем в ожидании сопровождающей перевоплощение острой боли тельце. — Не бойся, я с тобой.

В этом-то как раз и заключается для меня основная проблема!

Я встряхнулась, фыркнула и нетерпеливо переступила с лапки на лапку, не понимая, почему превращение запаздывает. Раньше меня скручивала судорога практически сразу, а тут я уже вся насквозь пропиталась лунным светом, уже светиться начала и... И вот тут-то меня и скрутило. Гораздо слабее, чем в прошлый раз, но всё равно ощутимо. Ладно, как говорится, всё, что не убивает, делает нас только сильнее.

Твёрдо встав босыми ногами на пол, я с наслаждением потянулась, давая возможность Диего рассмотреть меня во всех деталях и подробностях. А что, мне своего тела стыдиться нечего, я его старательно холю и лелею!

— Ну, и как я тебе? — я привычным жестом откинула волосы за спину и кокетливо опустила руку на бедро, чуть подавшись вперёд.

— Именно такой я тебя и представлял, — Диего сверкнул улыбкой, честно стараясь не опускать взгляд ниже моей шеи.

Не стоит себя сдерживать, приятель, мы оба уже не дети!

Я двумя руками приподняла волосы, прекрасно зная, что благодаря такому естественному и безобидному жесту грудь приподнимется и станет ещё более соблазнительной.

Внешне Диего ухитрился сохранить полную невозмутимость, но крысиное чутьё безошибочно угадывало, чего благовоспитанному кабальеро это стоит. Да и лунный свет с бескомпромиссностью прокурора на суде отчётливо выделял выпуклость на штанах Диего. Хо-хо, брюки надо шире шить, мой герой!

— Твоё платье, — Диего заметил мой взгляд и ненавязчиво шагнул в тень, без зазрений совести воспользовавшись первым благовидным предлогом.

Вот даже как? Неужели бесстрашный Зорро меня боится? Возможно, я и правда была слишком напориста, сменим тактику.

— А ты мне pomoжешь его застегнуть? — томно прошептала я, с грацией вышедшей на охоту кошки шагнув к Диего, официально платью, которое он держал в руке.

Упрямый кабальеро даже бровью не повёл, невозмутимо кивнул:

— Разумеется.

Чёрт, вот если бы не крысиное чутьё, точно бы решила, что я его не возбуждаю! Ведёт себя, как... Нет, даже не как девственник, у меня и такой был, тот мялся и краснел, обильно потел и не в силах был два слова связать. Причём общался не со мной, а с моей грудью, преимущественно левой, уж не знаю, чем она ему так приглянулась. На мой взгляд, правая ничуть не хуже.

— Малышка? — бархатисто-хриловатый, чуть насмешливый голос Диего вырвал меня из воспоминаний, заставив вспомнить, где я нахожусь и что мне нужно.

Я встряхнулась, подарила Диего обольстительную улыбку и, встав так, чтобы меня освещал льющийся в окно лунный свет, стала натягивать платье. Диего негромко хрипло

вздохнул, но и только. Даже Максим уже давно бы полез меня лапаты, а этот, стоик-мученик, даже шага не сделал в мою сторону!

— Так ты мне поможешь? — проворковала я, поддерживая платье так, чтобы оно выгодно облегло грудь.

На миг в тёмных глазах Диего сверкнули красноватые дьявольские огоньки, заставив меня насторожиться. Что задумал этот красавчик?

— Вставай спиной, — Диего шагнул ко мне, а поскольку я не спешила выполнять его приказа, взял меня за плечи и мягко повернул.

Ладно, пока вроде бы ничего страшного не происходит, Диего остаётся невозмутимым благородным кабальеро. Посмотрим, что будет дальше.

— Волосы подними, — голос Диего словно бархатом погладил обнажённую кожу, по спине галопом пробежали мурашки.

Чёрт, что же меня так плющит-то? Я мысленно приказала себе не расслабляться и покорно подняла волосы, стараясь двигаться максимально соблазнительно.

— Какая хорошая девочка, — прошептал Диего, едва не касаясь губами моей шеи, — красивая, своевольная, гордая.

Каждое слово Диего сопровождал лёгкими, чуть ощутимыми поглаживаниями, от которых моя кожа начинала гореть, как от огня.

— Ты что делаешь? — прошептала я, сама не зная, что хочу услышать в ответ. И нужен ли мне вообще ответ.

— Помогаю тебе зашнуровать платье, — пальцы Диего коварно скользнули по моему позвоночнику вниз, а потом опять вверх до основания шеи, в очередной раз вызвав табун мурашек.

Да что же я так реагирую-то?! Прикосновения Диего ведь даже развратными не назвать, всё в пределах приличия, может, именно это меня и возбуждает?

— Ты так напряжена, — Диего погладил мои плечи, сначала чуть заметно касаясь, потом с лёгким нажимом, отчего я почувствовала себя бродяжкой, которую неожиданно взяли домой. — Расслабься, моя девочка, я не причиню тебе вреда.

Расслабься?! Да я скоро на пол закапаю от возбуждения, как загулявшая кошка!

— Диего! — я попыталась повернуться, но кабальеро, положив горячие ладони мне на живот, чуть прижал к себе, лишив возможности двигаться.

— Не вертись, а то платье свалится, — прошептал Диего, опалив дыханием моё ушко.

Платье? Да и чёрт с ним, всё равно оно жёсткое и страшно натирает, словно не из шёлка, а из мешковины сшито!

Ладони Диего медленно заскользили вверх, вырвав у меня очередной возбуждённый стон. Такого со мной никогда раньше не было, секс для меня был таким же средством достижения цели, как красивая внешность, острый ум и гибкие моральные принципы. Даже с Максимом я спала только потому что, во-первых, это полезно для здоровья, а во-вторых, он по-настоящему классный фотограф, а лучший способ привязать его к нашей редакции — это секс. Нет, какое-то возбуждение я, само собой, испытывала, но головы никогда не теряла. А сейчас мне впервые после той памятной ночи с Олегом захотелось забыть о собственной силе, гордости, амбициозности и стать просто слабой женщиной, которая тает в объятиях сильного мужчины. И не важно, что будет завтра, и наступит ли оно вообще, не важно, есть ли будущее у нашего романа, и смогу ли я стать человеком. Важны только эти горячие ладони, замершие под грудью, но пока ещё не осмелившиеся покорить призывно

встопорщившиеся вершины, важно лишь напряжённое дыхание, ставшее одним на двоих, и бешеный ритм сердца, готового пробить грудную клетку и упасть к ногам блестящего кабальеро.

— Малышка, — хрипло прошептал Диего и мягко накрыл мою грудь, — девочка моя...

Я приглушённо вскрикнула и положила свои руки поверх рук Диего. Не отталкивая и не отводя, боже упаси, наоборот, прижимая крепче. Мне казалось, что я превратилась в легендарную птицу Феникс и только и жду момента, чтобы сгореть в очистительном пламени и возродиться опять, обновлённой и освобождённой от прошлых обид и бед.

Диего без слов понял меня, его ласки стали решительнее, губы живительным дождём осыпали мою шею и плечи, и под этими поцелуями, в этих ласковых и сильных руках я впервые за многие годы почувствовала себя прекрасной и желанной женщиной. Не роковой красоткой, по чьей прихоти ввергаются в хаос разрушений и войн целые города, а настоящей Женщиной, Берегиней.

Так и не зашнурованное платье медленно скользнуло вниз, чуть поблёскивающей в лунном свете лужицей растёкшись у моих ног. Диего легко подхватил меня на руки, и я с готовностью обвила его шею руками, даже голову на плечо склонила. Потом, когда развеются лунные чары и беспощадное солнце расставит всё по местам, я опять стану Каталиной Сергеевной, железной леди с компьютером вместо головы и калькулятором вместо сердца. Но это потом, когда перестанут расцветать по всему телу огненными цветами поцелуи Диего, когда выровняется дыхание, а из груди перестанут вырываться стоны, когда чаша страсти будет испита до дна и напряжённое тело получит желанную разрядку. Когда, утолив пламя похоти, мы с Диего станем друг другу чужими.

Я всхлипнула, прикусив губу, болью прогоняя печаль. Диего замер, приподнялся на локтях, с нескрываемой тревогой всматриваясь мне в лицо:

— Что случилось, малышка? Тебе больно?

Я недоверчиво моргнула, отказываясь верить услышанному. Мои прежние любовники на пике страсти уподоблялись токующим тетеревам, чувства партнёрши их совсем не волновали. Диего настолько заботлив или не привык расслабляться даже в постели? Не доверяет мне?

— Малышка? — Диего мягко погладил меня по щеке, бережно отвёл от лица прядь волос. — Что случилось?

Я нарочито беззаботно передёрнула плечами:

— Ничего. Я просто подумала о том, что за ночью наступит утро.

— Мы найдём способ вернуть тебе человеческий облик.

— А если нет? — я понимала, что сейчас не время и не место решать подобные вопросы, но остановиться не могла. — А если я так и буду человеком только по ночам, что тогда?!

— Значит, венчаться будем ночью, — Диего белозубо улыбнулся.

Я застыла, широко распахнув глаза и забыв даже, что нужно дышать.

— Что? — с трудом вытолкнула я из пересохшего горла. — Что ты сказал?

— Если не сумеем тебя расколдовать, обвенчаемся ночью, — терпеливо повторил Диего, медленно очерчивая пальцем контур моих губ.

Так, мне всё ясно. Диего перегрелся на солнце, схлопотал тепловой удар и начал бредить. Кто-нибудь помнит правила оказания первой помощи в таких случаях?

— С ума сошёл? — я скептически фыркнула. — На таких как я не женятся. Тем более

парни из знатных древних фамилий. Вот увидишь, тебе обязательно подыщут богатую дурочку из тех, что будут завтра на празднике.

— Мой отец достаточно богат, чтобы не продавать меня, — тёмные глаза Диего в неверном лунном свете на миг стали похожи на очи иконописных святых, такие же мудрые, всё понимающие и прощающие. — Кто обидел тебя так сильно, что ты совсем перестала верить людям? Кто он?

— А почему ты думаешь, что это мужчина? — буркнула я, не спеша открывать душу даже тому, кому всего пару минут назад готова была отдать не только тело, но и сердце.

— Так обидеть женщину, чтобы она потеряла веру в себя и людей, может только мужчина, — глаза Диего неожиданно полыхнули разрушительным гневом. — Ты из-за него сегодня плакала? Кто он?!

Я насупилась и замолчала, попытавшись отвернуться. Ага, кто бы меня ещё отпустил! Диего навис надо мной как разъярённое божество над грешницей, прожигая своим пылающим взглядом, заставив меня испуганно зажмуриться. Ой, мамочки, неужели он меня ударит?!

— Прости, малышка, — прозвучал над ухом тихий голос Диего, и я осторожно приоткрыла один глаз, — прости, я не хотел тебя пугать.

— Не хотел бы, не напугал, — проворчала я, выразительно выпячивая губки.

Диего приглушённо рассмеялся и легко чмокнул меня в кончик носа:

— Маленькая упрямая малышка.

— Каталина, — я завозилась, устраиваясь поудобнее. — Меня зовут Каталина.

Диего приподнялся на локте, внимательно изучая моё лицо.

— Каталина? Имя испанское, но, прости, на испанку ты не похожа.

— А я вообще не из Испании, — на меня, как в детстве, накатила беззаботная лихость, когда любое море кажется по колено, а любое дело по плечу. — И даже не из этого времени, представляешь?

Я замерла, с опасением ожидая реакции на своё безрассудное признание. Дура, ничему меня жизнь не учит, стоило только парню проявить интерес ко мне самой, а не моему телу, как я размякла и начисто позабыла об осторожности. И что сейчас будет? В лучшем случае Диего решит, что я безумна, а в худшем сочтёт меня ведьмой и пришибёт, чтобы никто не узнал о том, что сын знатного идалго связался с ведьмой. Я постаралась отодвинуться, но Диего по-прежнему прижимал меня к себе, не спеша бросаться вон из комнаты с истошными воплями.

— Я слышал истории о том, что наше настоящее, прошлое и будущее существуют одновременно, — медленно произнёс Диего, задумчиво поглаживая меня по плечу. — Выходит, это не сказки и легенды, не вымысел мечтателей, а правда.

— Ещё какая, — хмыкнула я и не утерпев спросила. — Слушай, Диего, а почему ты... — я замялась, не зная как спросить так, чтобы не обидеть. Чёрт, раньше мне было наплевать на чувства собеседника, что-то изменилось во мне с момента встречи с этим кабальеро.

— Почему я что? — уточнил Диего, выразительно приподнимая брови.

— Ну, не боишься меня.

Я прикрыла рот рукой и отчаянно покраснела. Нет, я всё-таки дура, причём редкостная. Спросить у парня, почему он не боится девчонки, ну не это ли верх идиотизма?! Даже Максим, услышав такое, тут же стал бы рыть копытом землю, доказывая, какой он крутой мачомен.

Диего приглушённо рассмеялся:

— Прости, малышка, но ты далеко не самый страшный кошмар в моей жизни.

Ну вот, что и требовалось доказать. Я надулась и, разозлившись больше на саму себя, чем на Диего, привычно огрызнулась:

— Да что ты знаешь о кошмарах, богатенький сынок, над которым всю жизнь только что с бубнами хороводы не водили!

Вот и всё, теперь Диего окончательно обидится и с пеной у рта начнёт мне доказывать, как тяжела жизнь богатого кабальеро. Парня хлебом не корми, только дай повод поныть и пожаловаться на жизнь.

— А у тебя было не так? — Диего чуть отодвинулся, чтобы лучше видеть моё лицо.

— Представь себе, нет, — отрезала я и, поддавшись гневу, с жаром продолжила, — я всю жизнь росла, как трава в поле, нафиг никому кроме Ленки не нужна!

Как говорится, Остапа понесло. Сама не зная зачем, я рассказала Диего всю свою жизнь, танком проехала по козлам-одноклассникам, впервые в жизни открыто высказала всё, что думала по поводу коллег, и, самое главное, выплакала застарелую боль и обиду на Олега, о котором долгое время запрещала себе даже думать. Меня трясло, я стучала зубами, захлёбывалась слезами вперемешку со словами и никак не могла остановиться. Вот она, женская истерика, бессмысленная и беспощадная. Не зря парни её так боятся. Диего тоже следовало бы испугаться и убежать, в крайнем случае заскучать и отстраниться, хотя бы эмоционально, но он, наоборот, сел, усадил меня к себе на колени, словно маленькую девочку, и стал бережно укачивать, целуя в затылок.

Постепенно я затихла, только хлопая носом и порой тяжело вздыхая.

— Знаешь, Лина, — медленно произнёс Диего, не спеша ссаживать меня с колен, — понравится это тебе или нет, но даже став человеком, ты останешься здесь. Назад я тебя не отпущу.

— Зачем я тебе? — хрипло спросила я, ладонью вытирая слёзы.

Диего помолчал, задумчиво покусывая губу, а потом медленно, тщательно подбирая слова, ответил:

— Я не стану говорить, что люблю тебя, словам ты не поверишь, да и я не уверен, что чувства, которые испытываю к тебе, это любовь. Ты мне совершенно точно нравишься, стала мне дорога как друг и, не стану скрывать, я хочу тебя как женщину. Ревновать тебя пока не к кому...

— А прошлое? — хмыкнула я, искренне обалдев от подобной откровенности. — Парни обожают ревновать девушек к прошлому, можно подумать, сами невинные ангелы!

— Лин, перестань, — Диего блеснул насмешливой улыбкой, — ревновать к прошлому по меньшей мере глупо!

Блин, ну неужели мне в кои-то веки раз попался умный парень?!

— Диего, — я пристально посмотрела на кабальеро, пытаюсь понять, говорит ли он правду или мастерски водит меня за нос, — какой-то ты слишком хороший...

— Я обычный, — Диего пожал плечами, — и у тебя будет время узнать, что помимо достоинств у меня есть и недостатки.

О, а вот с этого места поподробнее, пожалуйста!

— Например?

— Я упрям, достаточно властен, не привык слепо верить и подчиняться и не верю словам. А ещё предпочитаю оценивать людей по их поступкам, а не длине родословной.

И это всё? А я-то думала...

— Знаешь, — я завожилась, прикидывая, можно ли обнаглеть настолько, чтобы погреть замёрзшие ноги о ноги Диего, или это будет перебором, — в наше время такие качества считаются едва ли не достоинствами.

— Вот именно поэтому я тебя назад и не отпущу, — спокойно ответил Диего. — Лин, если ноги замёрзли, прижми их ко мне. А хочешь, я тебя вообще одеялом укутаю?

Моя челюсть с бряканьем рухнула вниз, спрятанная в глубине души романтика могучим пинком вышибла разум из головы, а сердце весенней птицей воспарило ввысь. Это как это вообще, а? Он, что, заметил, что мне холодно? Ему что, не всё равно? А почему, он же не клялся мне в вечной любви... Он мне вообще сказал, что меня не любит! Бли-и-ин, такой шикарный парень сказал, что меня не любит! Усилием воли я прогнала идущие под ручку панику и истерику, не до них совершенно, и твёрдо решила: сдохну, а сделаю так, что Диего меня полюбит. Такого парня я никому не отдам, пусть эти сеньориты даже не надеются, Диего мой. Я окончательно утвердилась в своём решении, когда так и не дождавшийся моего ответа Диего завернул меня в одеяло и ласково поцеловал в заплаканную щёку:

— Клянусь честью, малышка, я сделаю всё, чтобы ты была счастлива.

Я довольно улыбнулась, словно маленькая девочка из доброго рождественского фильма, уткнулась носом Диего в грудь и моментально уснула. Оказывается, ночь любви — это не безудержный секс, а безмятежный сон в крепких руках любимого мужчины. И мне было абсолютно наплевать, что мы с Диего ещё толком даже не разобрались в своих чувствах, здесь и сейчас я его любила, и этого было более чем достаточно.

Пожалуй, одно из самых любимых событий девиц всех времён и народов — это бал. Балы, подобно могущественным чародеям, превращают всех девушек без исключения в дивных красавиц, а всех мужчин в Прекрасных Принцев или отважных рыцарей, но балы и обманщики, они сулят гораздо больше, чем собираются дать. Сколько радужных надежд и потаённых мечтаний разлетаются серым пеплом по окончанию праздника, сколько воздушных замков разваливается на балу, погребая своих создателей и создательниц под грудями обломков!

В гасиенде де Ла Вега к балу начали готовиться с самого утра. Слуги, под бдительным присмотром Розамунды, носились по всему дому, наводя блеск в каждом уголке, даже пристройках, где лежал сельскохозяйственный инвентарь и прочие вещи, веками хранимые на всякий вполне возможный случай. Конечно, гости в такие пристройки не заходят, но вдруг? Те же солдаты вломятся в поисках Зорро, или пара какая пылкая уединиться захочет, если много людей в дом приглашено, всякое же может случиться, верно? Слуги с таким пылом навели чистоту, что даже выжили дона Алехандро из кабинета, и почтенный сеньор вместе с бумагами перебрался в комнату сына, единственное место в доме, не затронутое предпраздничной лихорадкой, потому что Диего не терпящим возражений тоном заявил, что не потерпит полчищ слуг с вёдрами и тряпками, Бернардо прекрасно справится сам. Розамунда пыталась вразумить кабальеро, но Диего прижал пальцы к вискам и сказал, что если с ним начнут спорить, то у него непременно разыграется мигрень, и тогда он не сможет появиться на балу, а подобное абсолютно недопустимо, так как бал вообще-то и устроен в честь возвращения его, Диего, из Испании.

Розамунда неохотно подчинилась и, негромко и весьма выразительно бурча под нос что-то нелицеприятное об избалованных мальчишках, спустилась на кухню, где в клубах ароматного пара и дыма метались встрёпанные краснолицые фигуры, наводящие на мысли о подземном мире, куда неизбежно попадут все грешники после смерти. Стоит заметить, что с появлением на кухне Розамунды всем поварьятам и посудомойкам стало казаться, что в ад они попали ещё при жизни, так сказать, досрочно.

— Ну, долго мне воду ждать?! — напустилась Розамунда на Рэмми, имевшего неосторожность попасться рассерженной женщине под руку. — Если через пять минут не принесёшь мне кипятка, сам будешь этого гуся щипать! И без ошпаривания!

Рэмми метнулся за водой, по пути получив строгий наказ Мери срочно протереть бокалы, чтобы к вечеру они блестели ярче звёзд.

— Сейчас, я мигом, — выпалил мальчишка, поспешно хватая с печи тяжёлый котелок с водой. — Только кипятком Розамунде принесу!

Мальчуган метнулся к грозной нахоленной фигуре, возвышающейся прямо в центре кухни, споткнулся о чей-то башмак и... Кипяток волной выплеснулся из котелка, заливая всё вокруг, женщины с истошным визгом принялись подбирать юбки, мужчины заругались, поспешно отскакивая ближе к стенам.

— Безрукий! — загрохотала Розамунда, гневом прикрывая страх за мальчугана. — Я велела гуся шпарить, а не себя! Эй, Хосе, выводи отсюда этого безобразника! Мария, птицей лети за лекарем!

Рослый угрюмый Хосе, про которого шутили, что он за всю свою жизнь не сказал и

десяток слов, легко подхватил сжавшегося в комочек, всхлипывающего мальчугана (громко плакать от боли не позволяла мужская гордость) и вынес его из кухни. Мария бросилась следом, поспешно вытирая руки полотенцем.

— Ты куда, красавица? — окликнул из окна девушку Диего.

Мария всплеснула руками:

— Беда, дон Диего! Рэмми ошпарился, за лекарем бегу!

— Коня возьми, верхом быстрее, — приказал Диего, нахмурившись. — Хосе, неси мальчика в гостиную.

Хосе неуклюже поклонился, а Диего привычно посадил крыску на плечо, взял протянутый Бернардо сундучок и вышел из комнаты, жёстко наказав другу никого из слуг не пускать. А то им дай волю, всю комнату с ног на уши перевернут под видом уборки, потом ничего не найти будет. Бернардо послушно кивнул. Чем меньше людей входит в покои Диего, тем меньше вероятность обнаружения потайного хода.

По пути в гостиную Диего смог оценить размах приготовлений к балу и сдавленно чертыхнулся: судя по подготовке, приглашены не просто пара-тройка соседей, а как минимум половина городка!

— Я Рэмми на диванчик у окна положил, сеньор, — пробурчал Хосе, с грацией медведя вываливаясь из гостиной.

— Спасибо, Хосе, — Диего коротко кивнул и, перешагнув через ведро воды с густой шапкой мыльной пены, вошёл в гостиную.

Рэмми сжался комочком на диване, плечи и спина мальчугана мелко вздрагивали.

— А ну-ка, — Диего ласково повернул мальчика лицом к себе, — что тут у нас?

— Я воду пролил, — хлюпнул носом Рэмми, размазывая слёзы по щекам, — поторопился и вот... Права Розамунда, никакого от меня проку, простейшего задания выполнить не могу-у-у-у...

— Подержи-ка, — Диего сунул мальчугану крыску, — можешь погладить, она обожает, когда ей между ушек почёсывают. А я обработаю ожоги.

— Нешто Вы умеете, сеньор Диего, — с сомнением шмыгнув носом мальчуган, — енто же токо лекарям под силу.

— Не только, — Диего открыл резко пахнувший травами сундучок и достал из него прозрачный пузырёк с тёмно-зелёной жидкостью, — меня мама многому научила. Глаза закрой.

Рэмми послушно прикрыл глаза, по-прежнему крепко сжимая в руках крысу, которая, что интересно, и не пыталась вырваться, внимательно наблюдая за Диего.

— А я думал, крысы глупые, — пропыхтел Рэмми, мужественно сдерживая себя от крика и слёз. Обожжённую кожу пекло всё сильнее, а после лекарства начинало ещё и немного пощипывать.

— Ну что ты, — Диего ещё раз аккуратно промокнул ожоги маминым чудодейственным отваром и тщательно закупорил пузырёк, — серые животные считаются самыми умными.

— Кроме лис, — Рэмми широко улыбнулся, восторженно блестя глазами. — Среди лис самый умный — чёрный. Чёрный лис, Зорро, Вы слышали о нём, дон Диего?

Диего сдавленно кашлянул.

— Ах, да, конечно, Вы о нём слышали, — Рэмми хихикнул, прикрыв ладошкой рот, — комендант Вам ещё предлагал плащ и маску примерить...

— Рад, что тебе уже лучше, — Диего поднялся и взъерошил волосы мальчугану. — А

теперь слушай меня внимательно: до приезда лекаря не вставай, ожоги не колупай и не расчёсывай. Это понятно?

— Дон Диего, да у меня уже всё прошло, — заныл Рэмми, но Диего строго нахмурился:

— Ты меня слышал.

— Да, сеньор, — тяжело вздохнул мальчуган, снова утыкаясь носом в спинку дивана.

Диего негромко хмыкнул, опять посадил крыску себе на плечо и вышел навстречу лекарю, с озабоченным видом оглядывающемуся по сторонам.

— Дон Диего, — старик лекарь близоруко сощурился, — каким прекрасным кабальеро Вы стали! Что и говорить, Испания сделала из мальчика мужчину!

— А вот Вы совершенно не изменились, — Диего обнял старика, с наслаждением вдыхая знакомый с детства аромат приторно-сладких микстур и табака, — годы над Вами не властны, сеньор Мендес.

— Ох, дон Диего, только с годами начинаешь понимать неотвратимость старости, — вздохнул лекарь. — Однако я заболтался. Что у Вас случилось? Мери пыталась мне рассказать, но Вы же знаете женщин, от них никогда не услышишь ничего путного!

— Рэмми ошпарился. Нёс котелок с кипятком и споткнулся.

— И только-то? — дребезжаще рассмеялся лекарь. — Ох уж эти мальчишки, вечно у них синяки да шишки! А помните, дон Диего, как Вы в пять лет попытались сесть на коня Вашего батюшки?

Крыса заинтересованно пискнула и подалась вперёд, но Диего с мягкой улыбкой прервал поток воспоминаний:

— Прошу прощения, сеньор Мендес, мне нужно готовиться к балу. Надеюсь, Вы и Ваша несравненная супруга почтите нас своим присутствием?

— Разумеется, — польщённо улыбнулся лекарь. — Моя племянница, сеньорита Роза, мечтает с Вами познакомиться.

Улыбка Диего немного поблёкла.

Диего

Признаюсь честно: балы мне никогда не нравились. Танцевать я не люблю, хоть и умею, а бесконечные разговоры ни о чём (обсуждать серьёзные темы на балу считается дурным тоном) усыпляют быстрее и надёжнее любого снадобья. Мальчишкой я люто завидовал Бернардо, чьё положение в нашей семье избавляло его от обязательного присутствия на светских мероприятиях. Повзрослев, я научился флиртовать с хорошенькими сеньоритами, обмениваться остротами с кабальеро и почтительно выслушивать воспоминания седых сеньоров, неизменно сводящиеся к критике современной молодёжи и ностальгии по безвозвратно ушедшему прошлому. Балы перестали быть ненавистной повинностью, но и полюбить их я так и не смог.

— Вот объясни, Бернардо, чего ради отец пригласил к нам весь город? — я взял бледно-золотистую рубашку, по рукавам и вороту отделанную атласными лентами.

Бернардо выразительно приподнял брови и развёл руками.

— Да, ты прав, наше семейство одно из самых влиятельных в городе, мы не могли пригласить только соседей, — я запутался в лентах и чуть не порвал рукав. — Чёрт! Но это же не повод устраивать на меня самую настоящую облаву! Можно подумать, мне коменданта с солдатами мало!

Бернардо активно зажестичулировал.

— Я не так стар, чтобы задумываться о наследниках!

Я сердито стащил рубашку и швырнул её в кресло:

— Проклятые ленты, дай простую белую.

Бернардо сурово поджал губы и непреклонно покачал головой.

— Ты прав, — я тяжело вздохнул, — обычная белая рубашка дону Диего де Ла Вега не подойдёт, слишком простая для блестящего кабальеро. Ладно, тогда светло-серую.

Бернардо как-то странно приподнял бровь, внимательно глядя на меня.

— Что? — я развёл руками. — Светло-серая рубашка и тёмно-серый, расшитый серебром камзол. Не переживай, он достаточно яркий и блестящий.

Бернардо кашлянул, кивнув на крыску. Что случилось? Пушистая сеньорита решила попробовать на зуб отвергнутый мной наряд? Я резко повернулся, но крыска и не думала хулиганить, чинно сидела на подушке, обернув лапки хвостиком. Тёмно-серая шёрстка глянцевито поблёскивала в лучах солнца.

— И что? — я фыркнул, чувствуя, как кровь прилила к щекам. — Да, мой костюм по цвету совпадает с крысиным мехом. Лично я ничего преступного в этом не вижу!

Бернардо скептически изогнул бровь, всем своим видом спрашивая: «Если нет ничего преступного, то чего же ты так взвился?»

Я отвернулся от излишне наблюдательного друга, сделав вид, что старательно подбираю шейный платок. Только от самого себя отворачиваться я не привык, да и самообман считал слабостью, прощительной для сеньорит, а никак не для взрослых мужчин. Что именно меня зацепило? Я задумчиво поворошил платки, собираясь с мыслями. Я принял цвета Каталины, тем самым признав её своей дамой. Глупости! Я раздражённо фыркнул, захлопнул крышку сундука, безжалостно придавив один из платков, и широким шагом подошёл к окну. Я создаю волка из собачьего следа. Серый мне всегда нравился. Я глубоко вздохнул и отрицательно покачал головой. И опять я пытаюсь себя обмануть. Мне всегда нравились коричневый, зелёный, жёлтый, ярко-красный, а серый казался блёклым и унылым, присущим старым девам, так и не познавшим мук любви. Только с момента появления в моей жизни Каталины серый цвет стал для меня связан с загадкой, которую непременно нужно разрешить, непокорством, скрывающимся под показным послушанием, и страстью, прячущейся под пеплом равнодушия. Мне нравится не сам цвет, а та, что по злой насмешке судьбы вынуждена его носить.

— А что, малышка, может, спустишься на бал? Когда луна взойдёт? — я круто повернулся на каблуках и впился взглядом в крыску.

При мысли о том, что я смогу потанцевать с Каталиной, буду любоваться блеском каштановых локонов в тёплом свете свечей, слышать печально-насмешливый серебристый смех, я расцвёл счастливой лучезарной улыбкой. Только вот сама сеньорита моего восторга не разделяла, выразительно покрутив лапкой у ушка.

— А почему нет, — я возмущённо пожал плечами, — я могу представить тебя как опоздавшую гостью!

Крыска посмотрела на меня как падре Антонио на отказывающегося от покаяния разбойника, уверенного, что богатое пожертвование миссии смоет все грехи и обеспечит прямой и ровный путь в рай.

Вот зараза хвостатая, да мне, между прочим, ещё ни одна сеньорита не отказывала! Ни в чём!

— Как хочешь, — я вздохнул, почесал крыску между ушек. — Прости, но крыской я тебя

гостям точно показывать не стану, а то как бы сеньориты в панике сквозь стены убежать не начали!

Крыса успокаивающе погладила меня лапкой по ладони.

— Я обязательно... — внезапно мне в голову пришла блестящая мысль, я резко повернулся к Бернардо и приказал. — Скачи в миссию и привези падре Антонио!

Бернардо так изумлённо уставился на меня, словно я его отправлял в ад за угольками для камина.

— Да, я знаю, что падре не любитель светских забав, — терпеливо, словно мать неразумному дитяте, принялся объяснять я, — но визит падре к нам на бал вызовет меньше вопросов, чем моё повторное посещение миссии. Комендант может заинтересоваться, какие грехи я так усиленно отмаливаю, что чуть ли не каждый день езжу к падре.

Бернардо согласно кивнул и уже собрался было выйти из комнаты, как вдруг нерешительно остановился и вопросительно указал на разложенную повсюду одежду.

— Иди, я всё уберу.

Бернардо метнул хитрый взгляд на крыску, покачал головой и послушно ушёл, плотно закрыв за собой дверь. Я с тоской посмотрел на царящий в комнате кавардак. Ненавижу уборку. Никогда не видел смысла в тщательном, чуть ли не по линейке раскладывании вещей. Какая разница, как ты запихаешь рубашку, главное, чтобы она не валялась на виду! Я сгрёб одежду в охапку, ногой открыл дверцу шкафа и попытался запихать наряды. Проклятая одежда никак не лезла, вываливалась из рук, а когда я всё-таки запихнул её на одну из полок, стала занимать чуть ли не в три раза больше места, чем прежде. Да ладно, и так сойдёт. Я уже собирался захлопнуть дверцу, как крыса яростно зашипела, вся встопорщившись и выгнув спину. Что с ней?

— Что случилось, Лина? — я настороженно прислушался, но ничего подозрительного не заметил. Может, мышь почуяла?

— Пи пи-пи-пи пи-пи!!! — очень содержательно пропищала крыса и, обхватив лапками голову, запрыгала по валяющейся на полу рубашке. — Пи-пи-пи!

— Сама такая, — огрызнулся я, ничего не поняв, но по интонации безошибочно определив, что меня ругают, — и вообще, не мужское это дело — с тряпками возиться!

Крыса постучала лапкой по лбу и сурово насупилась, не слезая с рубашки. Вот зараза хвостатая, ещё учить меня будет! Кто в доме хозяин в конце концов?!

— Тебе надо, ты и делай, — рыкнул я и зло захлопнул дверцу шкафа, точнее, попытался захлопнуть. Дверца качнулась назад, из-за торчащей одежды не закрылась и мстительно ударила меня по голове.

Крыса задорно запищала, обхватив лапками живот.

— Вредная ты, — вздохнул я, вытаскивая одежду из шкафа. — Мне, между прочим, больно.

На самом деле не так уж и больно было. Когда в детстве слетел с коня и спиной вперёд влетел в беседку, было гораздо хуже, от того падения у меня даже шрам остался, а тут ерунда, не столько голова пострадала, сколько гордость. Крыска всё же прониклась моим скорбным видом, подбежала ко мне, ловко цепляясь коготками, полезла по штанине, тревожно попискивая. Я привычно посадил её на плечо, чуть заметно улыбаясь. Славная она, заботливая, хоть и скрывает это, прячет под маской холодности и расчётливого высокомерия.

— Славная ты у меня, — я потёрся щекой о мягкий тёплый крысиный мех, — добрая,

нежная. Знаешь, из тебя получится прекрасная жена!

Крыса скептически фыркнула.

— Вот увидишь, — я складывал рубашки, одновременно пытаюсь представить Каталину в подвенечном платье.

Пышная юбка ей, пожалуй, не подойдёт, да и корсет восторга не вызовет, хотя я вообще сомневаюсь, что это пыточное приспособление может хоть кому-нибудь понравиться. А лиф платья можно расшить жемчугом и украсить кружевами.

Я так увлёкся, красочно представляя наше с Каталиной венчание, что даже стал мурлыкать себе под нос мотив вальса. И уборка пошла гораздо веселее, я так увлёкся, что не слышал шагов Эсмеральды, которую отправили ко мне словно прекрасную деву в жертву дракону.

— Что Вы делаете, дон Диего? — пропищала Эсмеральда, неубедительно пряча за спину ведро.

Я на миг смешался, а потом вспомнил любимую присказку отца, что лучшая защита — это нападение, и сурово нахмурился:

— А ты что тут делаешь?!

Эсмеральда испуганно отступила на шаг и, загородившись ведром словно щитом и виновато пряча взгляд, запищала:

— Дон Диего, я-то прекрасно помню, что Вы говорили, но Розамунда сказала, что негоже Вашу комнату неприбранной оставлять, а то мало ли, вдруг Вы какую... — служанка запнулась, отчаянно покраснела и поспешно поправилась, — какого-нибудь гостя к себе приведёте.

Крыса моментально нахохлилась и зашипела, выразительно косясь на меня. Неужели малышка меня ревнует? Или просто звериный инстинкт сработал?

— Эсмеральда, можешь смело передать Розамунде, что гостей, а уж тем более гостей, я принимаю в библиотеке, гостиной или беседке, — я уже собирался выставить служанку за дверь, но вовремя вспомнил о разбросанных вещах и сменил гнев на милость. — А впрочем, ты права, уборка тут явно не помешает, можешь приступать.

Эсмеральда так лучезарно улыбнулась, словно я бросил к её ногам весь мир. Мадонна, до чего же странные существа эти женщины!

— Не буду тебе мешать, — я подхватил крыску и отправился в библиотеку, надеясь, что там меня никто не потревожит.

Как бы не так! Стоило только открыть книгу пьес великого Лопе де Вега, как в библиотеку заглянул отец.

— Я бы хотел поговорить с тобой, Диего.

— О чём? — я прикрыл книгу, надеясь, что разговор будет коротким, ведь отец всё утро провёл у меня, пока Розамунда наводила чистоту в кабинете.

— О сегодняшнем вечере.

Я с тяжёлым вздохом закатил глаза.

— Диего! — отец пристукнул ладонью по столу, как делал исключительно в минуты сильного гнева. — Я не понимаю твоего легкомысленного отношения к будущему, ведь ты уже не ребёнок!

— Но я ещё и не старик! — я сердито захлопнул книгу. — Отец, ты так спешишь меня женить, словно завтра наступит день Страшного суда!

— Женатый мужчина гораздо осторожнее и благоразумнее холостяка, — отец с

тяжёлым вздохом провёл ладонью по бороде. — Семья защитит от лишних соблазнов.

— Смотри какая, — я скрестил руки на груди. — Тот же дон Рамирес пустился во все тяжкие сразу после свадьбы.

— Диего, — отец опять хлопнул ладонью по столу, — тебе следует проявлять почтение хотя бы к годам нашего соседа!

— Его года я уважаю, — пробурчал я себе под нос, — а вот распутство — нет.

Отец попытался сурово нахмуриться, но я всё равно разглядел смешинки в его тёмных, как у меня, глазах.

— Дон Алехандро, — Розамунда возникла на пороге библиотеки разгневанным божеством, специально покинувшим небеса, чтобы покарать святотатцев, — дон Диего, Вы ещё даже не переоделись, а уже дон Михаэль с семейством пожаловали!

Я взглянул на часы, стоящие на каминной полке, и не сдержал улыбки: друг отца верен себе, всегда и везде оказывается первым, поговаривают, что он даже родился на несколько дней раньше срока.

— Михаэль уже приехал? — отец широко улыбнулся и хитро блеснул глазами. — Отличная новость, Диего, поспешим принять дорогого гостя!

В отличие от отца, спешить навстречу дону Михаэлю я не стал. Во-первых, нужно было оставить Каталину в комнате, ведь приглашённые на бал сеньориты наверняка начнут оглушительно вопить при виде крыски, а во-вторых... Я вздохнул. А во-вторых, мне совершенно не хотелось идти на этот бал без Каталины. Зачем мне нужны все эти изнеженные кокетливые девицы, если моя малышка будет скучать в комнате?!

— Пи, — крыска запрыгала у меня на плече, выразительно кивая на разложенную на кровати одежду. — Пи-пи-пи!

— Да знаю я, что меня уже ждут, — я осторожно снял крыску с плеча, — просто не хочу оставлять тебя одну.

Крыска выразительно закатила глаза и фыркнула. Вот вредина!

— Будь умницей, хорошо? — я торопливо переоделся, бросил быстрый взгляд в зеркало и пригладил волосы. — Как только приедет падре Антонио, я сразу провожу его сюда. Всё, пожелай мне удачи, я пошёл.

Крыса взяла хвостик в лапку и замахала им, словно платком. Интересно, чем займётся эта пушистая проказница в моё отсутствие?

Я спускался по лестнице, поглощённый размышлениями о Каталине, когда на меня налетели два ярких, облачённых в платья по последней моде, вихря. И как я мог забыть, что у дона Михаэля две дочери-близняшки!

— Диего! — завопила Элена, повыше и постройнее, — Как я рада, что Вы приехали! Представляете, у нас в городе такое, такое!!!

— Я расскажу, — привычно отёрла сестру плечиком Мария, — а то ты опять всё перепутаешь. Диего, у нас в городе появился... — девушка благоговейно прижала ручки к пухлой груди и восторженно выдохнула, — Зорро!

Тьфу ты, чёрт, я думал, какой святой приехал! Или король Испании, не меньше.

— Зорро? — я удивлённо приподнял брови.

— Да! — обе сеньориты восхищённо закатили глаза и защебетали перебивая друг друга. — Зорро спас дона Рамиреса из тюрьмы. А ещё он дрался с комендантом и даже, — девушки перешли на свистящий шёпот, — ранил его!

Ну, ранил — это слишком сильно сказано. Поцарапал, не более.

— Здорово, правда? — Элена вцепилась в мой рукав, глядя на меня сияющими глазами. — Зорро настоящий герой! Как было бы чудесно узнать, кто это!

Я растянул губы в вежливой улыбке, обдумывая, под каким бы предлогом оставить сеньорит наедине с их восторгами. Даже не сомневаюсь, моего ухода они и не заметят, поглощённые мечтами о Зорро!

— А я знаю, кто скрывается под маской Зорро! — выпалила Мария, заставив меня чуть заметно вздрогнуть.

— И ничего ты не знаешь, — презрительно скривила губки Элена.

— А вот и знаю! — Мария топнула ножкой.

— И кто? — наседала на сестру Элена. — Ну, скажи, кто? Молчишь? Вот видишь, я же говорила, что ты не знаешь!

— Знаю! — гордо вздёрнула носик Мария. — Просто говорить не хочу.

Я скрипнул зубами, сохраняя маску вежливого интереса, хотя больше всего на свете мне хотелось взять сеньориту Марию за плечи и как следует тряхнуть.

— Дон Диего, — Элена кокетливо надула губки, — я Вас умоляю, узнайте у моей несносной сестрицы, кто такой Зорро. Я подарю Вам танец!

— Почту за честь, сеньорита, — я поклонился Элене и повернулся к Марии, которая отскочила от меня с весёлым смехом:

— Нет, дон Диего и не просите, не скажу! Я поклялась ему унести эту тайну с собой в могилу!

Ему? Коменданту, что ли? Нет, если бы комендант знал, кто такой Зорро, здесь бы уже не продохнуть было от солдат.

— Кому это ты пообещала? — ревниво спросила Элена, нервно теребя в руках платочек.

Мария округлила глаза и благоговейно выдохнула:

— Зорро!

Кхм, у меня провалы в памяти, или прелестная сеньорита попала в лапы самозванцу? Второе вероятнее.

— Обманщица! — Элена стиснула кулачки и отчаянно покраснела. — Ты даже не видела Зорро!

— А вот и видела, — Мария воинственно вскинула голову, — мы с ним даже целовались!

— Когда? — ахнула Элена, прижимая ладошку к губам.

У меня был тот же самый вопрос, но я вовремя вспомнил, что благовоспитанные кабальеро умеют молчать и слушать.

— Вчера вечером, — Мария гордо выпятила грудь и трянула бледно золотыми, старательно уложенными по плечам локонами, — у изгороди.

— Я видела тебя вчера вечером, — неуверенно возразила Элена. — Ты была с доном Пабло... Мадонна! — Элена широко распахнула блестящие голубые глаза. — Ты хочешь сказать, что дон Пабло...

— И есть Зорро, — Мария восторженно, словно маленькая девочка, подпрыгнула на месте и хлопнула в ладоши. — Здорово, правда?

— Дон Пабло не может быть Зорро, — Элена поджала пухлые губки, став удивительно похожей на строгую гувернантку. — Подумай сама, в то время, как Зорро сражался с комендантом в саду у Эсперансы, дон Пабло был у нас в гостях!

Я понял, что сеньориты благополучно забыли о моей скромной персоне, и подошёл к

отцу, чтобы вместе с ним встречать прибывающих на бал гостей.

Гостей было много, не только соседи, приезжали кабальеро и из дальних гасиенд, причём все с дочерьми, племянницами и прочими дальними родственницами, оставить дома которых не было никакой возможности. В принципе я не возражал против распустившегося в нашем доме цветника, но все сеньориты, как специально сговорившись, щебетали только об одном: о Зорро. И если кабальеро ещё с вежливым интересом, умело маскировавшим снисходительные усмешки и лёгкое пренебрежение, расспрашивали меня об Испании и университете, то девицы не могли или не хотели притворяться и с пылающими восторгом глазами спрашивали меня только об одном: не знаю ли я, кто скрывается под чёрной маской? Поскольку память у меня прекрасная и каких-либо душевных болезней нет, я, естественно, отлично знал, кто такой Зорро, и именно поэтому раз за разом с огорчённым вздохом пожимал плечами. Сеньориты так же огорчённо вздыхали и скорбно поджимали губки, словно я признавался в тяжком недуге, готовом свести меня в могилу во цвете лет.

Сначала меня это даже забавляло, но уже через час начало по-настоящему раздражать. Самым популярным человеком на балу стал сержант Гарсия, который приехал вместо коменданта и во всеуслышание по секрету объявил, что капитан Гонсалес ранен самим Зорро, а потому заперся у себя и строит планы отмщения неуловимому разбойнику. О планах коменданта я бы и сам с удовольствием послушал, но пробиться сквозь плотную толпу сеньорит, сеньор и почтенных матрон не смог бы даже легкокрылый мотылёк. К счастью, наконец-то вернулся Бернардо и жестом поманил меня за собой во двор, где меня с привычной мягкой улыбкой и благословением встретил падре Антонио.

— Падре, — я вежливо поклонился старому священнику, словно дикого скакуна укрощая собственное нетерпение, — я рад, что Вы приехали.

— По-другому и быть не могло, — падре Антонио ласково коснулся моей руки, — я всегда рад помочь тебе, сын мой. Полагаю, нам не стоит тратить время на разговор, который вполне можно отложить?

Я сверкнул благодарной улыбкой.

Каталина

Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, головой я прекрасно понимала, что даже если так уважаемый Диего падре из страха, корысти или милосердия и согласится мне помочь, то вряд ли у него что-то получится. Сразу, по крайней мере. Головой-то я это всё понимала, а вот шальная надежда, вспыхнувшая подобно факелу в сердце, упрямо шептала: «А вдруг? А вдруг? Чудеса же случаются, так почему бы и нет? Диего же так верит этому священнику!»

Я пыталась задушить эту надежду, похоронить её под глыбами разумных доводов, утопить в болоте сомнений и задушить песками скепсиса, но она оказалась такой же упрямой и живучей, как русские витязи на поле брани. Любимое Ленкино сравнение, помню, оно меня всегда страшно бесило, а теперь, надо же, сама стала использовать!

Я недовольно пискнула, тряхнула головой и решила попробовать убежать от себя. Лучше гонять своё пушистое тельце по комнате, чем тревожные мысли в голове. Авось часть сомнений и печали во время марафона отстанут и забудутся.

Я уже тяжело пыхтела, словно американский полицейский, поднимающийся на третий этаж без лифта, когда звериная сущность радостно насторожилась: по коридору шёл Диего. И не один, а с каким-то старым, очень старым человеком. А этот священник, часом, не

загнётся по пути в комнату? Его кондратий не хватит?

Дверь в комнату распахнулась так стремительно, что меня чуть не смело к стене словно сухой листок. Эй, осторожнее! Я сердито пискнула, и Диего моментально подхватил меня на руки, на миг уткнувшись лицом в пушистый тёплый бочок. Пахло от красавчика горькой смесью разочарования и обиды, щедро приправленной усталостью. Не поняла, он сейчас на балу или на войне был?

— Падре, позвольте Вам представить Каталину, — Диего бережно, словно я была редчайшим цветком, протянул меня морщинистому старику с такими прозрачными серыми глазами, каких я ни у кого раньше не видела. — Каталина, это падре Антонио, духовный наставник всей нашей семьи.

Угу, забыл добавить, начиная с предка-основателя.

— Раз знакомству, — падре с улыбкой взмахнул надо мной рукой. Надеюсь, благословил, а не проклял. — Осмелюсь заметить, Вы очаровательны.

А то! Обаяние прямо через край хлещет, и это вы меня ещё в хорошем настроении не видели. А падре-то о-го-го какой дамский угодник!

Я вежливо пискнула, чуть поклонившись.

— К сожалению, Каталину заколдовали, и она превращается в девушку только в свете луны, — Диего улыбнулся и чуть заметно покраснел, не иначе вспомнил моё превращение. — Падре Антонио, Вы сможете нам помочь?

На изрезанном морщинами лице священника не дрогнул ни один мускул. Вот интересно, падре благополучно ничего не услышал (а что, годочков-то немало, ещё первых апостолов, поди, застал!) или тут абсолютно нормально обращаться к священнику по поводу колдовства?

— Сеньорита, — от спокойного и благожелательного голоса падре у меня помимо воли шерсть на спине поднялась дыбом, — что именно сказала Вам та, что наложила на Вас заклятие?

Перед глазами моментально возникла старуха, бабка Марьяшки, такая же древняя и внешне совершенно безобидная как этот падре.

— Ты станешь крысой, пока не научишься быть человеком, — прозвучал в ушах пафосный, чуть дребезжащий старческий голос.

Вот интересно, и что это означает? Какой смысл вкладывала явно рехнувшаяся на старости лет старуха в своё проклятие? На меня внезапно накатила свинцовая усталость. Всё напрасно, никто, ни Диего, ни прославленный падре, как его там, не смогут мне помочь, я никогда не стану человеком, так и останусь крысой. Так стоит ли трепыхаться, не проще ли подчиниться своей участи, а то и разом оборвать своё...

Диего резко дёрнул меня за хвост, заставив отчаянно пискнуть и оскалиться. Озверел?! Свой хвост отрасти, за него и дёргай!

— Не смей, — рассерженной коброй прошипел Диего, так при этом сверкнув своими глазищами, что я чуть не описалась от страха, — не смей опускать руки и сдаваться. Крысой ты будешь или нет, но я тебя не брошу!

— Я уверен, что заклятие обратимо, — старый священник деликатно сделал вид, что ничего не заметил, с таким интересом глядя на огонь в камине, словно первый раз в жизни его видел.

— И каким образом его снять? — Диего по-прежнему довольно угрожающе сжимал мою нахохленную тушку в руках.

— Полагаю, Диего, тебе стоит вернуться к гостям, — падре рассеянно улыбнулся, глядя прозрачно-серыми, словно вода в ручье, глазами куда-то сквозь меня.

Судя по промелькнувшей по лицу Диего гримасе, гостей он видел очень далеко и при весьма пикантных обстоятельствах.

— Диего! — дон Алехандро, дай ему бог крепкого здоровья на долгие годы, привычно распахнул дверь и лишь потом небрежно стукнул по косяку. — Моё почтение, падре Антонио, рад Вас видеть. Диего, немедленно спускайся к гостям. В конце концов это неприлично!

— Неприлично во время танца с одним грезить о другом, — совсем по-мальчишески выпалил Диего. — Собравшимся у нас сегодня гостям нет до меня ни малейшего дела, все только и обсуждают Зорро!

Я озадаченно нахохлилась, не понимая, как можно думать о ком-то другом рядом с Диего. Он же классный, даже если не брать во внимание его сексуальную внешность. А какой у него голос, кружит голову и согревает, словно терпкое старое вино. А руки! Сильные, крепкие, тёплые, в таких руках чувствуешь себя маленькой девочкой, надёжно укрытой от всех бурь и невзгод. А ещё Диего прекрасный рассказчик, у него потрясающее чувство юмора, он внимательный и заботливый...

«Стоп, подруга, — осадил я сама себя, — не надо возводить Диего при жизни в святые. Он живой человек, и помимо достоинств у него есть и недостатки».

«Которые его абсолютно не портят, — прозвучал ехидный тонкий голосок моей крысы, не иначе. — И вообще, именно недостатки нас и притягивают, достоинства у всех примерно одинаковые!»

Я так увлеклась бурным спором с самой собой, что пропустила ссору между доном Алехандро и Диего, очнувшись, только когда меня резко сунули в руки священника.

— Надеюсь, падре Антонио, Вас не затруднит присмотреть за этой милой зверюшкой, — стальным голосом отчеканил дон Алехандро и крепко взял Диего за рукав. — А мы, с Вашего позволения, спустимся к гостям.

— Желая приятно провести время, — падре вежливо поклонился, мягко удерживая меня в своих прохладных, пахнущих чем-то сладковатым ладонях.

Дверь за сеньорами де Ла Вега решительно захлопнулась.

— Прошу прощения, сеньорита, — падре Антонио мягко улыбнулся, — не могу не спросить: каковы Ваши планы в отношении дона Диего де Ла Вега? Кабальеро Вами не на шутку увлечён.

— А какие могут быть у крысы планы на человека? — выпалила я и замерла, не в силах поверить, что ко мне вернулась речь. Как же так, ведь я по-прежнему крыса?

— Как я уже говорил, заклятие вполне можно снять, — невозмутимо заметил падре Антонио, продолжая по-прежнему чуть отстранённо улыбаться. — Что именно сказала Вам та, что наложила чары?

— Ты станешь крысой, пока не научишься быть человеком, — медленно, стараясь проникнуть в тайный смысл каждого слова, ответила я. — Но это же полный бред, я и была человеком!

— Ты уверена в этом, дитя моё?

Я уже готова была гордо заявить, что иначе и быть не может, но вспомнила, как часто и с какой нескрываемой ненавистью меня называли крысой, и прикусила язык. Неужели Максим, Марьяшка и прочие обитатели серпентария были правы? Но чем они лучше меня?

Почему я стала крысой, а они нет?

— А кого ты можешь назвать человеком? — падре Антонио в этот вечер решил психотерапевтом поработать, не иначе. — Настоящим человеком?

Я чуть не брякнула про «Повесть о настоящем человеке», но вовремя прикусила язык, светить тем, что я из другого времени, точно не стоило. Тем более перед священником, ещё и католическим. В нашей стране как-то с католицизмом всё непросто, одно Ледовое побоище чего стоит.

— Так кто для тебя пример настоящего человека? — мягко повторил падре Антонио, так и не дождавшись ответа.

Я пожала плечами, что в крысином облике было довольно трудно:

— Разумеется, Диего и дон Алехандро.

И опять вовремя прикусила язык, благополучно не сказав, что я вообще мало кого кроме них тут знаю.

— Похвальный выбор, — падре Антонио плавно опустился в кресло, задумчиво погладил меня между ушками. — А почему ты считаешь их настоящими людьми?

Чёрт, ну чего он ко мне прикопался, а? Я не любительница разговоров по душам, да и на исповеди ни разу в жизни не была.

Падре Антонио деликатно молчал, но я прекрасно понимала, что он не отвяжется от меня до тех пор, пока не получит внятного ответа на свой вопрос.

— Я не знаю, — пробурчала я, делая попытку вывернуться из рук священника. Ага, с тем же успехом ведьма может отбиваться от лап Инквизиции!

— А как вы познакомились?

Я фыркнула и сначала неохотно, а потом всё больше и больше увлекаясь, рассказала о первой встрече с Диего, о моих пакостях, которые красавчик никогда не спускал...

— Ой, подождите! — я подпрыгнула в руках падре Антонио, — в одежде Бернардо... — я осеклась под мягким, всё понимающим и ничего не забывающим взглядом священника, но потом отважно встряхнулась и закончила, — там бумаги лежат. Из тайника.

— Полагаю, дитя моё, тебе стоит сказать об этом самому Бернардо. Или Диего.

Угу, просто спешу и падаю. Бернардо мне за такую подставу и хвост оторвать может, а выглядеть прожжённой стервой в глазах Диего мне и вовсе не улыбается.

— И тем не менее, — падре Антонио мягко почесал меня между ушек, — покаяние без искупления мало действенно.

Я нахохлилась, став похожей на комок пыли в углу комнаты нерадивой хозяйки. Не хочу разочаровывать Диего! До слёз больно даже представить, как его тёмные глаза огорчённо потухнут.

— А вы можете позвать Бернардо? — из двух зол я привычно выбрала меньшее, мальчишка-слуга и так считал меня исчадием ада, а значит, моё признание ничего не изменит.

— Разумеется, — падре Антонио был просто сама любезность. — Заодно попрошу его принести тебе, дитя моё, бальное платье.

— Зачем?

— Когда ты станешь человеком, то, вполне естественно, захочешь побывать на балу. Жители нашего города уверяют, что дон Алехандро устраивает самые интересные праздники, получить приглашение на которые большая честь.

— Не припомню, чтобы меня приглашали, — пробурчала я, тщетно делая вид, что мне

всё это совершенно неинтересно.

Падре Антонио укоризненно покачал длинным и тонким, словно высохшая веточка, пальцем:

— Дитя моё, ты лукавишь.

Я фыркнула и демонстративно свернулась клубочком, уткнув носик в бочок и обвив себя хвостиком. Подумаешь, уж и пококотничать немножко нельзя!

В крови пузырьками шампанского гуляло почти забытое ожидание настоящего чуда. Я опять чувствовала себя Золушкой, которой добрая крёстная пообещала новое платье, хрустальные туфельки, бал во дворце и принца в комплекте.

«Стоп, Каталина, успокойся. Вспомни, как закончилась твоя сказка в прошлый раз, — пытался достучаться голос разума, но его начисто заглушал восторженный писк романтической дурочки, которую учить чему-либо просто бесполезно. — В этот раз всё будет по-другому, по-настоящему!»

Разум пожал плечами, выразительно закатил глаза и умолк, считая ниже своего достоинства спорить со всякими романтическими бреднями.

Пока я предавалась радужным мечтам, падре Антонио позвал Бернардо. Мальчишка бесшумной тенью скользнул в комнату и замер, вопросительно глядя на священника.

— Ну же, дитя моё, — падре Антонио чуть пощекотал мою шейку, — Бернардо ждёт.

Я судорожно сглотнула, не испытывая ни малейшего желания каяться в совершённых проступках. И вообще, что такого страшного я сделала? Подумаешь, документы перепрятала! Между прочим, тайник даже не закрывался как следует, так что по большому счёту Диего мне ещё спасибо сказать должен!

— Сеньорита, — в голосе падре Антонио прозвучало предостережение, — вспомните о заклятии.

Да чтоб вас всех! Я сердито взъерошилась, отвесила себе мысленную оплеуху и нарочито ровным тоном произнесла:

— Бернардо...

Мальчишка ожидаемо вздрогнул и вытаращился на меня с чем-то неуловимо напоминающим страх. Можно подумать, никогда говорящих крыс не видел!

— У тебя в одежде документы из тайника Диего лежат, — я беззаботно вильнула хвостиком, — после того, как ты их обратно в тайник уберёшь, мне платье принеси, бальное, — я умильно сложила ушки фунтиком и добавила, — пожалуйста.

Судя по тому, как мальчишка произвольно стиснул кулаки, платье он готов был сшить исключительно из моей шкурки. Да ладно, ничего страшного я не сотворила, а если вспомнить, что сначала я бумаги сжечь хотела, то вообще была удивительно милосердна и благоразумна!

— Бернардо, — падре Антонио пересадил меня на подушку, подошёл к индейцу и отечески положил ладонь ему на плечо, — я знаю, сеньорита часто испытывала твоё терпение, но ты же помнишь, что ни одно испытание не даётся нам просто так. И принимать их стоит с христианским смирением и кротостью.

Индеец судорожно взмахнул руками, а потом так яростно принялся жестикулировать, что я сразу поняла: на меня жалуется. Тоже мне, ябеда-корябеда!

Я громко пренебрежительно фыркнула и отвернулась к стенке. Чёрт, сейчас падре выслушает клязу этого мальчишки и откажется мне помогать. А то ещё и Диего против меня попытается настроить, мол, эта дрянь достойна того, что с ней произошло. Конечно,

Диего меня не бросит, я в этом уверена, но всё равно где-то в глубине души голодным комаром зудит: «Никто тебе не станет помогать, никому ты не нужна, а будешь выпучиваться, вышвырнут на улицу, чтобы не мешала». Я так прониклась жалостью к себе любимой, что не сдержала громкого горестного всхлипа. Одного единственного, зато очень звучного. Я сжалась в комок и оскалилась, уже готовая к насмешкам и скрытому, а то и явному торжеству, как бывало всякий раз, стоило мне показать свою слабость в присутствии коллег, но падре Антонио только мягко улыбнулся мне, а Бернардо... Бернардо взял меня на руки и чуть покачал, словно маленькую девочку, которой приснился страшный сон.

— Прости меня, — пискнула я, виновато отводя глаза.

Хотелось добавить что-то ещё, но проклятые слова разбежались быстрее тараканов от включенного света.

Бернардо озорно мне подмигнул, а потом скорчил нарочито серьёзную гримасу и протянул мне руку. Я подавила короткий смешок и пожалала своей лапкой краешек пальца Бернардо, на большее, сами понимаете, крысиной лапки просто не хватило.

— Отлично, — падре Антонио широко улыбнулся, — а сейчас, когда топор войны наконец зарыт, Бернардо, будь добр, принеси Каталине бальное платье. Сеньорита идёт на свой первый бал!

А ведь падре Антонио прав. В моей жизни было много вечеринок, званых приёмов и прочих мероприятий различной степени замороченности, но бала, с прекрасными девушками в пышных платьях в духе Скарлетт, галантными кавалерами в украшенных вышивками камзолах, кружащими своих партнёрш по натёртому до блеска паркету под живую музыку, не было ни разу. Почему? Это уже не важно.

— Падре, — я охнула и всплеснула лапками, так стремительно повернувшись к священнику, что чуть не упала на пол, — я что, пойду на бал?

На изрезанном морщинами лице старика не дрогнул ни один мускул, только в глазах мелькнуло что-то вроде лёгкого удивления. Ну да, признаю, вопрос идиотский, но я только сейчас по-настоящему стала осознавать размер надвигающейся катастрофы.

— Что тебя тревожит, дитя моё? — мягко спросил священник, успокаивающе беря меня на руки.

— Я ни разу в жизни не была на балу, — выдохнула я, — я ничего не знаю!

— Ты умеешь танцевать вальс?

Я удивлённо посмотрела на старика и переступила с лапки на лапку:

— Танцевать я умею, это не проблема. Точнее, проблема не в этом. Мне же нужно будет что-то о себе рассказывать, да и с этикетом я не особенно дружу. Там, откуда я... прибыла... — я замялась, подбирая слова.

— Общество Лос-Анхелеса довольно миролюбиво и снисходительно, — падре Антонио с лёгкой задумчивой улыбкой устремил взор куда-то в далёкие дали, видимые лишь ему, — здесь много прощают, особенно дебютанткам.

Кхм, учитывая, что у нас дебютантками называли девочек четырнадцати-пятнадцати лет, я под это определение явно не подхожу.

— По поводу же своей истории не беспокойся, я назову тебя своей воспитанницей.

— А у почтенной публики не возникнет вопросов, откуда у вас появилась воспитанница? — подозрительно уточнила я. — И где вы скрывали её столько лет?

Падре Антонио негромко рассмеялся:

— Поверь мне, дитя моё, в Лос-Анхелесе не принято задавать вопросы священникам.

Эстебан Рокхе всегда чувствовал себя на балах как привыкший и зимой и летом бегать босиком деревенский мальчишка в подаренных ему новых ботинках. Вроде бы и тепло, и красиво, а всё равно что-то мешает, давит, жмёт и сковывает движения. Вот и сейчас, в гасиенде да Ла Вега сеньор Рокхе всё сильнее ощущал себя лишним на развернувшемся перед ним празднике жизни. Впрочем, не он один. За приветливой улыбкой молодого дона Диего, в честь возвращения из Испании которого любящий отец и устроил столь пышное торжество, проницательный сеньор Рокхе безошибочно угадывал скуку и нетерпение.

— Разве можно скучать на столь блестящем празднике, дон Диего? — Эстебан с лёгкой улыбкой, призванной скрасить возможную бестактность, покачал головой.

— Ах, сеньор Рокхе, — Диего страдальчески вздохнул, — когда сердца всех прекрасных сеньорит покорены разбойником в чёрной маске, что ещё остаётся?

— Не всех, — Эстебан ловко подхватил с подноса пробежавшего мимо слуги два бокала. Один протянул Диего, а из второго с удовольствием отхлебнул сам, — сеньорита Эсперанса, между нами говоря, страшно разгневалась на Зорро за то, что он истоптал клумбу. И даже сказала, что если этот разбойник ещё раз сунет свой лисий хвост в её владения, она спустит на него собак.

Диего возблагодарил небеса за то, что не успел сделать глоток из бокала, иначе благородное старое вино точно бы застряло в горле словно старая кость, и не сдержал изумлённого восклицания:

— А мне сеньорита Эсперанса всегда казалась скромной и доброй девушкой!

Пожалуй, даже излишне скромной, но, как оказалось, этот тихий омут обильно заселён разнообразной и далеко не всегда безопасной живностью.

Эстебан жёстко усмехнулся одним уголком губ и негромко заметил:

— Что же ещё ей оставалось, если она в родном доме жила на положении то ли приживалки, то ли бедной родственницы!

Диего был полностью согласен с этим дерзким, безусловно выходящим за рамки хорошего тона, но при этом смелым и искренним парнем, только вот образ светского щёголя и книгочея подразумевал совсем иную реакцию.

— В нашем обществе принято считать, что сеньорита Эсперанса является воспитанницей дона Рамиреса, — поджав губы, чопорно заявил Диего. — И мы искренне восхищаемся доном Рамиресом, поскольку...

— Он запросто мог вышвырнуть девчонку на улицу, — хмыкнул сеньор Рокхе.

— Сеньор Рокхе, Вы говорите возмутительные вещи! — Диего оскорблённо вскинулся, решив не ждать более благоприятного момента для завершения беседы с человеком, чья проницательность становилась опасной.

— Я говорю правду, — устало вздохнул Эстебан, — но если Вам она не по душе, может быть поговорим о Зорро?

В этот раз Диего даже притворяться не пришлось, гримаса отвращения и недовольства сама собой появилась.

— Я Вас умоляю, — сеньор де Ла Вега небрежно взмахнул рукой, — только не это! Давайте лучше поговорим о Вас, ведь Вы, если не ошибаюсь, новый человек в нашем обществе? Давно Вы прибыли из Испании?

Сеньор Рокхе подобрался, словно тигр перед прыжком:

— А кто Вам сказал, что я из Испании?

Диего удивлённо захолопал глазами и деланно рассмеялся:

— А откуда ещё к нам приезжают столь блестящие кабальеро!

Эстебан сузил тёмно-серые, сейчас казавшиеся почти чёрными глаза, внимательно изучая стоящего перед ним кабальеро.

«А мальчишка-то не так глуп, как кажется на первый взгляд, — отметил для себя сеньор Рокхе. — И фигура у него не учёного, а воина, привыкшего к пешим и верховым прогулкам, вон, ноги какие мускулистые! И сутулости, характерной для учёных нет, как и близорукости, присущей всем книголюбам».

— Вы правы, дон Диего, — чувствуя, что пауза затягивается, медленно произнёс Эстебан, — я действительно прибыл из Испании.

— О, — оживился Диего, не терявший надежды узнать хоть что-нибудь существенное о человеке, которого все местные кумушку готовы были обвинить во всех смертных грехах и самых страшных преступлениях, начиная с предательства Иисуса Христа. — Я так и знал, что у нас найдётся тема для совместных воспоминаний!

— Вряд ли, дон Диего, — сухо ответил сеньор Рокхе, — в Испании мы точно вращались в разных кругах.

«Что-то кабальеро темнит, — отметил Диего, сохраняя на лице выражение благодушного любопытства, свойственного, как он успел заметить, всем людям, проводящим больше времени в книгах, чем в реальном мире, — кто он? Зачем приехал в Лос-Анжелес? Или правильнее будет спросить, почему уехал из Испании?» В голове Диего вспыхнули какие-то смутные образы, обрывки какой-то истории, скандальной настолько, что не услышать её было невозможно, но при этом не затрагивающей Диего и его знакомых, а потому не осевшей в памяти.

Эстебан по чуть блеснувшим глазам Диего понял, что невольно навёл молодого кабальеро на размышления о своей скромной особе (а учитывая праздный образ жизни, который вёл молодой де Ла Вега, времени на раздумья у него было более чем достаточно) и под первым же благовидным предлогом, танцем с сеньоритой Эсперансой, поспешил раскланяться. Только вот точно так же вежливо раскланяться с собственными мыслями не удалось, да и не привык сеньор Рокхе тешить себя иллюзиями, а потому, вернувшись домой, раскурил сигару, придвинул к себе поближе чернильницу и стопку листов и уселся в глубокое кресло, в котором любил отдыхать после обеда дон Рамирес.

Эсперанса, безошибочно определив, что любимого сейчас беспокоить не стоит, ушла в сад возиться с цветами, которые, как поговаривали встречающиеся в каждом городке сплетники, любила даже больше людей. Эстебан же сидел в глубоком кресле, с отсутствующим видом попыхивая сигарой и что-то черкая пером на подхваченном со стола листе. Постепенно из хаоса чёрточек и линий разной степени кривизны проступило очертание мужской фигуры. Сеньор Рокхе окинул придирчивым взглядом набросок, удовлетворённо хмыкнул, раздавил окурок в хрустальной пепельнице, деловито потёр ладони и ещё энергичнее заскользил пером по листу.

Через час Эстебан с усталым вздохом откинулся на спинку кресла, раскуривая новую сигару. На коленях у мужчины лежал портрет донна Диего де Ла Вега, выполненный столь точно, что мог бы оказать честь любому художнику-портретисту.

— Что это у тебя? — бесшумно замершая на пороге комнаты Эсперанса с

любопытством посмотрела на рисунок, но подходить ближе без приглашения не стала.

Эстебан взмахом руки подозвал девушку к себе, а когда она подошла, ловко усадил к себе на колени, игнорируя смущённый писк.

— Смотри, — сеньор Рокхе разгладил набросок и показал его Эсперансе.

Девушка наклонила голову, чуть щурясь на рисунок, и удивлённо приподняла брови:

— Диего? Вот уж не ожидала, что ты у меня такой ценитель мужской красоты!

Эстебан усмехнулся уголком губ и, опять подхватив перо, пририсовал Диего маску и развевающийся за спиной плащ:

— А теперь что скажешь?

Эсперанса опять чуть сощурилась, приглядываясь к рисунку, и прижала руки к горлу, заглушая крик изумления:

— Но... это же... это же Зорро!

— Что и требовалось доказать, — Эстебан звучно поцеловал девушку в щёку. — Наш кабальеро не так прост, как кажется на первый взгляд.

— Значит это Диего растоптал мою клумбу, — процедила Эсперанса, и глаза её хищно сверкнули. — И что ты теперь будешь делать? Сдашь его коменданту?

— Поеду в Испанию.

— Зачем? — охнула Эсперанса, и её блестящие глаза моментально наполнились слезами. — Зачем тебе уезжать?

Эстебан крепко обнял девушку, поцеловал в висок и коротко ответил, как отрубил:

— Надо.

— Пойду прикажу слугам собрать твои вещи, — убитым голосом пролепетала Эсперанса, тайком смахивая слезинку со щеки.

— Эй, — Эстебан поймал девушку за руку, — я только съезжу до Испании и сразу вернусь обратно.

— Я не понимаю, почему тебе нужно уезжать прямо сейчас?! — в голосе Эсперансы помимо воли зазвенела обида и тщательно скрываемая ревность. — Это как-то связано с Зорро? Или... или ты едешь к женщине?

— Ревнивица! — расхохотался Эстебан и, легко сломав сопротивление девушки, привлёк её к себе. — Вот уж не думал, что столь благоразумная и сдержанная сеньорита таит в себе такой вулкан страстей!

— Я испанка, если ты забыл, — обиженно пропыхтела девушка, пытаясь вывернуться из крепких объятий.

— Я тоже, — коротко усмехнулся Эстебан, — по крайней мере, на одну половину.

Гнев Эсперансы моментально улетучился, испарившись от жгучего любопытства:

— А на вторую половину ты кто?

— Чёрт его знает, — зло ответил Эстебан, и его серые глаза яростно сверкнули. — Разбойник, задравший подол моей матери... — парень осёкся и смущённо замолчал.

Эсперанса помолчала немного, а потом мягко погладила сеньора Рокхе по щеке:

— Знаешь, а я ведь тоже незаконнорожденная.

Эстебан крепко прижал девушку к себе, зарылся лицом в её пушистые, пахнущие солнцем и цветами волосы и пробурчал:

— А мне плевать.

Эсперанса, воспитанная в духе слепого следования правилам приличия и не привыкшая к подобной откровенности, смутилась, покраснела и поспешно задала вопрос, не дававший

ей покоя:

— Почему ты хочешь уехать?

— Чтобы помочь Диего, — между чёрных бровей Эстебана, придающих его лицу несколько свирепый вид, пролегла мрачная складка. — Рано или поздно комендант поймёт, кто такой Зорро.

— А нам-то какое дело?! — сердито воскликнула Эсперанса и с детской обидой добавила. — Зорро мою клумбу растоптал.

— И спас мне жизнь.

— Когда это? — сердитой кошкой фыркнула девушка. — Что-то я не припомню столь благородного поступка сеньора Зорро!

— Это было ещё в Испании, — неохотно ответил сеньор Рокхе, погружаясь в воспоминания, которые рад был бы забыть раз и навсегда.

Эстебана Рокхе не просто так называли человеком сомнительного происхождения, на то были веские основания. Мать Эстебана, сеньорита Хуана, была древнего знатного рода, представители которого с давних времён верой и правдой, крестом и мечом, служили государям, причём выбирали людей не только благородных (благородство и власть сочетаются плохо), но и щедрых на милости к своим соратникам. Стоит ли говорить, что к моменту появления на свет матушки Эстебана род мог похвастаться не только длинной родословной, но и весьма приличной казной, равной государственной казне какого-нибудь средневекового независимого города. Казалось бы, у девушки, выращенной в таких оранжерейных условиях, весь путь будет усыпан лепестками роз, но это оказалось совсем не так.

Как-то раз, когда Хуана возвращалась домой от своей престарелой тётки, на узкой заросшей травой дороге, которой пользовались лишь редкие путешественники да ещё горожане в дни больших торжеств, карету остановила разбойничья ватага. Возглавлял ватагу бывший управляющий, которого, и это Хуана помнила очень хорошо, били плетью, а потом выгнали из гасиенды за то, что он соблазнил горничную девушку.

— Ну что, птичка, попалась? — усмехнулся разбойник, а потом махнул рукой своим подельникам. — Она ваша, парни. Можете делать с ней всё, что захотите.

Когда через сутки специально посланные на поиски девушки слуги обнаружили истерзанную и окровавленную Хуану в беспомощности в придорожных кустах, все родные со слезами на глазах молили небеса лишь о том, чтобы бедняжка выжила. Спешно вызванный доктор сначала виновато прятал глаза, но с каждым днём его прогнозы становились всё жизнерадостнее. Молодой и здоровый организм пусть и медленно, но восстанавливался, у Хуаны появился аппетит, бледные впавшие щёчки зарумянились, а по губам нет-нет да и проскальзывала улыбка. О том, что с ней произошло, Хуана не помнила, а родные, движимые отчасти человеколюбием, а отчасти желанием как можно скорее забыть скандальную историю, и не расспрашивали. Жива осталась, и хвала милосердной Мадонне.

Хуана окрепла и встала на ноги, опять стала появляться на семейных вечерах, ездить, уже в сопровождении дюжих слуг, в гости и на пикники, с лёгкой улыбкой, в которой сквозила грусть, выслушивать пылкие серенады поклонников. Родные девушки вздохнули с облегчением, и вот тут-то над благородным семейством и разразилась очередная гроза: нападение разбойников, о котором все так старательно забывали, не прошло бесследно, Хуана забеременела и даже под страхом вечной гибели своей бессмертной души не смогла бы сказать, от кого из лесных насильников понесла. Родные срочно отправили Хуану в

глухой монастырь, где несчастная и прожила в уединении и отчаянии до самых родов.

Точно в срок, под оглушительные раскаты грома на свет появился крепкий малыш, сразу же издавший такой пронзительный вопль, что принимавшая роды повитуха едва не уронила младенца на пол. Родные собирались отдать мальчика на воспитание в какую-нибудь семью, а то и просто подкинуть в монастырь или миссию, но Хуана разъярённой волчицей встала на защиту своего сына.

— Да пойми же ты, глупая, — заламывал руки отец, — ты перечёркиваешь себе всю жизнь! С таким... — мужчина брезгливо сморщился, презрительно махнул рукой на сладко спящего младенца, — тебя не возьмут ни в одну приличную семью!

— Это мой сын, — отчеканила Хуана, прижимая младенца к груди.

— Сын, — фыркнул отец, — чей папаша — мерзкий разбойник, насильник и убийца, место которому на виселице!

— И пусть. Сын не отвечает за грехи отца.

— Будешь упрямитесь, отрекусь от тебя и оставлю в монастыре! — пригрозил взбешённый отец.

Хуана пожалала плечами и наклонилась к младенцу, нежно целуя его в красное сморщенное личико.

Взбешённый отец громогласно отрёкся от своей неразумной дочери и под страхом опалы запретил другим членам семейства с ней видаться и общаться, но брат Хуаны, Мигель, всё равно навещал сестру и племянника, которого мать назвала в честь героя любимого романа Эстебаном, и по мере сил помогал им.

Из монастыря Хуана и Эстебан перебрались в крошечный домик и зажили там, отвергнутые светским обществом, зато принятые всей душой своими соседями. Как и соседские ребята, Эстебан рано повзрослел и учёным премудростям предпочитал всевозможные мальчишеские забавы и проказы, на которые был великий мастер. Единственное, что унаследовал мальчуган от своей благовоспитанной утончённой матушки, был талант к рисованию, но и его Эстебан приспособил под себя, изображая не пейзажи или портреты, а довольно меткие и, чего греха таить, обидные карикатуры на соседей, родных и знакомых. За эти карикатуры на мальчишку частенько жаловались, грозились прибить, а то и колотили, если могли догнать, но Эстебан оставался верен себе, своим привычкам и своему таланту.

Когда мальчику исполнилось десять лет, в маленькой семье произошли серьёзные перемены: во-первых, сердце сеньоры Хуаны, до этого целиком и полностью принадлежавшее только сыну, смог покорить почтенный ювелир сеньор Луис. Эстебана же, который страшно ревновал мать и обозлился на весь мир, забрал к себе на воспитание сеньор Мигель, который после смерти отца стал главным в роду и мог наконец-то перестать скрывать свою помощь сестре и племяннику. Это и стало второй серьёзной переменой в жизни Хуаны и её сына.

Эстебан рос в доме своего дядюшки, словно чертополох на клумбе с изысканными лилиями: нет, разумеется, и сам дон Мигель, и его семейство приняли мальчика как родного, но по-настоящему родным всем этим благовоспитанным и знатным Эстебан себя никогда не ощущал. Так и вырос вороной в павлиньих перьях, чувствуя себя одинаково глупо и среди богатых и знатных, и среди простых людей. Дон Мигель сначала пытался отдать племянника в лоно католической церкви, но после первой же непотребной карикатуры на служителей духовенства, за которую в былые времена могли и на костёр отправить, от своей

затеи отказался, решив, что армия вернее сможет обуздать строптивного, явно унаследовавшего дурные наклонности папаши, мальчишку.

Эстебану пришёлся по вкусу военный мундир, а особенно то, как охотно сеньориты и даже замужние сеньоры падают в объятия военного. Правда, армия и живопись сочетались плохо, а потому от мундира пришлось отказаться. Дон Мигель в отчаянии махнул рукой и выделил племяннику скромную мастерскую, где тот самозабвенно трудился, создавая пусть и не потрясающие шедевры, но довольно яркие и запоминающиеся картины. Охочая до скандалов молва миглом окрестила мастерскую логовом разврата, утверждая, что девицы и женщины, заказывающие у Эстебана портреты, расплачиваются с ним исключительно натурой.

Дон Мигель пытался вразумлять племянника, но тот только отшучивался и отмахивался от всех увещеваний: мол, если кому-то завидно, пусть не робеют и приходят, он парень молодой, его на всех хватит. Благородный кабальеро разводил руками и выплачивал очередному разъярённому супругу компенсацию за украшение чела развесистыми рогами.

Где-то примерно через год такой весёлой жизни к Эстебану пришла молодая красивая сеньора пожелавшая заказать портрет. На тот момент молодой человек упорно волочился за одной неприступной красавицей, а потому заказ сеньоры принял, портрет нарисовал, но тем и ограничился, чем люто оскорбил даму. Возмущённая красотка прибежала к супругу и, обливаясь слезами и раздирая одежду на груди поведала, как проклятый художник силой овладел ею. Муж жене не то чтобы сильно поверил, но решил не упускать возможность расквитаться с проклятым мальчишкой и заодно подорвать авторитет его дядюшки, который становился всё более значимой фигурой при дворе. Оставив супругу на попечении верной служанки, супруг в компании четырёх дюжих слуг направился к Эстебану, но дома его не застал: молодой художник сломил-таки сопротивление неприступной красотки и проводил время у неё.

К тому моменту, как счастливый Эстебан возвратился-таки домой, супруг устал, проголодался и озверел окончательно, а потому не дожидаясь, пока художник войдёт в дом, натравил на него слуг. Эта спешка спасла Эстебану жизнь. Когда молодой художник рухнул на землю с рассечённой головой от мощного удара крепкой дубинкой, на тёмной улице показались двое прохожих, без лишних вопросов и раздумий бросившиеся на помощь Эстебану. Взмахами кнута разогнав нападающих, один из мужчин легко, словно пёрышко, подхватил находящегося в полубессознательном состоянии художника на руки и внёс его в дом, отправив своего спутника за лекарем. Только в Лос-Анхелесе, куда рассерженный дон Мигель отправил (точнее, выслал) своего непутёвого племянника, на балу в гасиенде де Ла Вега Эстебан увидел своего спасителя, но узнать смог только благодаря своему таланту художника. Дон Диего де Ла Вега, в Испании мастерскими ударами кнута разогнавший опьянённых запахами крови и собственной безнаказанностью мужланов, в Лос-Анхелесе оказался изнеженным книгочеем, не способным держать в руках ничего, тяжелее гусяного пера. Чего ради благородный кабальеро, вернувшийся домой, затеял такой странный и унижительный маскарад? Добро бы ещё героем прикидывался, это как раз было бы вполне понятно и объяснимо, многие стараются выглядеть в глазах сеньорит гораздо лучше, богаче и отважнее, чем есть на самом деле, но тут смелый воин прячется под маской слабака! А что, если это не единственная маска дона Диего? Эстебан нарисовал портрет Диего, добавил маску и плащ Зорро и удовлетворённо хмыкнул. Молодой де Ла Вега прирождённый лицедей, только вот публично унижать коменданта всё-таки не стоило. Капитан Гонсалес не

из тех, кто обладает христианским смирением и милосердием, он не успокоится, пока не станцует фламенко на трупе врага. А значит, придётся помочь сеньору Зорро, вернуть долг, ведь Эстебан, при всех своих недостатках, никогда не забывал добра. Зла, впрочем, тоже, и это была ещё одна причина помогать Зорро: ведь комендант чуть не арестовал Эстебана и вёл себя довольно дерзко с Эсперансой.

— Эстебан, — Эсперанса, словно прочитав мысли своего возлюбленного, прижалась к груди Эстебана, — давай завтра с утра съездим к падре Антонио.

— Зачем?! — искренне изумился сеньор Рокхе. — Мы ведь договорились, что обвенчаемся осенью, тогда и мои родные приедут.

— Падре Антонио поможет тебе добраться до Испании, — таинственным шёпотом произнесла Эсперанса и опасно огляделась по сторонам. — Он может, я знаю.

Эстебан фыркнул, но вспомнил таинственные то ли слухи, то ли легенды о неких загадочных вратах и прикусил язык. Надолго оставлять девушку не хотелось, да и перспектива месяц, а то и больше, болтаться в море, испытывая все прелести морской болезни, не радовала, а потому сеньор Рокхе, пусть и поморщившись, кивнул:

— Ладно, поедem к падре. Если не поможет, так хоть благословит на дорогу.

— Поможет, обязательно поможет, — горячо заверила Эсперанса любимого. — Падре Антонио никому в помощи не отказывает!

— Что, и коменданту тоже? — не смог удержаться Эстебан.

— А комендант его ни о чём не просил, — рассмеялась Эсперанса. — Кстати, как тебе бал у дона Алехандро?

— Бывало и хуже.

Диего

«Бывало и хуже, — думал я, танцуя с дочерью дона Фердинандо, такой же огненно-рыжей, как и её папенька, и выслушивая непрекращающийся щебет девицы. — Эта, по крайней мере, трещит не о Зорро, а о молодом управляющем. Интересно, отец в курсе, что его скромная дочурка готова отдаться слуге?»

— Я уверена, что Хосе и есть Зорро! — выпалила сеньорита Люсия, и я понял, что поторопился в своих выводах. И эта ничем не отличается от других девиц.

Проклятый бал, да когда он уже кончится?! И где, чёрт побери, Каталина и падре Антонио?! Я уже готов был плюнуть на все правила приличия и броситься к себе в поисках Каталины и падре, как вдруг седой как лунь дворецкий (я давно говорил отцу, что стоит отправить старика на заслуженный отдых, но отец отшучивался, что тогда ему не от кого будет узнать о том, как жили люди до появления огня) появился на пороге, откашлялся и чуть дребезжащим голосом провозгласил:

— Падре Антонио с воспитанницей!

Моё сердце подпрыгнуло так высоко, что даже горло перехватило. Я резво повернулся, самым непочтительным образом забыв о своей даме, плевать, сеньорита Люсия всё равно ничего не заметила, поглощённая мыслями об управляющем, а её отцу я принесу свои самые искренние извинения. И сожаления, в конце концов, дура дочь — это действительно печально. Я чуть слышно фыркнул и нетерпеливо переступил с ноги на ногу, чувствуя себя горячим скакуном, сдерживаемым железной рукой хозяина. Мадонна, да где этот падре, что он, заснул по дороге, что ли?!

И тут я, наконец-то, заметил старика священника, чья чёрная потёртая сутана резко

выделялась среды пышных нарядов гостей. Отлично, падре Антонио здесь, а где Каталина? Я впился взглядом в стоящую рядом с падре стройную девушку в изысканном платье, несколько вышедшем из моды. Словно почувствовав мой взгляд, девушка повернулась, и наши взгляды встретились. Это была Каталина.

Весь мир пропал для меня, подёрнулись дымкой цвета и звуки, люди вообще перестали существовать, остались только мы двое: она и я. Даже с другого конца зала я слышал стук её сердца, видел, как взволнованно подрагивают нежные руки, ощущал горячее дыхание на своей коже. Малышка Лина, маленькая отважная воительница, не побоявшаяся бросить вызов целому городу.

— Падре Антонио! — отец приветственным возгласом разрушил невольную заминку, вызванную прибытием новых, довольно неожиданных для собравшихся, гостей и быстрым шагом направился к священнику. — Как я рад Вас видеть!

— Дон Алехандро, — падре Антонио осенил отца благословением и почтительно поклонился, — позвольте представить Вам мою воспитанницу, сеньориту Каталину.

Я замер, словно налетев на невидимую стену. Отец прекрасно знает, что никакой воспитанницы у падре Антонио нет и быть не может. И что теперь будет? Эх, надо было раньше как следует всё обдумать, чтобы не ставить Лину в неловкое положение!

Я решительно направился к отцу и тут услышал его спокойный весёлый голос:

— Смею заметить, падре, с тех пор, как я видел Вашу воспитанницу последний раз, она превратилась в очаровательную девушку.

— Благодарю Вас, сеньор, — Каталина склонила голову и чуть присела.

Умница моя, как хорошо она держится! А отец какой молодец, даже бровью не повёл, словно так всё и должно быть.

— Могу я пригласить Вас на танец, сеньорита? — отец галантно подал Каталине руку. — На правах хозяина дома я танцую с Вами первым!

Эй, это моя девушка! Я сверлил отца сердитым взглядом, но тот словно забыл о моём существовании, легко, словно двадцатилетний юноша, ведя Каталину в вальсе.

— Дон Диего, а Вы знали о том, что у падре Антонио есть воспитанница? — прощбетала Мария, повисая у меня на руке. В тот же миг на другой руке повисла Елена, старавшаяся ни в чём не уступать своей сестре-близняшке.

— Первый раз слышу, — с досадой ответил я, прекрасно понимая, что ближайшее время не смогу отвязаться от назойливых сестриц. Ад и все его обитатели пожри этот проклятый этикет!

— Ну как же, — разочарованно протянула Елена, даже не пытаясь скрыть огорчение от моей полной неосведомлённости, — в городе об этом все знают.

Ага, конечно, давно ли?!

— Моё неведение объясняет то, что я совсем недавно вернулся из Испании, — с улыбкой оправдывался я.

— И там вы очаровывали прекрасных сеньорит? — Мария кокетливо погрозила мне пальчиком. — Признайтесь, дон Диего, сколько разбитых сердец Вы оставили?

Искренне надеюсь, что ни одного, с дамами я предпочитаю расставаться полюбовно.

— Ну что Вы, сеньорита Мария — я с печальным вздохом тяжелобольного, который ни исцелиться, ни умереть не может, махнул рукой, — какие разбитые сердца. Знакомые мне сеньориты предпочитают героев, а не скромных учёных.

Девушки дружно смутились, удар вышел превосходный, прямо в цель и всё в рамках

этикета, ничего оскорбительного для нежных сеньорит. Моё настроение немного улучшилось, по губам скользнула лёгкая полуулыбка.

— Мне кажется, дон Диего, — смущённо пролепетала Элена, старательно подбирая слова, — Вы ошибаетесь.

— Не говори глупости, сестрица, — фыркнула Мария, которая всегда терпеть не могла притворяться, чем до слёз огорчала своих многочисленных дуэний и ещё более многочисленных родственниц. — Я прекрасно знаю, что ты не задумываясь предпочтёшь Зорро любому...

— Придержи язык, Мария! — так грозно прикрикнула на сестру Элена, что я с нескрываемым удивлением воззрился на смущённо покрасневшую девушку.

Мария недовольно поджала губки, но продолжать спорить не стала, наоборот захлопала пушистыми ресничками и прощобетала:

— Дон Диего, следующий танец я дарю Вам.

Благодарю покорно, ещё один танец выслушивать восхищённые вздохи о Зорро я не готов. Я поцеловал руку сначала Элене, затем Марии и с лёгким вздохом облегчения, который честно попытался выдать за сожаление, ответил:

— Увы, сеньориты, я вынужден оставить Вас, меня зовёт отец.

Я низко поклонился девушкам, плавно развернулся и, честно стараясь двигаться медленно, направился к отцу, стоящему рядом с падре Антонио и Каталиной. Странное волнение, которого я не испытывал даже освобождая дону Рамиреса из тюрьмы, внезапно овладело мной.

— О, Диего, — отец встретил меня лёгкой одобрительной улыбкой и повернулся к гостям. — Сеньорита Каталина, позвольте представить Вам моего сына, Диего. Диего, это воспитанница падре Антонио, сеньорита Каталина.

— Искренне рад знакомству с Вами сеньорита, — я взял прохладную от волнения ручку Каталины и поднёс её к губам, — надеюсь, она перерастёт в крепкую дружбу!

— Знакомство с Вами честь для меня, сеньор, — Каталина низко присела, украдкой бросая на меня лукавые взгляды.

— Могу я пригласить Вас на танец, сеньорита?

Мне так хотелось прижать Каталину к себе, что даже ладони заныли, а малышка, лукавый бесёнок, ещё и не сразу приняла моё предложение, пролепетала, смущенно опустив очи долу и теребя кружева на манжете:

— Дон Диего, Ваше предложение такая честь для меня... Право слово, я опасаясь, что покажусь Вам скучной, ведь я долгое время жила уединённо и ничего, буквально ничего не знаю о сеньоре Зорро!

И ресничками, зараза такая, захлопала. Я глубоко вздохнул, стараясь не замечать изумлённо-осуждающего аханья находящихся поблизости сеньорит и почтенных сеньор и мягко улыбнулся, чуть требовательнее, чем это полагалось по этикету, протягивая Каталине руку:

— Я охотно прощаю Вам Ваше неведение сеньорита. Полагаю, о сеньоре Зорро сегодня было сказано более чем достаточно.

— В таком случае, я охотно принимаю Ваше предложение, — Каталина присела, явив моему взору соблазнительную ложбинку, в которой словно капля росы в чашечке цветка посверкивал небольшой кулон.

Я снова глубоко вздохнул, благодаря небеса за то, что танец начался, и пышная юбка

дамы надёжно прикрыла мою бурную реакцию на открывшуюся картинку.

— Вы так напряжены, дон Диего, — прошептала Каталина, после первого круга и добавила чуть слышно с очаровательным смешком, — местами особенно.

— Моей выдержки, сеньорита, — я мягко улыбнулся, чтобы со стороны наша беседа казалась лёгким необременительным разговором, — хватает лишь на то, чтобы не позволять руке соскользнуть ниже Вашей талии.

— Вот как? — Каталина повинувшись ритму танца чуть прижалась ко мне, словно бы случайно коснувшись грудью моей груди. — А позвольте полюбопытствовать, что же будет, если Ваша рука соскользнёт ниже?

Чертовка, она открыто соблазняет меня! Ладно, в конце концов, в эту игру вполне могут играть двое.

— Моя рука может скользнуть так, — я, опять-таки в ритме танца, опустил на одно колено и незаметно скользнул рукой по щиколотке Каталины вверх почти до колена, — или так, — я поднялся «случайно» скользнув рукой по бедру своей дамы.

— Дон Диего! — возглас Каталины прозвучал чуть громче, чем следовало, моментально приковав к нам внимание гостей. — Неужели Вы удостоились приглашения в королевский дворец?!

Что и говорить, было дело. Тот визит мне иногда до сих пор в кошмарах снится, настолько там всё было запотоколировано и подчинено тирану Этикету.

Сеньориты, услышав возглас Каталину, моментально подобрались и впервые с начала вечера посмотрели на меня с явным интересом. Выходит, сеньора Зорро всё-таки можно затмить, пусть и блеском королевского двора.

— Сеньорита, — я тяжело вздохнул и чуть прижал Каталину к себе, — я не большой любитель светских развлечений.

— Вот как? — Каталина легкокрылой бабочкой закружилась вокруг меня, её длинная юбка подобно волне обвивала и ласкала мне ноги. — Вынуждена признаться, дон Диего, я также предпочитаю тишину и спокойствие напыщенной яркости светской жизни.

Танцующие неподалёку сеньориты чуть слышно презрительно зафыркали, выразительно поджимая губки и приподнимая брови, а я изо всех сил сдерживался, чтобы не подхватить Каталину на руки и не отнести к себе в комнату на глазах у всех. А может, не сдерживаться? Насколько я помню, в Лос-Анхелесе с пониманием и одобрением относятся к пылким страстям, затмевающим разум.

— Танец закончился, — прошептала Каталина, чуть шевеля губами, — проводи меня к падре Антонио.

Я нахмурился.

— Диего, не глупи, — прошипела Каталина, чуть наступив мне носком туфельки на ногу, — не стоит шокировать общество, это больше пристало Зорро, а не дону Диего!

— Через полчаса у меня, — прошептал я в ответ, мягко целую руку своей прекрасной дамы, — и не вздумай отказываться...

— Отчего же? — в полный голос прошептала Каталина, кокетливо хлопая ресницами.

— Оттого, что последствия разбуженной стихии трудно предугадать, — также в полный голос ответил я. — Благодарю за танец, сеньорита, надеюсь, наше с Вами знакомство будет продолжено.

— Как Вам будет угодно, дон Диего, — Каталина скромно потупилась, опять присев так, что мне стала видна соблазнительная ложбинка.

— Ужасно душно, — я томно помахал рукой перед лицом, — с Вашего позволения, отец, я подойду к окну.

Отец величественно кивнул и, прикрывая меня, завязал с падре Антонио какой-то оживлённый разговор, к которому постарался подключить всех находящихся поблизости мужчин и даже дам. Сеньорита же Елена не присоединилась к беседе, а лёгкой тенью скользнула ко мне. Что ж, пока сеньорита щебечет о Зорро, я вполне успею привести себя в порядок.

— Дон Диего, — сеньорита Елена легко коснулась моей руки, — Помните, Вы обещали этот танец мне.

Когда?! Я честно попытался вспомнить, кому и что успел пообещать, но танец с Каталиной, подобно придиричивому садовнику, с корнем выдрал все остальные воспоминания. Ладно, не буду ставить сеньориту в неловкое положение.

— Разумеется, сеньорита, — я поклонился, галантно протягивая Элене руку и невольно бросая взгляд в ту сторону, где стояла Каталина. — Идёмте.

Элена расплылась в довольной торжествующей улыбке и так гордо вскинула голову, словно сражение выиграла, не меньше. Не понял, это ещё что за шутки?!

Заиграла музыка, и я повёл свою даму в танце, помимо воли сравнивая её с Каталиной. Казалось бы, сеньорита Елена тоже весьма привлекательна, её почти без преувеличения можно назвать красавицей, а никакого волнения в крови не вызывает. Античная статуя, такая же прекрасная и холодная.

— Дон Диего, — Елена капризно надула губки и кокетливо погрозила мне пальчиком, — Вы меня совсем не слушаете!

— Прошу меня простить, сеньорита, — я галантно поклонился, — рядом с такой красавицей трудно собраться с мыслями.

Элена серебристо рассмеялась, чуть откинув голову назад. Меня неприятно резанула искусственность её манер, даже смех был нарочитым, как на сцене. Хотя нет, опытным актёрам на сцене я верил гораздо больше. Мадонна, да когда уже, наконец, закончится этот танец?! И с чего бы вдруг сеньорита Елена, весь вечер щебетавшая только о Зорро, решила почтить меня своим вниманием? Неужели из-за реплики Каталины о приёме в королевском дворце?

— Благодарю за тёплый приём, дон Алехандро, — мягкий голос падре Антонио показался мне гласом небес, сообщающем о завершении мук, — мне с моей воспитанницей пора возвращаться домой.

— Оставайтесь, падре, — отец мягко положил руку на плечо священнику, — Вы и сеньорита Каталина желанные гости в нашем доме!

Точно, особенно сеньорита. Причём лично я буду просто счастлив видеть Лину хозяйкой гасиенды и своей супругой.

— Нет, дон Алехандро, — падре Антонио покачал головой, — мне нужно ещё подготовить проповедь и побеседовать с братом Франциском, он последнее время какой-то мрачный и подавленный.

— Что ж, тогда желаю Вам удачной дороги, — отец развёл руками, не смея больше настаивать. — Надеюсь, Вы воспользуетесь нашим экипажем?

— От экипажа не откажусь, — падре Антонио поклонился. — Мы прибыли верхом, а надвигается дождь.

— Сеньорита прибыла на бал верхом? — фыркнула тщетно добивавшаяся весь вечер

внимания отца донна Фелица. — Мадонна, какая нелепость!

Нелепость, донна, ваши попытки окрутить моего отца, а прогулки верхом полезны для здоровья. И вообще, не вам осуждать!

— Дон Диего, — оторвала меня от беззастенчивого подслушивания благополучно мной забытая Елена, — дон Диего, Вы опять меня не слушаете!

— Прошу прощения, сеньорита, — я виновато улыбнулся и вежливо поклонился, — мне нужно подойти к отцу. Падре Антонио уезжает.

— И его воспитанница тоже, — процедила сеньорита Елена с брезгливой гримаской.

Ого, это что, ревность? Забавно.

— Ещё раз прошу меня простить, сеньорита, — я коротко поклонился, проводил девушку к её сестре и подошёл к отцу.

— Диего, — отец мягко обнял меня за плечи, — как хорошо, что ты решил присоединиться к нам. Падре Антонио и сеньорита Каталина уезжают.

— Какая жалость, — я страдальчески поморщился и поднёс ладонь ко лбу.

— Что случилось? — от отца мои манёвры, естественно, не укрылись, он нахмурился и с тревогой посмотрел на меня.

— Голова болит, — простонал я и виновато улыбнулся гостям, — наверное, дождь будет.

Отец несколько секунд молча смотрел на меня, пытаюсь понять, какую игру я затеял на этот раз, а потом медленно кивнул:

— Если ты себя плохо чувствуешь, отправляйся к себе. Я всё объясню гостям и принесу им твои извинения.

— Благодарю, отец, — я поклонился падре Антонио и поцеловал руку Каталине. — До встречи, сеньорита. Надеюсь, она произойдёт скоро.

Лина, лукавый бесёнок, только загадочно улыбнулась, словно бабочка крыльями, взмахнув ресницами. Я с трудом сдержался чтобы не подхватить её на руки и не унести к себе. И чёрт с ними, с гостями, такую девушку отпускать нельзя!

Каталина

Второй раз в жизни я ощущала себя принцессой, попавшей на бал, но если первый раз я была наивной и доверчивой Золушкой, готовой отдать сердце первому встречному, то сейчас почувствовала себя Спящей Красавицей, которую пробудил к жизни поцелуй принца.

Мы танцевали с Диего, и мне казалось, будто за спиной у меня распахнулась пара белоснежных крыльев. Я готова была обнять весь мир, мне хотелось, чтобы все вокруг были довольны и счастливы. Короче, полный набор любовной эйфории, за которой, и я это точно знала, как и после попойки, неизбежно придёт унылое похмелье. Только вот сейчас, опять-таки впервые за долгое время, мне совершенно не хотелось думать о завтрашнем дне, я наслаждалась настоящим и твёрдо знала, что после волшебного вечера у меня обязательно будет волшебная ночь. Да, возможно, я опять наступаю на те же грабли, что и с Олегом, но наивная и восторженная девчонка в глубине души, девчонка, которую я давным-давно похоронила и развеяла пеплом, восторженно кричала: «Я люблю!» и у меня не было сил заставить её замолчать. Пусть сегодня будет сказка, ведь я всегда говорила, что лучше раз совершить глупость, чем всю жизнь корить себя за то, что не сделала её.

Я еле дождалась, когда падре Антонио стал с доном Алехандро прощаться. Я-то ведь как привыкла? Кивнули или обнялись, если такая дружба крепкая, в крайнем случае, в щёчку

друг друга клонули, рукой помахали и всё, разбежались. А тут развели прощание славянки, словно падре не в миссию, а в космос собрался! Дон Алехандро, уж не знаю, чего ради, ещё экипаж нам навязал. И всё так чинно и искренне, что будь я более наивной, точно бы поверила, что сеньор де Ла Вега меня не признал, ведь и во время танца сам больше говорил, чем меня расспрашивал. У меня только и спросил, из вежливости, не иначе, как мне бал, да как Диего, позволив мне рассыпаться в ответных любезностях и превознести мало не до небес как торжество, так и того, ради кого оно затевалось, причём, что интересно, я была почти честной! Почти, потому что количество приглашённых девиц меня изрядно нервировало до тех пор, пока я не вспомнила, как Ленка по поводу гаремов расплылась, мол, чем больше красоток, тем меньше шансов, что сердцем завладеют. Ну, как в магазине, товаров много, аж глаза разбегаются, а выходишь с пустыми руками.

Я тряхнула головой, сосредотачиваясь на происходящем вокруг. Диего, умница, прикинулся больным, причём так достоверно, что даже я прониклась, хоть крыска внутри меня нахально заявляла о возможности использования молодого де Ла Вега вместо гужевого транспорта.

— До встречи, сеньорита, — Диего поцеловал мне руку, не сводя с меня блестящих тёмных глаз. — Надеюсь, она произойдёт скоро.

А вот это уже даже не намёк, а что-то вроде приказа! Я с трудом удержалась от детского желания показать Диего язык и только загадочно улыбнулась, словно бабочка крыльями, взмахнув ресницами. Как говорится, я не сказала да, милорд. Отказываться от соблазна я, естественно, не собиралась, как и падать к ногам красавца переспелым плодом. Что задаром даётся, то не будет и свято, это я усвоило чётко, спасибо Олежке.

«Смотри, девочка, заиграешься», — пробурчала крыска, недовольно посверкивая бусинками глаз и цокая на меня зубами.

Не заиграюсь, всё будет хорошо.

Крыска фыркнула и свернулась клубочком, оставив меня один на один с собственными, непонятно откуда вылезшими страхами.

— Успокойтесь, сеньорита, — падре Антонио мягко положил мне на плечо свою ссохшуюся, словно у мумии, руку. — Мой отец любил говорить, что солнце и луна взойдут, даже если небо будет затянуто тучами.

— Ваш отец мудрый человек, — я улыбнулась старому священнику и, повинувшись сиюминутному порыву, обняла старика за шею. — Спасибо, падре, огромное спасибо!

— Буду рад Вам помочь в любое время, — в устах старика эта фраза не казалась избитой банальностью, потому что шла из чистого сердца. — Удачи, дитя моё. Вам и дону Диего.

Я отчаянно покраснела, словно строгая матушка застучала меня на крыльце целующуюся с парнем. Падре Антонио осенил меня благословляющим взмахом и сел в экипаж, а я бесшумно скользнула к дому, надеясь, что меня никто не заметит.

— Лина, — окликнул меня знакомый голос, и не успела я даже пискнуть, как выскочивший из темноты Диего подхватил меня на руки и крепко прижал к себе, словно малыш любимую куклу. — Девочка моя, как же я соскучился!

— Мы на балу виделись, — напомнила я и капризно надула губки, — и ты там, между прочим, танцевал с другими сеньоритами!

— Когда солнце гаснет, и луну можно назвать светочем.

Я хмыкнула, принимая такое объяснение, но всем своим видом демонстрируя, что

одних слов в качестве оправдания будет мало. Я хочу большего, гораздо большего.

Диего понял меня без слов, и, воспользовавшись тем, что мы уже скрылись в потайном ходе, припал к моим губам. Я ответила со всей страстью, что во мне накопилась, и наш поцелуй превратился в битву стихий, войну миров, вечное противостояние Востока и Запада. Платье, ещё пару минут назад такое нежное и гладкое, показалось мне крапивной рубашкой, буквально сдирающую с тела кожу. Я застонала и всем телом прижалась к Диего, требуя... прося... умоляя...

— Не здесь, — Диего отстранился, с трудом переводя дыхание, — ты достойна лучшего.

Я была согласна даже на пыльный потайной ход, который до сих пор пугал меня тенями в углах, из-за неровного света факела выглядящих особенно призрачно и жутко. Да что там, я даже на солдатскую казарму уже готова согласиться, лишь бы не ждать!

Судя по тому, как быстро мы добрались до комнаты Диего, его выдержка тоже трещала по швам. Продолжая удерживать меня на руках, Диего нажал какой-то скрытый рычаг, я даже толком не разглядела, какой именно, мне не до того было и торжественно, как супруг новобрачную, внёс меня в комнату. К моему искреннему облегчению, в комнате никого не было, а то не избежать нам объяснений и сплетен! И если мне по большому счёту наплевать, что станут судачить обо мне городские кумушки, всё равно я утром стану крысой, то Диего пересуды, как и повышенное внимание к себе, точно ни к чему, он и так по лезвию бритвы ходит.

Это покажется странным, но очутившись там, куда я так рвалась, в комнате Диего, я неожиданно ощутила страшное смущение, словно невинная девица в первый раз в жизни оставшаяся наедине с мужчиной! Я медленно соскользнула с рук своего кабальеро и застыла, не в силах ни шагнуть назад, отступая и возвращая наши отношения на дружеский уровень, ни податься вперёд, к Диего.

— Что случилось, Лина? — Диего мягко отвёл упавший мне на лицо локон и нежно погладил мне щёку.

— Я не невинна, — пробурчала я, страстно мечтая провалиться сквозь землю.

Чёрт, это у нас невинность после двадцати считается едва ли не недостатком, а в эпоху Зорро она чтилась наравне со святостью и милосердием!

— Я знаю, — Диего честно попытался остаться серьёзным, но у него не получилась, улыбка солнечными фонариками засияла в глазах и чуть приподняла уголки губ, — ты говорила.

— И... тебя это не... — я замаялась, подбирая слова.

— Не важно, что было до того, как мы встретились, я сам не ангел, — Диего мягко привлёк меня к себе и зашептал мне в макушку, — главное, что сейчас мы вместе. И я тебя никому не отдам. И никуда не отпущу.

Я прежняя обязательно бы взбрыкнула и сказала бы что-нибудь убийственно жестокое, но новая я только счастливо рассмеялась и уткнулась лицом в грудь Диего. Поелозила щекой по рубашке, чуть не оцарапалась о вышивку камзола и поняла: так дело не пойдёт, на моём кабальеро слишком много одежды. Да и на мне тоже. Прежняя я взяла бы инициативу в свои руки и сама бы раздела партнёра, но новая я только приподняла лицо и соорудила умильно-просительную мордашку.

— Ты права, малышка, здесь слишком душно, — усмехнулся Диего и медленно, давая мне возможность не только насладиться, но и начать капать слюной, стянул с себя сначала камзол, а потом и рубашку.

— Так лучше? — в голосе Диего зазвучала непривычная бархатистость, от которой я чуть сахарной лужей по полу не растеклась.

Дар речи отказал напрочь, страсть пинком вышибла из головы все мысли и чувства, оставив только инстинкты.

— Помочь тебе расшнуровать платье? — спросил Диего тоном отлично вышколенного слуги, для которого любой каприз хозяина является обязательным для исполнения.

Речь ко мне так и не вернулась, поэтому я молча кивнула, честно пытаюсь посмотреть Диего в глаза. До глаз я не добралась, намертво прикипев взглядом теперь к губам своего соблазнителя. Мадонна, да такие губы и святую во грех введут! Я судорожно облизнулась и, даже толком не понимая, что делаю, обвела пальчиком губы Диего по контуру. Мой палец ловко поймали и крепко сжали, игриво прикусив. В этом довольно невинном действии было столько скрытого сексуального подтекста, что я отчаянно покраснела и невольно отдернула руку. Меня послушно отпустили, но не успела я огорчиться, как меня поймали за руку и крутанули, поворачивая спиной. Тёплые сильные пальцы ловко собрали и перебросили со спины на грудь волосы, а потом заскользили по шее и спине, не столько ослабляя шнуровку, сколько лаская.

Я выгнулась дугой, ощущая себя кошкой, которую ласково чешут за ушком. Платье медленно, словно было не из ткани, а из тумана, стекло по телу вниз, лужицей растёкшись у моих ног. Руки Диего заскользили по моему обнажённому телу, и я вздрогнула и застонала, тут же испуганно прикусив губу.

— Не бойся, малышка, — прошептал Диего, покрывая лёгкими, словно крылья бабочки, поцелуями мою шею, — нас никто не услышит.

Уф-ф-ф, прямо камень с души свалился! Я мягко повернулась и заскользила руками по груди Диего. Упоительные ощущения, под нежной горячей кожей перекачиваются крепкие мышцы, при этом всё гармонично и без лишней перекаченности! Мои шаловливые ручки, вовсю изучающие тело мужчины, скользнули на пояс брюк. Не то псевдо кожаное безобразие, что поддерживает штаны на бравых пузеньях мужчин из моего времени, а роскошном широком поясе, как нельзя лучше подчёркивающим мускулистый живот и узкие бёдра Диего. Красота! Теперь я понимаю, почему адюльтер считается нормой поведения, попробуй-ка сохрани целомудрие при таких соблазнах! Только как этот поясок снимается?

— Помочь? — голосом демона-искусителя, вручающего бумаги на покупку бессмертной души, спросил Диего.

Поскольку думала я не головой, а несколько иной частью тела, тоже имеющей два полушария, я, естественно кивнула.

Диего чуть отстранился, как я поняла немного позже, вовсе не для того, чтобы получить больше места для манёвра, а чтобы мне было лучше видно, и неторопливо снял сначала ремень, а потом и штаны. При виде открывшейся мне красоты я поняла: моё! Никому не отдам, в лепёшку расшибусь, а стану человеком, чтобы владеть такой роскошью постоянно, а не только по ночам!

Поскольку разум был в глубоком восхищённом ступоре, инстинкты окончательно распоясались. Конечно, опытной гетерой меня не назвать, до этой ночи секс для меня был скорее средством, чем целью, но доставлять мужчине удовольствие я умела. Только вот Диего опять повёл себя не так, как я ожидала, мягко отвёл мои руки и пусть и хрипло, но твёрдо возразил:

— Нет, Лина. Это твоя ночь.

А затем меня подхватили на руки и бережно, словно я была редчайшей фарфоровой статуэткой, опустили на кровать.

— Доверься мне, — прошептал Диего, и я послушно прикрыла глаза, впервые за долгое время полностью отдаваясь мужчине, принимая его не только телом, но и душой.

Этой ночью, полной страсти и щемящей нежности, я впервые поняла, как здорово быть хрупкой нежной девушкой, особенно если рядом сильный мужчина, готовый положить к твоим ногам весь мир. Я кричала от наслаждения, фейерверком взмывая в ночное небо и звёздным дождём опадая вниз, влетала без страха упасть, каждой клеточкой своего тела зная, что больше не одинока, рядом со мной Диего. Не таинственный герой Зорро, не легкомысленный щёголь дон де Ла Вега, а родной и любимый Диего, которого я всё-таки нашла, пусть и не сразу. Последнее, что я успела подумать, когда усталая и довольная засыпала на груди любимого мужчины было: «Наверное, это и есть счастье».

Следующие после бала в гасиенде де Ла Вега десять дней в Лос-Анхелесе протекали, по мнению большинства жителей, среди которых, разумеется, преобладали сеньоры и сеньориты, до омерзения чинно и до отвращения скучно. Ровным счётом не происходило ничего важного! Только вот сеньор Эстебан Рокхе куда-то уехал, толком не объяснив почтенным жителям, из-за чего особенно негодовали старые матроны, завязтые сплетницы, какие такие важные и срочные дела и куда именно его призывают. Почтенные матроны моментально решили, что негодяй соблазнил несчастную и доверчивую сеньориту Эсперансу, воспользовавшись тем, что сеньор Рамирес всё ещё вынужден скрываться от коменданта и его солдат. К слову сказать, комендант эти десять дней тоже вёл себя тише воды, ниже травы, никого не арестовывал, а к сеньорите Эсперансе, по мнению всеведущих кумушек, совершил визит лишь для того, чтобы поддержать несчастную бедняжку. Более благоразумные жители города робко замечали, что раньше за комендантом таких рыцарских поступков не наблюдалось, но сплетницы моментально заявляли, что раньше, хвала Мадонне, проходимцев, подобных сеньору Рокхе или как там его зовут на самом деле, в Лос-Анхелесе и не было.

Единственное, что сдерживало прелестных обитательниц Лос-Анхелеса от окончательного обвинения загадочного сеньора Рокхе во всех смертных грехах, была его несомненная связь с сеньором Зорро. А чем ещё можно объяснить то, что после отъезда сеньора Рокхе Зорро тоже пропал из городка, не примерным же поведением коменданта в самом деле!

Сам капитан Гонсалес, если бы у него появилась охота откровенничать с горожанами, которые были для него чем-то средним между горсткой злобных бунтовщиков и безмозглым скотом, мог бы сообщить, что сеньор Зорро отнюдь не покинул Лос-Анхелес с отъездом Эстебана Рокхе. Наоборот, этот разбойник в маске имел дерзость вломиться к самому коменданту и даже угрожать ему восстанием жителей! Самое обидно, что капитан Гонсалес прекрасно понимал: слова Зорро не пустые угрозы, появление проклятого разбойника сильно подорвало страх горожан перед комендантом и его людьми, а эти бестолочи-солдаты ещё больше расшатывали власть, дни напролёт просиживая в таверне, кокетничая со смазливими девицами и охотно рассказывая всем и каждому, какой бравый парень этот Зорро. Комендант-то против него, пожалуй, пожиже будет! Разумеется, делиться с кем-либо своими весьма интересными для жителей города сведениями капитан Гонсалес не собирался, а потому почти все жители Лос-Анхелеса были уверены, что Зорро покинул город и истово надеялись на его возвращение.

Поскольку бесконечно обсуждать сеньора Рокхе было неинтересно, а ничего нового про сеньора Зорро узнать, к искреннему прискорбию жителей Лос-Анхелеса, не получалось, горожане обратились к пересудам и сплетням тоже важным, хоть и не таким скандальным и интригующим: брачным союзам. И первое место в этих разговорах занял дон Диего де Ла Вега, которой с регулярностью почтового клипера наносил визиты соседям, особенном тем, с дочерьми, племянницами и воспитанницами которых танцевал либо беседовал на балу. Городские кумушки с удовольствием обсуждали как самого дона Диего, так и кандидаток на роль его невесты, неизменно признавая, что жениху не хватает доблести и отваги, да и здоровья он слабого, но и сеньориты стали не те, что прежде, таких красавиц, как раньше,

теперь уж и не сыскать.

Сам Диего, если и знал о подобных разговорах, то не обращал на них внимания, стараясь так держать себя с сеньоритами, чтобы и девушек не оскорбить, и надежд лишних не давать, и прикрытие надёжное себе создать. Одним словом, это был блестящий (в плане выбора нарядов) кабальеро, вроде бы и красивый, и приветливый, но совершенно неприятельский с точки зрения сеньорит.

— На меня прямо тоска нападет, как подумаю, что мне придётся стать его женой, — жаловалась Эсперансе сеньорита Хуана, единственная внучка престарелого сеньора Эстебана, яростно обмахиваясь веером.

— Дорогая, ты слишком строга к Диего, — мягко пыталась урезонить подругу Эсперанса, — вспомни, каким славным мальчуганом он был в детстве!

Вообще-то, сеньорита Эсперанса, благодаря своему жениху, могла бы и больше рассказать о доне Диего, тем более что растоптанная клумба продолжала хиреть, но благодарность за спасение жизни любимого была сильнее, чем жажда мести.

— Эсперанса, милая, да какая разница, каким Диего был в детстве! — Хуана сердито нахмурилась и даже ножкой раздражённо топнула. — Сейчас он редкий зануда, с которым даже поговорить не о чем!

— Так уж и не о чем, — рассмеялась Эсперанса, поправляя накиннутую на плечи пёструю мантилью, — дон Диего приезжал вчера ко мне, выразить сожаление по поводу... — Эсперанса запнулась, чуть покраснела, опять поправила мантилью и непринуждённо продолжила, — ареста моего опекуна, и мы прекрасно провели время обсуждая влияние арабов на европейскую культуру.

На самом деле Диего привёз Эсперансе цветы для клумбы, которую сам же и погубил, и говорили молодые люди, конечно же не об архитектуре, а о сеньоре Рокхе, коменданте, Зорро и даже способах управления городом, не требующих ни тирании военных, ни разбойников в масках. В ходе беседы Эсперанса простила Диего растоптанную клумбу, а сеньор де Ла Вега, в свою очередь, признал острый ум и практичность у той, кого привык считать серой мышкой.

— Фи, Эсперанса, — Хуана брезгливо сморщила точёный носик, — ну сколько тебе повторять: мужчины не терпят умных женщин! Девушка должна быть красива, невинна, скромна и, разумеется, ей не стоит вступать в мужские беседы иначе, уж прости, подруга, она может остаться старой девой!

Эсперанса негромко хихикнула, вспомнив, с каким мученическим видом терпел на балу Диего неуклюжие попытки сеньорит очаровать его, и какими «тёплыми» словами вспомнил о них в ходе беседы.

— Не стану с тобой спорить, — Эсперанса зябко поёжилась и поплотнее закуталась в мантилью, — ты же у нас признанная кокетка!

Эсперанса всего лишь хотела похвалить подругу, но Хуане почудился в словах упрёк: замечание о возможности остаться старой девой было бестактным.

— Прости меня, Эсперанса, — Хуана порывисто бросилась подруге на шею, буквально душа её поцелуями, — я не ведаю, что болтаю! Забудь об этом негодяе, ты ещё встретишь по-настоящему достойного мужчину!

Поскольку, как подсказывала память, девушки говорили лишь о доне Диего де Ла Вега, Эсперанса озадаченно нахмурилась: с чего вдруг подруга назвала его негодяем? Неужели узнала о том, что он и есть Зорро? Да нет, вряд ли, ведь Хуана, как и большинство

жительниц Лос-Анхелеса, по уши влюблена в таинственного разбойника, хоть сама Эсперанса и считала глупостью отдавать сердце первому встречному, да ещё и прячущему лицо под маской. Может, Диего обидел Хуану? Тоже маловероятно, молодой де Ла Вега изображает светского щёголя, а не мерзавца.

— Э-э-э, — Эсперанса замялась, подбирая слова, — прости, милая, я не очень понимаю, о чём ты говоришь.

— Ну как же, — удивлённо захлопала ресницами Хуана, отчего её хорошенькое личико приняло глуповатое выражение, — об этом негодяе сеньоре Рокхе, разумеется. Скажи, а он тебя действительно соблазнил?

«Ещё спорный вопрос, кто кого соблазнял», — усмехнулась Эсперанса, напуская на себя невозмутимый вид:

— Знаешь, Хуана, я думала, ты выше сплетен этих старых злобных фурий.

— Конечно, конечно, — отчаянно закивала Хуана и тут же выпалила новый вопрос. — А может, он овладел тобой силой, как преступный Эрне несчастной Розамундой в романе «Трепетное пламя»? Помнишь, я тебе приносила почитать?

Эсперанса кашлянула. Из расхваленного подругой романа она осилила от силы пять страниц, после чего торжественно вернула шедевр обратно, побоявшись, что всё-таки вывихнет челюсть бесконечным зеванием.

— Хуана, — сделала очередную попытку достучаться до подруги Эсперанса, — Эстебан меня не соблазнял. И силой не брал.

— Не смог, — вынесла вердикт Хуана, а потом, решив, что одного мужского бессилия для негодяя мало, добавила. — И ограбил тебя, похитив фамильные ценности. У тебя есть фамильные ценности?

— Понятия не имею, — Эсперанса решила, что сыта по горло дружеским общением. — Знаешь, Хуана, уже очень поздно, а я так устала...

— Конечно-конечно, — Хуана крепко обняла подругу, крепко сжала её плечи и отчеканила. — Не переживай. Если этот негодяй Рокхе попробует опять к тебе сунуться, Зорро пронзит его шпагой как жука!

«Пусть только попробует, я его тогда на ремни и ленты порву», чуть не рыкнула Эсперанса, но вовремя прикусила язык и вымученно улыбнулась.

Привратник уже пропускал экипаж Хуаны за ворота, когда по дороге бешеным галопом пронеслись солдаты, возглавляемые комендантом. Рядом с ними, припав всем телом к лошади, скакал маленький сморщенный старик, в котором Эсперанса с удивлением узнала Иглесио, слугу из гасиенды де Ла Вега.

Вещее сердце девушки тоскливо сжалось, безошибочно предчувствуя беду.

Каталина

После бала, а точнее, той волшебной ночи любви, я даже и не сомневалась, что мой крысиный облик остался в прошлом, став частью семейной легенды. Нашей с Диего легенды. Но, как говорится, хочешь рассмешить небеса, поведай им о своих планах. Утром я проснулась в ставшей ещё более ненавистной, чем в первый день её появления, крысиной шкурке и собралась впасть в самую настоящую истерику с битьём посуды и душераздирающими завываниями, когда Диего взял меня на руки и поцеловал в мордочку со словами:

— Доброе утро, любимая.

Настроение взлетело вверх, сердце вообще затрепетало где-то в районе ушей, а жизнь показалась не такой уж и мерзкой штукой. В самом деле, чего я переживаю? Ну, не получилось с первого раза, попробуем ещё.

Диего, словно прочитав мои мысли, совершенно серьёзно и в то же время очень просто, как о давно решённом, сообщил:

— В самом худшем случае, обвенчаемся ночью. Это будет ещё одной моей причудой, только и всего.

— Не припомню, чтобы ты делал мне предложение, — пискнула от неожиданности я и замерла, не в силах поверить в то, что ко мне вернулся голос. Конечно, было бы просто чудесно, если бы я снова стала человеком, но человеческая речь — тоже очень не плохо. Да что там, это о-го-го как хорошо!

Диего сверкнул озорной улыбкой, а потом церемонно опустился передо мной на одно колено, бережно взял мою лапку и завёл на манер средневекового менестреля:

— Прекрасная дева, владычица моих грёз и повелительница сердца. Я, твой верный рыцарь прошу тебя принять мою сильную руку и пылкое сердце...

— Эй, а что, на все остальные части тела претендентки уже нашлись?! — возмутилась я, не спеша, впрочем, выдёргивать лапку.

Диего коротко хохотнул, но быстро взял себя в руки и продолжил:

— А также все остальные части моего мужественного тела в своё вечное безраздельное пользование. Короче, Лина, выходи за меня, потому что никому другому я тебя всё равно не отдам.

Вот блин! Начал за здоровье, а кончил за упокой. Во мне моментально проснулась прежняя Каталина Сергеевна, я нахохлилась и задумчиво протянула:

— Ну, даже и не знаю... Мне подумать надо...

— Думай, — покладисто согласился Диего, привычно сажая меня себе на плечо. — До конца завтрака время есть.

— Эй, а почему только до конца завтрака? — возмутилась я, хотя уже прекрасно знала, что отвечу Диего. Фигушки он от меня куда денется, не отдам!

— А потому, что потом я еду с дружеским визитом к сеньоритам Марии и Элене, — я буквально подавилась возмущением, тем самым позволив Диего спокойно закончить, — и ты со мной.

— Спятил? — фыркнула я. — Да с крысой тебя ни одна девица на порог не пустит!

Диего опять сверкнул озорной мальчишеской улыбкой:

— А мы разве не этого добиваемся?

Вот жук, а?! Нашёл-таки способ, как и приличия соблюсти, и капиталец приобрести, то есть и в гости съездить и с девицами не общаться! Напомните, я говорила, что горжусь Диего? Ничего, в крайнем случае, повторюсь.

Вот так вот наша жизнь и пошла: днём со мной на плече Диего честно наносил дружеские визиты, искренне огорчаясь тому, что сеньориты истошно визжат при виде крысы и категорически не желают увидеть красоту и очарование милого животного, а ночью... О, ночью наша жизнь начинала играть всеми цветами радуги. Мы не только любили друг друга, хотя, естественно, не отказывали себе в радостях плоти, но ещё и разговаривали, порой даже спорили. Диего возил меня купаться, катал на Торнадо по окрестностям городка и показывал все памятные с детства уголки, танцевал со мной в свете луны и дарил букеты цветов. Не те пышные цветочные монументы или облезлые веники, что стоят в цветочных

магазинах, а настоящие букеты, собранные на живописной поляне или прямо в саду.

Один раз Диего снова вынужден был стать Зорро: комендант, узнавший о таинственном исчезновении сеньора Рокхе, решил, что Эстебан, как и Эсперанса, подручный разбойника и нагрязнул к Эсперансе с требованием немедленно выдать мятежника и бунтовщика Зорро. Перепуганная и заплаканная девушка, которую комендант посадил под домашний арест и даже оставил пару солдат сторожить пленницу, через окно тайком сбежала из дома и бросилась к Диего даже не с просьбой, с требованием защитить её от коменданта и его солдат. Долго упрашивать Диего не пришлось, он успокоил Эсперансу и клятвенно пообещал, что больше комендант её не потревожит, после чего отправил Бернардо проводить девушку домой (Диего предлагал Эсперансе остаться, но сеньорита твердила, что не оставит своего дома на поругание солдатам, честное слово, я её даже уважала!). После ухода сеньориты и Бернардо, Диего быстро переоделся, крепко поцеловал меня на прощание и тайным ходом вышел из дома. Вернулся он уже под утро, усталый и довольный, коротко успокоил меня, что всё в порядке, комендант увёл солдат и принёс Эсперансе свои глубочайшие извинения, и заснул быстрее, чем голова коснулась подушки. Только потом, утром, Диего рассказал мне, как всё прошло.

Зорро проник прямо на квартиру коменданта и весьма вежливо объяснил ему, что оскорбления сеньориты Эсперансы капитану Гонсалесу, и так-то не пользующемуся популярностью у горожан, просто не простят. Благородные кабальеро как один встанут на защиту сеньориты, а местные кумушки раздуют из случившегося такой скандал, что он легко перейдёт в самое настоящее восстание.

— А восстания, сеньор комендант, редко заканчиваются добром, — закончил Зорро и ободряюще похлопал шпагой по плечу капитана Гонсалеса. — Надеюсь, комендант, Вы меня поняли?

Капитан Гонсалес понял всё правильно (просто удивительно, до чего убедительным становится человек с оружием, невольно начинаешь верить в силу красноречия и обаяния!) и солдаты бесшумно исчезли из дома сеньориты. Более того, городские сплетники даже решили, что комендант приезжал подбодрить Эсперансу. Мы с Диего чуть со смеху не лопнули, когда это услышали.

Только вот не зря я опасалась мести со стороны коменданта, не зря меня мучила тревога и посещали кошмары. Беда разразилась в самый неожиданный момент, по закону подлости, когда её меньше всего ждали.

В ту ночь Диего опять пришлось стать Зорро. Старый Иглесио, обливаясь слезами, жаловался слугам, что его любимая внучка приглянулась одному из солдат и тот сказал, что сегодня ночью придёт за девушкой. А если родные станут жаловаться, то попадут в тюрьму как бунтовщики и мятежники. Слуги ахали и качали головами, тишком проклиная коменданта, распустившего солдат, а Мери испуганно прижималась к Бернардо. Крысиное чутьё подсказывало мне, что симпатичная девушка не понаслышке знакома с произволом военных, потому, собственно, лишний раз и старается одна из гасиенды не выходить.

— Что же ты, дурак старый, — воинственно прогудела Розамунда, с такой яростью разрубая лежащее перед ней мясо, словно представляла кого-то конкретного, — внучку сюда не привёл? Уж дон Алехандро её точно в обиду не даст!

Обидно, но о Диего даже не вспомнили, словно он по-прежнему в Испании. Я досадливо заскрипела зубами и ударила хвостиком, попав по какой-то твёрдой штуковине на одежде Бернардо. Уй, больно! Я досадливо пискнула и запрыгала по плечу Бернардо,

намекая, что хочу спуститься. И вообще, мыза сыром пришли. Сыра я поела, сахарочку погрызла, орешков тоже, пора и честь знать.

— Не уходи, — прошептала Мери, ещё крепче прижимаясь к Бернардо, — мне страшно.

Пф, тебе-то, милая, чего бояться? В этой гасиенде одна Розамунда способна обратить в бегство всех солдат гарнизона, а есть ведь ещё Диего с отцом, да и Бернардо, надо думать, не станет смотреть, как измываются над его любимой.

Тем не менее, Бернардо заколебался и неосознанным собственническим жестом привлёк девушку к себе. Ладно уж, оставайся, Ромео, я сама Диего всё передам, благо человеческая речь у меня не пропала.

Я опять запрыгала по плечу Бернардо, выразительно попискивая и хвостом указывая вниз, на пол. Индеец вопросительно приподнял брови, и я, бросив по сторонам быстрый взгляд, чуть заметно кивнула.

— Какая умная крыска, — восхитилась Мери, — всё понимает, только не говорит.

Ошибаешься, красавица, говорить я умею. Но далеко не всем демонстрирую свои таланты, а то знаю я вас, сначала милая крыска, а потом исчадьё ада, убейте её!

Бернардо опустил меня на пол, и я шустро побежала к Диего, который сидел в кабинете отца, закопавшись в бумаги.

— Диего, — выдохнула я, юркнув в оставленную специально для меня щёлочку, — беда!

Диего не стал охать-ахать, не стал хвататься за оружие, только чуть крепче сжал перо в руках, да в глазах сверкнуло пламя:

— Солдаты?

Я выдохнула, выравнивание сбившееся дыхание, и чётко, стараясь излагать только факты, а не собственные эмоции и домыслы, рассказала, что произошло.

Диего слушал меня молча и вроде как спокойно, только вот моя крыска всё сильнее сжималась и поводила усами по сторонам, прикидывая, в какую сторону драпать.

— Спасибо, малышка, — Диего пробежал глазами какой-то потрепанный документ, поставил на нём размашистую подпись и аккуратно вернул перо в чернильницу. — Значит, за Роситой приедут сегодня ночью? Что ж, пусть попробуют.

— Будь осторожен, — я потёрлась о шею Диего, заглушая тревогу, — крысиное чутьё мне подсказывает, что что-то в этой истории неладно.

— Не волнуйся, малышка, — Диего шутливо тронул пальцем кончик моего носа, — не так-то просто поймать лиса.

Я честно попыталась заглушить тревогу и у меня даже получилось отвлечься, кто угодно позабудет обо всём на свете, когда его держат на коленях, шепчут разные нежности и почёсывают между ушек! Одурающе-тошнотворный страх накатил опять только после того, как Диего переоделся в костюм Зорро. Я бросилась к своему герою, хотела предупредить его, сама толком не понимая, о чём именно, но в этот момент я ухнула в трансформацию в человека, а когда открыла глаза, Диего уже ушёл. Я опоздала.

Стараясь не поддаваться абсолютно иррациональной панике, я решительно опустилась в кресло и раскрыла лежащую на столе специально для меня книгу по этикету. Тоска страшная, для меня, выросшей в пусть и относительно, но всё-таки демократической стране, многие правила и обычаи вообще кажутся абсурдом, только вот знать их я всё равно должна, ведь как говорится, незнание законов не освобождает от ответственности.

Я уже начинала засыпать, когда резкий стук копыт и громкие сердитые голоса во дворе заставили меня испуганно вздрогнуть и выронить из рук книгу. Что случилось? Я вихрем

вылетела из кресла и осторожно, чтобы с улицы меня не заметили, выглянула в окно и похолодела, превратившись, подобно жене Лота, в соляную статую. Весь двор был забит солдатами! Солдаты в гасиенде де Ла Вега!!! Я крепко зажала рот руками, чтобы не закричать от отчаяния и отпрянула от окна. Ежу понятно, что приехали солдатики явно не водицы испить и пожелать Диего и дону Алехандро крепких снов. Тогда зачем?

— Перекрыть все входы и выходы, — донёсся с улицы торжествующий голос коменданта, — никого не впускать и не выпускать! Как только появится Зорро, стрелять на поражение! Живым мне этот разбойник не нужен!

Я тоненько заскулила и опустила прямо на пол, сжавшись в комочек от боли и отчаяния. Комендант точно знает, что Зорро приедет сюда, а значит... А значит он точно знает, кто именно скрывается под маской Зорро.

«Это ловушка! — молнией пронеслось у меня в голове. — Иглесио лгал, специально выманивая Диего из дома, чтобы в его отсутствие устроить ему западню. Ну, попадись ты мне в руки, старый шакал!»

Я вскочила на ноги и метнулась к двери, чтобы своими руками удавить предателя (плевать, что он мне в деда годится, на корм падальщикам ещё больше подойдёт!), когда услышала за дверью тяжёлые шаги и бряцанье оружия. Солдаты идут сюда! Я метнулась к потайному ходу и успела скрыться в нём в самый последний момент: дверь в комнату Диего распахнулась от мощного пинка.

— Тут никого нет, сеньор комендант, — услышала я голос сержанта Гарсия.

— Неужели наш сеньор Зорро уехал вместе со своей мерзкой крысой? — судя по звукам, комендант стоял совсем рядом с потайным ходом. — Останетесь здесь, Гарсия. Если каким-то чудом Зорро окажется здесь, убейте его.

— Будет исполнено, сеньор комендант! — рявкнул исполнительный дурак.

— Отлично, — комендант мерзко хохотнул. — На поиски потайного хода время не тратьте, мы перекрыли все входы и выходы из него. Ни один человек не сможет незамеченным проникнуть в гасиенду и покинуть её. Зорро обречён!

Нет, нет, пожалуйста, только не это! Я закрыла уши руками, но в голове набатом продолжало звучать: Зорро обречён. Зорро обречён.

— Ты ещё можешь попытаться спасти его, — неожиданно прозвучавший в тишине голос заставил меня подпрыгнуть на месте и коротко взвизгнуть.

Прямо передо мной, словно соткавшись из вечного мрака потайного хода, стояла старушка, каких у нас называют божий одуванчик. Только я-то хорошо знала, что это за бабушка, та самая, что превратила меня в крысу!

— Ты можешь попытаться спасти Зорро, — повторила ведьма, и по её выцветшим от времени губам скользнуло нечто, напоминающее улыбку.

— Каким образом? — огрызнулась я. — Комендант сказал...

— Ни один человек не может покинуть гасиенду, — повторила старуха и поправила спускавшиеся на грудь кончики платка, — но ты ведь не простая девушка, верно?

— Ты можешь превратить меня в крысу? — я сжала кулачки, чтобы вернее удержать призрачную надежду.

— Могу, — по губам старухи опять скользнула усмешка. — Только помни, дитя, если ты сейчас согласишься стать крысой, то никогда уже не сможешь вернуть себе человеческий облик. И для всех, кто тебя знал, ты будешь крысой. Обычной крысой.

— Я согласна! — я даже толком не слушала, что говорила старуха, самое главное, что я

смогу спасти Диего, а всё остальное уже неважно.

В глазах старухи мелькнуло изумление.

— Ты согласна навсегда остаться крысой? — недоверчиво переспросила старуха.

Ну да, всё правильно, старческая глухота в её-то годы вполне понятна и объяснима. Она же, небось, ещё динозавров видела, причём в живую, а не по телевизору.

— Да, я согласна навсегда стать крысой, — внятно, помня про глухоту собеседницы повторила я. — А теперь превращай меня, дорог каждый миг!

— Невероятно, этот старый святоша опять оказался прав, — пробурчала старуха и взмахнула рукой. — Да будет так! Ты это заслужила.

Я глубоко вздохнула и закрыла глаза, сдерживая слёзы. Прости, Диего, надеюсь когда-нибудь ты сможешь меня понять.

Диего

Я всегда привык больше доверять собственному сердцу, нежели доводам разума, который так легко выдаёт желаемое за действительное. Вот и сейчас, услышав предостережение Лины, я не отмахнулся от него, а сохранил в памяти, решив быть более осторожным. Да и Торнадо, обычно с радостью пускающийся в путь, недовольно фыркнул и так и норовил повернуть обратно к дому.

— Нет, друг, — я потрепал коня по холке, — нам в другую сторону.

Торнадо заржал и поднялся на дыбы, пришлось даже пощекотать его шпорами, чтобы образумить. В небе угрожающе прогремел первый раскат грома. Отлично, гроза будет мне на руку, она подобно плащу укроет меня от лишних глаз и ушей.

— Вперёд, Торнадо, — я хлопнул ладонью коня по шее, — вперёд.

Торнадо покосился на меня с видом: ну, если ты действительно этого хочешь, и затрусил по дороге, словно старый больной одр.

— Торнадо, — прикрикнул я, и конь, наконец-то, перестал капризничать и показывать норы, перейдя на уверенный галоп.

Гром гремел всё чаще, пару раз даже сверкнули молнии, но гроза была далеко, если всё пойдёт без заминок, я до дождя вполне успею вернуться домой.

Неожиданно Торнадо замер, словно превратившись в камень, я чуть из седла не вылетел. Да какой бес вселился в этого коня?!

— Диего! — неожиданно услышал я из темноты и замер, не веря ушам. Каталина? Здесь? Но как, почему?

Я спрыгнул вниз, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в окружающей меня ночной темноте.

— Лина? — позвал я негромко. — Ты где?

— Я здесь! — услышал я родной голос. — Здесь, рядом с твоим сапогом!

Сапогом?! Я присел на корточки, недоверчиво глядя на прижавшуюся к сапогу крысу, а затем посмотрел на небо, где из облаков, словно прекрасная пленница из окошка башни, иногда выглядывала луна.

— Лина, — я подхватил крысу на руки, чувствуя, как трепещет всё её крошечное тельце, — что случилось, малышка?

— Засада, — выдохнула Лина, — ловушка.

Та-ак, а вот это уже очень интересно.

— Где?

— Дома, на тебя. Комендант сказал, стрелять на поражение. Старик Иглесио предатель, он выдал тебя коменданту!

Я резко втянул носом воздух, удерживаясь от ругательств. Вот мерзавец, нашёл-таки способ отомстить нам с отцом за то, что мы разжаловали его из управляющего!

Лина тем временем немного отдышалась и смогла связно рассказать о том, что произошло дома в моё отсутствие. Не успела моя отважная девочка договорить, как по её телу пробежала судорога, крыска жалобно пискнула, а потом... Потом крыска превратилась в девушку. Прекрасную обнажённую девушку, подобную духам-покровителям из легенд маминого племени.

— Чёрт, как не вовремя, — простонала Лина, зябко обхватывая себя руками за плечи.

— Держи, — я протянул Лине плащ и стал снимать рубашку.

— Эй, ты чего делаешь? — окликнула меня Лина. — Нашёл время!

Я удивлённо посмотрел на снятую рубашку, потом на Лину, честно пытаюсь понять, что не так. Мощный порыв ветра, едва не сбивший нас с Линой с ног, напомнил мне, что моя малышка нуждается в помощи.

— Держи, — я сунул Лине рубашку, — тебе она будет до середины бедра. Сверху набросишь плащ.

— Так ты рубашку для меня снимал? — недоверчиво уточнила Лина.

Я удивлённо приподнял брови, хоть под маской этого и не было видно:

— А для чего же ещё?

Лина так отчаянно покраснела, что это было заметно даже в окружающей нас темноте. Ай-яй-яй, какие непозволительные для сеньориты мысли!

— Малышка. — я укоризненно покачал головой, а потом легко подхватил пискнувшую от неожиданности девушку в седло, — ладно, поехали к падре Антонио.

— А ты уверен, что священник станет тебе помогать? — Лина явно не страдала излишней доверчивостью. — Ты же Зорро.

— Падре Антонио обещал, что обязательно поможет Зорро. Как ты говоришь, никто его за язык не тянул.

Лина недоверчиво фыркнула и прошептала:

— Даже и не знаю, как лучше: чтобы ты снял маску или оставил.

— Не бойся, малышка, — я поцеловал Лину в тёплую макушку, пахнущую летними травами, — всё будет хорошо.

— Надеюсь, — прошептала Лина, прижимаясь ко мне. — Я люблю тебя, Диего.

— А я тебя, — я крепко прижал девушку к себе, — моя красавица.

— Скорее уж крысавица, — с усмешкой поправила меня Каталина, рисуя пальчиком узоры у меня на груди.

Я прижал шаловливую ладошку к груди:

— Не надо, малышка, иначе до падре Антонио мы доберёмся нескоро.

— А мы разве куда-то спешим? — соблазнительно прошептала Каталина, пуская в ход вторую ручку.

— Лина! Лучше держись крепче, а то свалишься.

Малышка охотно воспользовалась моим советом, бестрепетно опустив ручку вниз, мне на пах.

— Лина! — прошипел я, чувствуя, что ещё немного, и страсть заглушит разум.

— Что? — затрепетала ресницами шалуныя. — Ты же сам сказал, чтобы я держалась!

Я рыкнул и пришпорил Торнадо.

До миссии мы добрались под проливным дождём, моментально промочившим до нитки нашу одежду. Я уже готовился к объяснениям с привратников, когда заметил идущего нам навстречу падре Антонио.

— Я ждал вас, дети мои, — падре осенил нас благословляющим взмахом руки, — идёмте скорее, вы промокли насквозь.

— Откуда... — начал было я, но падре Антонио оборвал меня с мягкой улыбкой:

— Моя подруга предупредила меня о вашем приезде.

Подруга? Очень интересно! Оказывается, я многого не знаю о старом священнике! Не успели мы войти, как к нам метнулся взъерошенный Фелипе, чьё левое ухо пламенело в неверном свете факелов и заметно отличалось в размерах от правого. При виде нас мальчишка разинул щербатый рот и замер, благоговейно прошептав:

— Ух ты, Зорро!

— Фелипе, Зорро нужна твоя помощь, — падре Антонио положил руки мальчику на плечо, требовательно заглянув ему в глаза. — Я дам тебе записку, передай её дону Михаэлю лично в руки. Ты меня понял?

Фелипе так отчаянно закивал, что я даже испугался, как бы у мальчишки голова не отвалилась. Падре Антонио поспешно что-то нацарапал на клочке бумаги, вместе с чернильницей вынутыми из широких рукавов сутаны, а затем скрутил записку и передал её мальчишке, приплясывающем от нетерпения, словно застоявшийся конь.

— Беги, мой мальчик, — падре Антонио мягко толкнул Фелипе в дверь, потом повернулся к нам с Каталиной. — Идёмте, дети мои, вам нужно отдохнуть и обсохнуть. И да, Диего, маску можешь снять.

— И давно Вы узнали? — я с наслаждением стянул маску, потёр лицо ладонями.

Падре Антонио мягко усмехнулся:

— Ещё в твой первый визит в миссию. Я увидел тебя в чёрной маске и сразу понял, что ты и есть Зорро.

— Ух ты, — восхитилась Каталина по-детски восторженно глядя на священника, — так Вы, получается, экстра... э-э-э провидец?!

Падре со смехом покачал головой:

— Ну что ты, дитя моё, я никакой не провидец. Просто за долгие годы службы я научился видеть истинную суть людей, только и всего.

— А предупредить сложно было? — проворчал я, чувствуя себя мальчишкой, одураченным взрослым мужчиной.

Падре Антонио сделал вид, что не услышал и пригласил нас в небольшую комнатку, где «чисто случайно» оказались приготовлены скромное женское платье и простой мужской костюм.

— И всё-таки, падре, Вы провидец, — вздохнул я, принимая одежду.

— Пойду, принесу поесть, — мягко улыбнулся падре, в очередной раз сделал вид, что не услышал моих слов.

Через полчаса, когда мы отдохнули и перекусили, в миссию прискакал целый вооружённый отряд, я бы даже рискнул назвать его маленькой армией, возглавляемый доном Михаэлем. Кажется, в Лос-Анхелесе всё-таки разразится революция...

— Диего, мальчик мой, — раненым быком заорал друг отца, так крепко прижимая меня к себе, что я отчётливо услышал, как захрустели кости, — я приехал сразу, как только

получил записку! Не переживай, мы немедленно освободим твоего отца, если понадобится, то даже силой оружия!

Эм-м-м, как-то я не удосужился спросить у падре, что именно он написал в записке. Ладно, на всякий случай будем придерживаться привычного образа. Я скорчил жалостную гримасу, страдальчески закатил глаза и простонал:

— То, что случилось, просто ужасно! Это самое настоящее беззаконие, даже не сомневаюсь, что когда в Испании узнают об этом...

— Не волнуйтесь, дон Диего, — жёстко усмехнулся сеньор Эстебан Рокхе, выходя из тени и откидывая капюшон, — в Испании уже знают обо всём. Кстати, позвольте Вам представить полковника Мигеля Робладо, он приехал, чтобы лично разобраться во всём, что здесь происходит.

— Я много слышал о Вас, дон Мигель, — я низко поклонился человеку, чьё имя в Испании упоминали наравне с именами членов королевской фамилии, но с куда большим уважением.

— Я тоже, дон Диего, — усмехнулся сеньор Робладо, став в этот момент удивительно похожим на Эстебана. — Мой поверенный в Лос-Анхелесе часто сообщал о Вас.

— Поверенный? — изумлённо воскликнула Каталина, перестав на миг изображать незаметную безгласную тень. — Хотите сказать, что у Вас в этом городе был свой человек?

— Разумеется, — пожал плечами дон Мигель. — Я никогда не доверял капитану Гонсалесу и при первой же возможности приставил к нему своего человека.

— И что теперь будет с комендантом? — я решил сразу прояснить все важные вопросы. — Надеюсь, его преступления не останутся безнаказанными?

— Разумеется, нет, — у пухлых губ сеньора Робладо появилась жёсткая, даже жестокая складка. — Капитан Гонсалес будет снят с поста коменданта, разжалован и выслан обратно в Испанию, где его будут судить.

— А у Вас хватит на это полномочий? — усомнилась Каталина.

Я мягко сжал руку Лины, напоминая, что она слишком увлеклась. Что поделать, далеко не всем мужчинам нравятся умные девушки.

К счастью, дон Мигель относился к благоразумным мужчинам, признающим у женщин право не только на красоту, но ещё и на ум.

— Не волнуйтесь, сеньорита. У меня полномочий хватит. Кстати, дон Диего, надеюсь, вместе с исчезновением коменданта исчезнет и Зорро?

Я беспечно пожал плечами:

— Это зависит от того, кто станет новым комендантом. И как он будет управлять городом.

Падре Антонио вернулся в свою комнату и бережно убрал в сундук торжественное облачение, в которое облачался только по очень большим праздникам. Венчание дона Диего де Ла Вега и сеньориты Каталины, для всех жителей городка считавшейся воспитанницей падре, определённо относилось к таким событиям.

А вообще, по совести, падре последние дни мог ходить только в этом торжественном облачении, ведь с приездом дона Мигеля Робладо в Лос-Анхелесе каждый день стал праздником. Во-первых, как дон Мигель и обещал, он лишил капитана Гонсалеса должности коменданта, разжаловал и под арестом и охраной отправил в Испанию. По такому случаю в городе три дня шли непрекращающиеся торжества, балы и прочие небольшие семейные вечера. В вихре веселья горожане едва не пропустили вести о том, что у них теперь новый комендант, дон Мигель назначил им своего поверенного, сержанта Гарсию. Сержант Гарсия, представив объём свалившихся на него задач (точнее, целые сутки выслушивая мелкие жалобы и кляузы почтенных жителей друг на друга), слегка запаниковал и попросил дона Мигеля разграничить власть военную и светскую и назначить в город губернатора. Мол у него, Педро Гарсии, даже есть надёжный человек на примете, хорошо известный сеньору Робладо дон Диего де Ла Вега. Дон Мигель возражать не стал (а Диего просто не успел) и, в восторженной радости жителей города, губернатором стал молодой де Ла Вега. По поводу назначения дона Диего горожане гуляли ещё сутки.

Второй чудесной новостью оказалось родство дона Мигеля, которого в Лос-Анхелесе все считали добрым Ангелом-Хранителем, с сеньором Эстебаном Рокхе. Естественно, при таком родстве, подкреплённом щедрыми свадебными подарками, дон Рамирес не мог отказать Эстебану в его сватовстве к сеньорите Эсперансе, и в скором времени счастливые влюблённые обвенчались. Сколько сеньорит и почтенных сеньор буквально кусали локти от досады, узнав, какого завидного жениха они упустили, знал, пожалуй, только падре Антонио. А может, даже он не считал, ведь ему нужно было готовиться к другой церемонии: венчанию дона Диего и сеньориты Каталины.

Это и стало третьей чудесной новостью для жителей города (правда, далеко не все радовались за молодых искренне, ведь дон Диего, при всей своей книжности и учёности, считался всё-таки завидным женихом).

И вот сейчас, проведя обряд венчания, падре Антонио рассчитывал на длительный отдых в приятной компании за чашечкой крепкого кофе и партией в шахматы.

— Ну что, кажется, мы неплохо потрудились, а? — в комнате, прямо из воздуха появилась благообразная старушка, в которой Каталина безошибочно узнала бы заколдовавшую её волшебницу.

— Да уж, — усмехнулся падре Антонио, — признаюсь, ты меня крепко удивила. Это же надо было придумать, превратить девушку в крысу!

— Кем была, такой и стала, — старушка поправила на голове платок, — а как о себе забыла, ради своего ненаглядного, так и опять человеком обернулась.

— Я же говорил, что Диего сможет её перевоспитать, — гордо выпятил грудь падре Антонио, — а ты ещё не верила, спорила.

— Ладно, больше не спорю, — отмахнулась старушка, дребезжаще хихикнув и тут же помрачнев. — А вот скажи-ка мне, умник, что с нашим детективом делать будем?

— Каким детективом? — нахмурился падре Антонио.

— Тем самым, которого король Алонсо отправил на поиски пропавшего принца Гейбла, — ехидно ответила старушка. — Помнишь, ты в королевстве Андродеи перебрал тамошней медовухи на травах и ляпнул, что принц жив?

Падре Антонио заметно покраснел.

— Так вот, король твоему пророчеству поверил и отправил своего самого лучшего детектива на поиски принца! — ещё ехиднее продолжала старушка.

— Так разве он не знает, что... — пролепетал падре Антонио.

— Откуда?! — всплеснула сухонькими руками старушка. — У них же, кроме тебя, иных пророков нет, а те, кто что-то знают, предпочитают рот на замке держать!

— Ну и ладно, — падре Антонио пожал плечами, — и ничего страшного. Пусть ищет, тем более, что принц жив.

— Детектива самого убить хотят, — сварливо проворчала старушка, — самих Теней по следу пустили! И ведь не поскупился, злодеюга лицемерная!

Падре Антонио глухо застонал, закрыв лицо руками. Он понимал, что желанный отдых с шахматами, кофе и приятной компанией откладывается, если вообще не отменяется. Опять придётся, невзирая на годы, помогать, оберегать, учить, а ведь он уже не молоденький!

— Чаво стонешь, пень трухлявый? — разозлилась старушка. — Сам енту кашу заварил, сам и расхлёбывать станешь!

— Где детектива спрячем? — простонал падре Антонио. — Сама же знаешь, от Теней спасенья нет!

— Есть, — усмехнулась старушка, по-молодому сверкнув глазами, — Тени бессильны там, где нет магии.

— Ты хочешь сказать...

— Ага, — старушка озорно, пусть и дребезжаще, захихикала, — отправлю нашего героя геройского к Лене, это подружка Каталины, они с ней с детства дружили.

— Да где мы ту Лену искать-то станем? — засомневался падре Антонио.

— Где надо, там и станем, — отрезала старушка. — Я как раз на свадьбу внучки отправляюсь, заодно и его прихватчу.

— Никак, Марианна замуж выходит? — оживился падре Антонио. — За кого?

— За Максима, фотографа, — не очень охотно ответила старушка. — Не шибко мне ентот союз по душе, ну да ладно, пускай сами разбираются. Чаво я буду в их отношения лезть, чай, не дети малые.

— Это правильно, — одобрительно кивнул падре Антонио, — а что касается детектива...

— Вопрос решённый, — отрезала старушка и резко махнула рукой в воздухе. — Всё, прощай, старый, до новых встреч!

Падре Антонио только и успел вскинуть руку в прощальном жесте, как старушка исчезла, как и не бывала.

— Вот ведь неугомонная, — проворчал падре Антонио, подходя к ставшей прозрачной стене. — Ни себе, ни другим покоя не даёт.

Продолжая что-то негромко бурчать себе под нос, падре шагнул прямо в стену и исчез в облаке ярких искр.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net